

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ,
МОЛОДЕЖИ И СПОРТА УКРАИНЫ**

**ХАРЬКОВСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ
ГОРОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА**

Л. А. РАДИОНОВА, Е. С. СЕМЕНЮК

ПОЛИТОЛОГИЯ

Курс лекций

ХАРЬКОВ – ХНАГХ – 2013

Политология: курс лекций (для студентов 2-3 курсов всех форм обучения, всех специальностей) / Л. А. Радионова, Е. С. Семенюк; Харьк. нац. акад. гор. хоз-ва. – Х.: ХНАГХ, 2013. – 168 с.

Авторы: Л. А. Радионова, Е. С. Семенюк

Рецензент: д. филос. н., проф. В. В. Корженко

*Утверждено на заседании кафедры философии и политологии,
протокол № 4 от 15.11.2012 г.*

Введение

Современный этап развития высшего профессионального образования в вузах Украины характеризуется кардинальными изменениями в системе гуманитарной подготовки студентов. Гуманитаризация образования направлена на интеллектуальное, эстетическое и нравственное развитие личности, повышение уровня образованности специалиста, что является важным условием для его профессионального самоопределения в трудовой деятельности. Решение этих задач предполагает обновление организационных и методических форм активизации эвристического потенциала студентов.

Предлагаемый курс лекций в определенной мере служит этой цели. Тематика лекций соответствует программе курса для высших учебных заведений Украины. В конспекте лекций студентам предлагаются темы, составляющие каркас курса, раскрывающие логику учебной дисциплины и науки «Политология». Это своего рода модели ответов. Однако эти модели не стоит воспринимать как законченные и полные, при ответах на экзаменах необходимо обращаться к анализу реальных событий и процессов, уметь применять теорию, систему политологических понятий. Ведь политические знания важны не сами по себе, а прежде всего как средство обеспечения более осознанного и активного участия личности в политической жизни общества.

Настоящий курс лекций предлагает студентам помощь особого рода: он ориентирует не только на подготовку и сдачу экзамена (это тактика), но и на получение упорядоченных концентрированно оформленных знаний, необходимых для специалиста (стратегия).

Модуль Политология (2.0/72)

СМ 1. Генезис, сущность и содержание политики

1. Социально-политический процесс как явление и понятие.
2. История мировой политической мысли
3. Политическая деятельность и власть

СМ 2. Политические институты

1. Политическая система общества. Политические режимы современности
2. Государство как базовый институт политической системы
3. Политические партии и избирательные системы.
4. Политическая культура.
5. Политическая идеология. Современные политические течения.

Программа модуля «Политология»

Тема 1. Социально-политический процесс как явление и понятие.

Общее концептуальное представление о политике, политической власти и политическом процессе. Всякое политическое отношение есть онтологическая структура. Политика антропократична. Политика – сфера публичного. Институционально-неформальное содержание политической власти как политический процесс. Проблемное «поле» политического знания, логика и проблемно-тематическая структура учебного курса.

Тема 2. История мировой политической мысли.

Политическая мысль Востока. Древний Китай и Индия. Политические идеи Древней Греции и Рима. Политическая мысль Средневековья и эпохи Возрождения. Политические учения Нового времени: государство как воплощение разума. Теория демократии: новый идеал и практика. Политическая мысль XX-XXI вв.

Тема 3. Политическая деятельность и власть.

Виды политической деятельности. Проблема средств в политике. Власть как категория политической науки. Социальный смысл и назначение власти. Концепции и определения власти. Ресурсы власти. Принципы организации и функционирования власти. Суверенитет и легитимность политической власти. Соотношение легитимности и эффективности власти.

Тема 4. Политическая система общества.

Теория политической системы. Истон Д., Алмонд Т., Дойч К. Механизм функционирования политической системы. Структура политической системы, ее функции. Типы политических систем. Политическая система в Украине.

Тема 5. Политические режимы современности.

Содержание понятия «политический режим». Типы политических режимов. Тоталитаризм. Авторитаризм. Демократия. Полиархия. Политический режим в Украине.

Тема 6. Государство как базовый институт политической системы.

Природа и сущность государства. Признаки государства. Функции государства. Формы правления и формы государственного устройства. Правовое государство. Соотношение социального и правового. Тенденции развития государства.

Тема 7. Политические партии и избирательные системы.

Возникновение и сущность партий. Причины возникновения современных партий и их природа. Типология партий и их функций.

Партийные системы. Украинская модель партийной системы, тенденции развития. Сущность избирательной системы и типология выборов. Пропорциональная и мажоритарная системы. Избирательная система в Украине.

Тема 8. Политическая культура.

Концепции политической культуры: подходы и определения. Типы политической культуры. Функции и структура политической культуры.

Тема 9. Политическая идеология. Современные политические течения.

Возникновение идеологии её сущность и функции. Типы идеологий. Критерии классификаций идеологий. Классический либерализм. Переоценка ценностей, формирование нового либерализма. Сущностные характеристики консерватизма. Новейшие течения консерватизма. Возникновение демократического социализма. Новые явления социал-демократии. Коммунизм. Фашизм.

Лекция: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС КАК ЯВЛЕНИЕ И ПОНЯТИЕ

1. Возникновение и сущность политического. Политическая власть и политика.

2. Политический процесс и политическая наука.

Данная лекция первая и, в некотором смысле, вводная лекционного курса «Политология», и именно здесь обозначим наиболее фундаментальные в онтологическом и познавательном смысле проблемы политики. Задача данной лекции - дать общее концептуальное представление о политике, политической власти и политическом процессе и на основе этого наметить проблемное «поле» политического знания, логику и проблемно-тематическую структуру учебного курса.

Общеизвестно, что политика есть отношения по поводу власти (хотя и не всякая власть есть власть политическая). Уже поэтому выяснение специфики политики и политического невозможно без понимания вопросов: что есть власть? Каково ее происхождение и функции? Как она возникает и распределяется в обществе? Каковы конкретные процессы образования и применения власти с точки зрения политического процесса? Какие центры и субъекты этой власти?

Целесообразно остановиться на том, как понятие «власть» разработано в советской и зарубежной политологии. Можно обратить внимание, что в самой категории власти есть некая непроясненность, «мистичность». Одно из самых употребляемых слов – «власть» – на понятийно-категориальном уровне часто остается неуловимой. Вероятно, не случайно определение термина «власть» отсутствует в 5-томной философской энциклопедии и только в философском энциклопедическом словаре дается общее определение (впрочем, без достаточной концептуальной проработки): «Власть – в общем смысле способность и возможность осуществлять свою волю, оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей с помощью какого-либо средства – авторитета права, насилия (экономического, политического, государственного, семейного)». Можно подчеркнуть, что в данном определении содержится попытка ухватить главное свойство власти как способности и возможности оказывать направляющее воздействие. Обратим при этом внимание, что определение ориентировано на власть как волевою деятельность некоторого социального субъекта. Это – существенное свойство власти и данное определение продолжает традицию понимания власти и политики, возникшую в западной политической науке еще со времени появления политологических работ, классика западной политологии Макса Вебера (1864-1920): «Политика означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь-то между государствами, будь-то внутри государств между группами людей, которые оно в себе заключает».

Кто занимается политикой, тот стремится к власти: либо к власти как средству, подчиненному другим целям..., либо к власти «ради нее самой», чтобы насладиться чувством престижа, которое она дает» (М. Вебер. Политика как призвание и профессия).

Можно также обратить внимание на то, что западные политологи определяют власть, в т. ч. и политическую власть, как совокупную мощь государства и указывают на три ее важнейшие изменения: контроль над ресурсами, контроль над действиями лиц и контроль над конечным продуктом.

Последнее определение сужает власть и властные процессы к исполнительной, административной власти государств, которая есть лишь одна из разделенных властей в политико-правовом обществе. Что же касается определения М. Вебера, то, несмотря на его солидность, оно не охватывает власть в ее онтологических, социально-организующих функциях.

Необходимость анализа власти в таком последнем измерении все более осознается в новейшей политико-научной литературе.

В приведенных выше определениях власть представляется как средство для достижения целей, лежащих вне ее самой; лежащих вне ее самой; функционированию власти придают субъективно-волевое измерение, рациональный и управляемый характер, т. е. власть мыслят субъективно, по жесткой схеме воздействия одного субъекта на другой. Нетрудно заметить, что и политику классик политологии М. Вебер мыслит в таком субъективно-волевом измерении. Политика, несомненно, есть некоторый вид, форма волеизъявления и волевого действия. Но только ли в этом суть политики? Неужели вся сфера политического сводится к политическому волеизъявлению? Вероятно, нет. И это станет более очевидным, если мы подойдем к понятию «власть» с более широких философско-социологических позиций.

Власть – это сущностное явление общества, начало, порядок – *arche* (греч. – архэ) социального бытия. Еще в древнегреческой мысли началу «архэ» (власти) как символу необходимости существования для человечества какого-то организованного порядка, регулируемого общеобязательными нормами, противопоставлялось начало «анархэ» – безвластие как символ общественного устройства, свободного от всякого принуждения. Поэтому **власть** – это, прежде всего, ***организация некоторой дифференцированной и аморфной группы людей в общность, общественное целое; это социальное упорядочивание, организация совместной жизни в общих интересах и целях.*** До того, как начинаются конкретные действия власти, общество в большей степени существует в намерении, чем реально. Как только власть возникает и начинает функционировать, некая общность людей, где существовало только неопределенное сознание о социальных целях, приобретает через подчинение социальной дисциплине власти более ясное осознание своей общности. Распространяя давление на каждого, власть приносит ощутимое и конкретное единство, цель и границы общества.

Подобное уточнение и дополнение дает возможность подойти к определению предметного содержания понятий «политическое», «политическая власть» с более строгих гносеологических позиций и, в то же время, в более адекватном проблемном горизонте.

В политической теории выделяют три основных типа власти: ***анонимную*** – закрытый характер власти (напр., религиозная власть = теократия), ***индивидуальную*** (частную) власть (напр., власть вождя, правящих

тоталитарных режимов) и **институционализированную** власть, которая рассматривается как собственно политическая.

Осуществление власти в любом сообществе опирается на общепринятые (обычай, традиция, религиозный культ, ритуал и т. д.), или сознательно (рационально) созданные и юридически закрепленные, принципы и ценности, которые санкционируются в качестве обязательных, всеобщих и принудительных со стороны отдельных лиц или групп, или со стороны организаций и учреждений, обладающих необходимыми для этого авторитетом, легитимностью и материальными средствами. *Политическая власть дается не от Бога и не от обычая* (ср. религиозная, сакральная форма власти = теократии), *но создается самими людьми в форме социальных публичных институтов власти в ходе их (людей) общегражданского участия в формировании и реализации власти. В этом – политичность власти и политический характер социального процесса.*

Политическое как явление есть, прежде всего, институционализированное социальное пространство – совокупность особых социальных и политических институтов (напр., право), правил, процедур и организаций (прежде всего государство), посредством которых (или по каналам которых) формируется, распределяется и реализуется власть как социальное волеизъявление. С другой стороны, общество структурируется, организуется через политические институты в ходе политической деятельности народа. Иначе говоря, власть как политическое и политика как форма власти и локализуется в публичных общественных институтах права и государства. В форме этих институтов из индивидуально-частной и анонимной становится публичной, т. е. описывается не в терминах присвоения отдельных лиц, но присваивается обществом через нормы права, и находится в своем конкретном структурном и функциональном виде во владения многих политических институтов и центров власти (напр., законодательная, исполнительная и судебная власти; власть средств массовой информации и т. д.).

Итак, политическая власть – это не индивидуальная, частная и анонимная (закрытая) власть, но власть институционализированная, публичная, существующая прежде всего в форме политико-правового юридического государства.

С этой, политико-институциональной, точки зрения власть есть насилие (как и любая власть), но интегрированное в право и опирающееся на него, а не

право силы (тоталитарные режимы, например). Дж. Локк отмечал: «власть дает право действовать, однако против закона не может быть никакой власти».

Итак, политическая институционализация власти означает, что последняя перестает быть анонимной и индивидуальной, частной собственностью и вещью отдельных лиц – правителей, правящей группы и т. п.. Власть и отношения по ее поводу становятся публичным общесоциальным делом, общим достоянием – с точки зрения формального доступа всех граждан к политическому процессу, к политическому волеизъявлению, а также общей подконтрольности институтов власти гражданам. *Власть – общее публичное дело всех граждан, формально (юридически) доступное всем членам общества, а не приватное, частное и тайное для общества, дело (и собственность) верховных лиц и правителей (вождей, старейшин, царей, современных элит и т. д.).*

Политическая власть – это республика – *respublica* (дословно переводится как общая власть, общее дело, публичное действие). Поскольку этот процесс начался в рамках греческого полиса, это общее дело (по созданию института власти, по контролю над ними и по управлению полисами) возникло как полисное, политическое дело – политика. Через политику и участие в политике процессы образования и применения власти становятся под контроль всех граждан – членов политической общности. Властные санкции, полномочия, нормы изымаются из исключительной компетенции правящих лиц, становятся предметом публичного обсуждения, спора, противоречивых мнений, соглашений и т. д.

Через политику и политический процесс формируется рационально-политическое отношение к власти, или говоря словами М. Вебера, политический внеперсональный рационализм, являющийся общекультурным и общеполитическим началом всей европейской истории. С этой точки зрения специфика европейской культуры и интеллектуальной традиции состоит в политичности. Политико-рациональное отношение к власти означает:

во-первых, власть и носители власти рассматриваются как бы со стороны – как предмет осмысления, рефлексии, – т. е. разрушено сакральное, мистическое восприятие власти;

во-вторых власть и ее институты даны не от Бога или иных потусторонних сил, но учреждены самими людьми, человеческими волей и разумом.

Политичность европейской культуры означает, что власть рассматривается как воплощение человеческой разумности и рационально устроенный социальный институт, созданный людьми демократическим способом в целях оптимального (рационального) управления обществом. Власть – не от Бога, но от людей.

В этом отношении западная культура – политическая и рациональная по преимуществу – существенно отличается от восточных или тоталитарных социумов. На Западе власть и психологически, и фактически воспринимается как порождение подвластных, как контролируемая их разумом и политической волей: они ее создают, им она обязана своим существованием и им же она подотчетна.

В *восточных и тоталитарных обществах власть онтологична*. Она есть сила, онтологизирующая бытие – т. е. через власть, данную от Бога, или от единственно единого учения в социальном космосе обретает статус бытийности. Считается, что только власть, дарованная свыше выводит людей из состояния хаоса, упорядочивает существование подвластных, которые безусловно подотчетны власти.

В *западных обществах онтологическо-организационным началом является политика*, политический процесс, в которых формируется власть и контролируется со стороны народа, облекается в конкретные правила, законы, правовые нормы и процедуры; вовлекается в социальный процесс борьбы социально-политических интересов и мотиваций сталкивания различных политических объединений и партий. В политическом обществе не власть сама по себе – как единая Воля, данная свыше, а именно политика и политическое волеизъявление народа, есть онтологизирующее и как организующее начало общества. Здесь воля человека не отчуждена раз и навсегда в пользу власти правящих верхов (что характерно для восточно-деспотичного и тоталитарного социумов).

Власть в политическом обществе есть совокупность индивидуальных (человеческих воль) и институционализированных в праве, государстве, представительных учреждениях, центрах власти (напр., суд, парламент), т. е. в политической организации общества.

Политический характер власти основан на признании за каждым человеком естественного обладания потенцией государственной власти. Политика изначально по определению публична и предполагает активное политическое участие индивидов – участие по поводу формирования и

разделения власти, в контроле над органами власти – через систему выборов, партий, групп давления; участие в выборных органах власти. Политическая часть воли человека не переходит раз и навсегда к представителю власти, но временно передается лицу, которого большинство общества сочтет достойным осуществлять свои интересы в государственно-политических институтах власти. ***Политика с этой точки зрения есть совокупность институтов, норм, правил выборных процедур и т. д., так и процессы политического участия и политического волеизъявления народа, в результате чего формируется общая политическая воля – власть.***

В греческом полисе полисная (политическая) жизнь стремилась стать предметом публичного обсуждения на агоре (центральной площади города) со стороны граждан, которые считались равными – политически равными (греческое название этого политического равенства *isonomia* – равновесие, равенство, порядок), и для которых государственное управление являлось общим делом. Само греческое понятие *arche* – «власть», «управление» обрело свою самость, отдельность и начало определять область собственно политической деятельности.

Такое переопределение «*arche*» означает, что общественный порядок не зависит больше от государя, не связан с всевластием исключительной личности. Скорее наоборот, этот порядок регламентирует, составляет власть отдельных лиц, кладет предел их субъективному произволу. Власть закона ставится выше власти людей. Еще Аристотель – основоположник политической теории и современник полисной жизни, соглашаясь, что закон, придуманный людьми, никогда не будет совершенным, подчеркивал, что «власть закона предпочтительнее власти любой личности», что общий принцип, социальное равновесие главнее всех частных. Аристотель отмечал, что «мы разрешаем начальствовать не человеку, а слову закона (*logos*), т. е. человек себе уделяет больше благ и меньше зол и делается тираном. Между тем начальник – страж правосудия, а раз правосудия, то и равенства, и справедливости» (Никомахова этика. 1134 в.)

В политическое сознание греков входит мысль, что любой человек или группа людей, стремящихся утвердить за собой монополию на *arche*, тем самым ставят под угрозу равновесие других сил и всего полисного организма. *Arche* не должна являться чьей-либо исключительной привилегией, собственностью: именно государство-полис должно лишить *arche* всякого

частного характера, и именно государство, высвобождая от родовых пут, должно стать делом всех.

Само участие в полисных делах, т.е. политика, в полисе принимает форму агона (греч. – состязание) – состязания в красноречии, борьбе мнений, в политических дебатах, и т. д. – местом которого была агора – площадь, место собраний – открытое публичное место. С тех пор политика, политическая деятельность и процесс немыслим вне этой публичности, открытости, конфликтности. Политика всегда агонистична, внутренне полемична, конкурентна, диалогична.

Идея политики возникает как отражение этой новой общественной открытой реальности, несущей в себе спор, конфликт, борьбу интересов и мнений, выработку на основе этого компромиссных решений, консенсусов, всеобщих правил поведения, норм и т. д., которые, несмотря на свою общеобязательность и принудительный характер, обладают легитимностью (законностью), узаконенностью не только в формально-юридическом, но и в эмоционально-психологическом измерении (нужно подчеркнуть, что политическая власть легитимная, причем ее легитимность, законность опирается на рациональные начала, в отличие от неполитических форм легитимации (харизматическое лидерство, религиозно-ритуальные формы и т. п.). ***В самом общем виде легитимность означает некоторое морально-психологическое оправдание и принятие данной власти людьми. За всякой политико-государственной властью стоит насилие, которое может быть принятым со стороны управляемых и оправданным в их сознании, но может быть и отвергнутым.***

А постоянной функцией политики считалось приведение в единство, общность разделенного на группы, слои и т. д. (со своими интересами и мнениями) общества. Само по себе, т. е. вне политического, общество не представляет единства; оно им обладает тогда, когда является политическим обществом и приобретает в политическом процессе политические определения и институты.

Вместе с таким – публично-агонистичным характером древнегреческой полисной жизни Платон ввел различие политического (публичного) от частного – до него разница была лишь между «священным» и «обыденным» – и приоритет полисного, политического над частным. Ибо цель полиса и политической жизни, по Платону, не счастье частных, а общее благо, порядок, общее равновесие, справедливость. Древнегреческая – справедливость,

равенство, равновесие, порядок вводятся политической мыслью в контекст политики, политического характера и функций власти, как их (власти, политики) атрибуты.

Сущность и специфику политического и политики невозможно разбирать вне различения в обществе двух социальных сфер – приватной и публичной (политической) и, соответственно, двух основных типов властвования – приватной (частной) власти и публичной (общественно-политической власти).

В современном обществе, опирающемся на политико-правовое начало, собственно политическое отношение публично в отличие от других видов общественных отношений, например мораль, которая в западном обществе не навязывается извне, а выбирается приватно, через индивидуальную свободу выбора: экономика, опирающаяся на частную предпринимательскую деятельность и на частное право собственности (право частной собственности). Важно в связи с этим подчеркнуть, что публичность политического отношения есть не просто его коллективный, общественный характер: оно означает нечто специфическое и функционально важное для общества – то, что в обществе является организованным, упорядоченным и безличным (внеперсональным) – сверхиндивидуальным и представительным. Политическое отношение – это организованная со стороны общества реальность и ее представленность в форме особых, публичных, по способам и функциям, институтов власти – государства, парламента, судебной власти, правительства, административного аппарата; во-вторых, публичность политики – в ее политико-правовой компетенции. На своем сущностном уровне политическое охватывает такие сферы деятельности, которые имеют охранительные (защитные) функции по отношению к членам политической общности, поскольку они ее образуют и разделяют одни идеи, цели, моральные идеалы, независимо от своего классового, социально-экономические положения и имущественного состояния. Само понятие государства означает, что общество возводит на уровень «общих интересов» некоторые из своих потребностей, которые нуждаются в особой опеке и защите со стороны публичной власти и права.

Таким образом, *политика связывает частные цели в общественные цели, частные интересы в общие интересы. Задача политики – регулировать частные интересы, направляя их на общее благо*, опекать (охранять, защищать) общегосударственные интересы. С этой точки зрения можно выделить различные стороны политической реальности и политики:

1) особое институционализированное пространство, в котором частное модифицируется в общее – в общегосударственные интересы и цели; т. е. это своеобразная социальная плоскость, на которую посылаются частные, скрытые интересы и получают общее публичное выражение и обозрение, оформляются в качестве общегосударственных публичных требований;

2) совокупность механизмов и структур, оберегающих, охраняющих общество в его суверенности, автономности (например, правовое государство);

3) формально-публичные структуры и коммуникации, через которые циркулирует и становится доступной, открытой обществу социальная информация, а также посылаются и передаются импульсы политического волеизъявления;

4) сам реальный процесс политического участия и политического волеизъявления людей.

Однако с позиции марксистской теории политики последняя есть продукт классового общества, выступает как отношение классов по поводу государственной власти (Ленин). С точки зрения марксизма, политическое государство, по определению, классовое государство, аппарат подавления одного класса другим, орудие, машина сохранения классового господства (Ленин «О государстве»). Идея государства как аппарата насилия в руках одного класса восходит к теории политики и государства Макиавелли, который, изучая политическую практику итальянских тиранов эпохи Возрождения, сделал вывод о государстве как аппарате насилия и угнетения одних людей другими.

Очевидно, что такое понимание сущности политического трудно согласуется с изложенным выше пониманием политики, государства и т. д. Нужно сказать сразу, что марксистская теория политики, несмотря на множество верных вещей, в данном вопросе не лишена некоторой ограниченности и не подтверждается ни исторически, ни с точки зрения теоретико-познавательной.

Политика как практика власти и как понятие в известном смысле внеклассово по природе, внеклассовой структуры, классовых интересов и т. д., хотя последние не могут не оказывать влияния на некоторые неформальные механизмы и технологии власти и воздействовать тем самым на реальные процессы. Но с точки зрения институциональной, политические отношения более сущностны и устойчивы классовых.

Через юридико-правовую систему все члены общества имеют равное к власти отношение (равенство перед законом, в т. ч. и перед законодательной и т. п. властями = политико-юридическое равенство). В институционально-правовом механизме власти участвуют не классы и социальные группы, но граждане, одинаково в принципе правоспособные и правомочные, обладающие равными правами и возможностями. Но с экономической и социальной точек зрения, они не равны, в чем марксизм и родственные ему социологические доктрины правы, и это неравенство конкретного эмпирико-экономического состояния оказывает влияние на конкретные политические процессы, на неформальные (не правовые, не институциональные) механизмы политики и власти.

Прежде чем переходить от теоретико-социологических и историко-философских суждений о политическом к его структурно-функциональному срезу, необходимо заметить, что греко-античное понимание политики было многозначным и включало в себя и форму государственного устройства, и политику (реализацию власти) и формы социальной жизни, и сам образ жизни греческого человека. Поэтому Аристотель называет человека политическим животным – «*zoon politikon*» (Аристотель. Т. 4. С. 378). В ходе становления новоевропейской политической философии и политико-социальной практики (XVI-XVIII вв.) греко-античное понимание политики переосмысливается, теряя столь характерную широту и многозначность. Решающая роль в этом принадлежит христианской религии и теологии.

Христианский взгляд на государство и политику, а также все христианское религиозное мировоззрение, несмотря на свое в принципе негативное отношение к светской государственной власти («царство кесаря» по религиозной терминологии), тем не менее парадоксальным образом подготовили переосмысление политики и политико-государственной жизни в Европе в XVI-XVIII вв. (однако, это переосмысление происходило в русле антично-греческой традиции). Удержав политику, как публичное достояние и публично-общественный процесс образования и применения власти, христианство ввело политику и систему народоправства (идея античной демократии) в более широкий культурно-социальный контекст и сделало тем самым политико-демократический процесс более устойчивым и продуктивным.

Христианский теократизм парадоксальным образом способствовал:

1) отделению частной и публичной сфер жизни общества, что способствовало утверждению личностного суверенитета человека, его

независимости от власти и неподопечности ей. Это – основной пункт, различия между античной и новоевропейской (парламентско-представительной) демократией;

2) через христианский этикоцентризм политика стала рассматриваться с особой – этикотеологической точки зрения – с позиций общечеловеческой морали и общечеловеческих ценностей. С тех пор политика и мораль – автономные, но тесно сопряженные сферы государственно-политической и социальной жизни.

Для античного человека подлинная жизнь есть жизнь политическая. Античный полис-государство и есть все общество, а политика – полисная жизнь – есть вся общественная жизнь. Христианизация Европы, а затем становление буржуазно-индустриальных обществ расчленили это единство политики и социальности, государства и общества; противопоставили общество государству, индивида – обществу и государству. В новоевропейской политической мысли понятие политики сужается до определенной сферы, не покрывающей собой все общество, и существует наряду и в тесной сопряженности с тем, что в европейской политической философии называется «гражданским обществом». ***Взаимосвязь политики (государства) и гражданского общества составляет совокупный механизм отношений власти и основание реальных политических процессов в современном обществе.***

Гегелем в «Философии права» было введено понятие «гражданское общество». «Гражданское общество», по Гегелю, представляет собой систему всесторонней зависимости, которую можно рассматривать как «внешне» государство в отличие от политико-правового государства (Гегель.-Т.-7.-М., 1934.-С.212). Гражданское общество («внешнее» государство) есть сфера реализации особенных частных целей и интересов отдельных частных лиц. Гегель отмечал, что человеческая общность как единство частных лиц – это именно гражданское общество (общество бюргеров – в нем. языке нет разницы между бюргером, буржуа и гражданином), но не государство. Государство – публично-правовой институт, средоточие публичной власти и права. Гражданское общество – частно-правовой институт, это совокупность частных властей. В связи с этим и нужно учитывать, что в обществе, где существует политическое, т.е. политическая форма власти, существуют два вида властей – публичная и частная (приватная, так сказать, власть над самим собой).

Публичная власть сосредоточена в политико-правовом государстве, но сосредоточена не в одних руках, напр., в правительстве, а административном аппарате, но:

1) центрируется и распределяется в разных центрах власти, уравнивающих и контролирующих друг друга (разделение властей);

2) четко определены компетенции и субъекты власти и публичного права на центральном и местном уровнях;

3) власть и субъекты публичного права находятся под публичным контролем граждан, в том числе через выборную систему (электоральный процесс), прессу, средства массовой информации, а так же через участие в прямых формах политического участия (прямая или плебисцитарная демократия – референдумы и т.п.).

Но есть и иная форма власти – частная, локализованная в отдельных структурных единицах общества: семья (власть родителей над детьми до их совершеннолетия); предприятие (власть производственно-технического процесса над рабочей силой, власть администрации над работником); власть над собственной накопленной собственностью или имуществом и т.д. и т.п. Это частная индивидуальная и групповая форма властности – не публичная и не политическая. Общество не вправе вмешиваться в дела этих частных властей, кроме тех случаев, когда сами они (или одна из них) нарушают свои пределы, посягая на компетенции публичной власти, т.е. на общие интересы всех членов общества и граждан государства.

Указанная совокупность частных интересов и властей в самом общем виде составляет особенности гражданского общества как явления и понятия. Современный политический процесс немыслим вне гражданского общества, также как и понимание политики в современных индустриальных и постиндустриальных обществах немыслимо вне понятийного и социологического анализа гражданского общества.

Содержание понятия гражданского общества отражает сумму всех неполитических отношений – социальных, духовных, нравственных, семейных, т.е. отражают такие отношения, которые не входят в сферу инструментальной публичной власти и государственно-политического контроля, не санкционированы государственной волей в качестве всеобщих – обязательных и принудительных. Там, где государство контролирует общество, контролирует и подрывает суверенитет его частных, частных властей (например, отмена прав частной собственности и установление монополии

государственной собственности на все виды жизненных ресурсов), – нет гражданского общества (как, впрочем, и политики). Государство поглощает общество, лишая его своих саморегулирующих механизмов, основанных на частности, приватности, суверенитете по отношению к государственно-политическим институтам.

Гражданское общество есть (начиная с XVII в.) форма общения работников и жителей индустриально-урбанистической (западной) цивилизации как граждан – отдельных, суверенных участников общественной политической жизни, суверенность и приватность которых опирается на право частной (т.е. не контролируемой государством, не государственной) собственности. Жизнь гражданского общества подразумевает наличие реальных суверенных субъектов политической жизни и гражданской самостоятельности. Такими субъектами могут быть лишь различные субъекты собственности. Вне децентрализации собственности и ее суверенизации гражданская активность, политическое участие и волеизъявление иллюзорны. Только субъект собственности (прежде всего собственник своей рабочей силы, своего творческого потенциала) обладает реальной возможностью быть гражданином и полноценным участником политической жизни.

Гражданское общество не есть нечто независимое и отграниченное от политики, граница между ними относительна и легко переходима. Ибо вне политических институтов и коммуникаций, а стало быть, вне выведения импульсов частных гражданских интересов на публичную арену, на спор, притязания и т.п., вне оборачивания борьбы частных властей и интересов общественными соглашениями, договорами, компромиссами и т.д. (в которых частный интерес получает общественно-публичное признание, общественную значимость, ценность) – процессы, формирующиеся в обществе, не сформируются как связи гражданского открытого общества. В точках гражданского общества идет постоянный процесс инициирования волевых, побудительных импульсов общественного развития, вызревают идейно-ценностно окрашенные волевые мотивы социальных субъектов, которые в политической сфере интегрируются в некую равнодействующую социального развития и оборачиваются социальной стабильностью и упорядоченностью.

Связка «гражданское общество – политика» играет важную роль в политико-социологическом анализе. Через понятие «гражданское общество» в рассмотрение политического процесса включается социально-структурный (социально-классовый) компонент политики и высвечивается ее социально-

процессуальная подоснова. Понятие гражданского общества с этой точки зрения расчленяет общественные связи и интересы, вскрывает динамичную структурность социальной жизни через выявление разнообразных социально-политических интересов и устремлений различных социальных групп, классов и слоев идейных программ и платформ и т.д. Через это понятие социально-структурные отношения, социально-классовые и иные социальные конфликты включаются в пространство политики – осмысливаются как политические и правовые проблемы и вопросы; заполняют пустоты социальных взаимоотношений отношениями – связями политической борьбы, согласия, консенсуса, договоров и т.д. Социально-классовые отношения политически артикулируются, окрашиваются формами политических соглашений, договоров, компромиссов. С точки зрения гражданского общества социальная структура предстает как политически оформленная структура.

Итак, связка «гражданское общество–государство»/«частная форма власти»–/«политико-публичная власть» – составляют структурный каркас социально-политического процесса современных обществ и являются важнейшими основаниями как их динамичности, так и стабильности. Динамичность определяется тем, что политико-публичные структуры и институты через политические организации, партии и объединения коммуникации быстро откликаются на импульсы волеизъявлений, поступающие из институтов гражданского общества, и переводят их в общезначимые ценностные нормы и регулятивы. Стабильность же демократических обществ (несмотря на социальные потрясения и конфликты) достигается тем, что со стороны политики, как институционализированного государственно-правового пространства, обществу задаются идеально-правовые нормы и регулятивы продуктивной деятельности, очерчивается политико-правовое этическое пространство, в котором человек не только принуждается эффективно трудиться и цивилизованно сожительствовать, но и не получает возможности (права и свободы) сохранять и наращивать свою творческую особость, приватность, индивидуальность. С этой точки зрения политика и право шире, фундаментальнее гражданского общества, оставляет некое основоположение демократического общества, не посягая при этом на его суверенность.

Со стороны гражданского общества институционально-правовой механизм власти дополняется иными формами и импульсами власти, идущими от членов и социальных групп гражданского общества, формирующихся не

только (а может быть, и не столько) в сфере собственно политической, сколько в структурах гражданского общества – профсоюзы, предпринимательские союзы и т.п. В гражданском обществе социальные потребности и интересы кристаллизуются и превращаются в политические требования, по большей части еще до введения в собственно политическую сферу.

Реальное функционирование «гражданское общество – политико-правовое государство/экономически-правовые формы власти – политико-институциональная власть» и т.д. создает развитую политическую динамику – особую структуру функционирования и реализации политической власти. В сопряжении институционального и внеформального механизмов осуществления власти в общество, микро- и макроструктур власти, правовых и внеправовых властных практик и т.д. создается реальный политический процесс, который характеризуется следующей структурой:

1) динамика свободного формирования и расформирования партийных организаций и иных партийно-политических структур;

2) постоянной и постоянно обновляемой связкой: партии (именно «партии» как особенная внесударственная часть гражданского общества, в отличие от тоталитарных партий) – партийная избирательная программа – выборы – формирование правительства победившей партией (или коалицией);

3) актуализацией всех политических отношений в форме борьбы, конкуренцией, соглашениям различных партий и организаций, претендующих на место в парламенте, парламентское большинство. Партийно-политическая дифференциация есть фиксированная форма структурализации гражданского общества;

4) публичным и оппозиционным, критичным словом. Политика возникла в форме публичного слова и критической рефлексии. Через публичное (гласное) слово и мысль древний грек шел к идее политики и ее политической практике. Политический процесс немислим вне транслирования и представления властно-политических импульсов по каналам массовой коммуникации – прессы, радио, телевидения и т.д.;

5) демократией уличных митингов, демонстрацией, протестов, пикетов и т.д. (но в рамках закона). Это рискованная и раскованная стихия политического общества, вне которой не может происходить живая практика трансформации политической жизни;

6) нормами и традициями политических действий и решений в «коридорах власти», общим культурно-психологическими механизмами участия

в политике (политический радикализм, экстремизм или умеренность, здоровая консервативность и т.п.).

Такова структура политического процесса, это уже второй вопрос лекции. Что содержит предмет политологии как относительно самостоятельной отрасли общественного знания? Она должна заниматься не просто изучением государства и системы правления, а и их изучением в контексте исторического развития и реальной социальной действительности. Центральное тематическое направление политологии вероятнее всего – именно политический процесс как феномен и результат, взаимодействия различных политико-правовых, социально-структурных и культурно-психологических факторов. Очевидно, что в проблемное содержание политической науки должны войти политкультурология (в рамках которой можно не только изучать политическую культуру данного общества, но главное, через культурологический подход можно осваивать не- или до-политические формы власти – сакрально-религиозную, традиционалистскую и т.д. ибо это не столько политология власти, сколько теология власти); исследование роли средств массовой информации, оказывающих существенное воздействие на политическое сознание участников политического процесса и формирующих новые политико-сознательные структуры и политико-психологические мотивации; равно как анализ самого политического сознания в мировой культурно-исторической ретроспективе. Очевидно, что политология не может не включать в предметное содержание историю политической мысли. В современной западной политической социологии политическое знание определяют следующим образом: «Политическая наука рассматривает: каким образом люди получают и используют власть и как власть распределена в обществе. Политологи концентрируют внимание, главным образом, на изучении деятельности правительств, политических партий, «групп общих интересов», а так же поведения избирателей» (Смелзер Н. Дж. Социология, 1994) .

Итак, политология есть знание о политическом процессе. Поэтому еще раз остановимся на политическом процессе, его внутренних и внешних формах.

В основе системы политической власти людей две взаимосвязанные, но далеко не адекватные по своей природе и проявлениям части. Одна из них воплощает институциональные и юридико-правовые начала власти и определяет структуру и динамику политического процесса в

институционально-правовом отношении. Это конституционно-правовой механизм власти, составляющий, прежде всего, регулятивную сторону политической системы, ее политико-правовой элемент, а также совокупность ряда властных политических институтов.

Конституционно-правовой механизм власти есть основание любого государства как политической ассоциации, политического объединения и его (государства) функциональных подсистем. Его основным функциональным назначением является организация, т.е. установление правил, норм, процедур и других институциональных публичных регулятивов во взаимоотношениях между государством и гражданским обществом, государством и его частями, между партиями, политико-партийными группами (ассоциациями бизнеса, профсоюзами, молодежными союзами и др.). Реальный политический процесс как мы уже выяснили, значительно шире политико-институциональной власти. Особенно это характерно для стран переходного типа, идущих по пути модернизации своих политико-правовых систем. Последние, соприкасаясь с особыми специфическими формами местной культуры и традиций, в т.ч. и местных традиционных форм власти, порождают мозаичную и чрезвычайно запутанную картину государственно-правового устройства и политического процесса. Возникает реальный механизм властных отношений, с акцентом на неформальные неинституциональные – скрытые (особенно с т. зрения чисто политико-юридического подхода) рычаги управления.

Таким образом, деятельность по реализации власти не только не ограничивается формально-юридическими предписаниями и установлениями (которые вообще могут получить чисто декларативное значение, например, конституции СССР), но и выходит за рамки декретов исполнительной власти и предполагает использование всех возможностей политического давления как по открытым так и по закрытым каналам в целях прямого (минуя институционально-правовые институты) управления обществом.

Фактический механизм властвования в этом случае – это неформальная и часто неподконтрольная обществу система распределения власти, которая, прикрываясь нормативными установками, стремится создать благоприятные условия для формирования правящей группы.

Фактический механизм властвования шире не только в вышеуказанном аспекте – в плане различных коммуникаций и каналов отправления властных полномочий и решений, но и в плане социологическом, ибо он фактически выходит за пределы собственно политической сферы, упираясь в смежные

области общественной жизни – прежде всего в экономически-социологическую структуру общества. Реальный политический механизм воплощает подлинную и многогранную систему коммуникаций, сложившуюся между социальной структурой и институтом публичной власти.

Разумеется, в любом обществе реально функционирующая система политических отношений шире институционально-правовой, она необходимо дополняется формами скрытой и, часто не выходящей за пределы институционально-публичных каналов трансляции власти, включающей неформальные механизмы принятия политических решений. Но в обществах переходного типа это удвоение механизма значительно усиливается, причем на первый план могут выдвигаться неформальные, непубличные каналы образования и применения власти. В политической жизни приобретают значительный вес политические субъекты, которые в традиционной западной политической системе, по сути, выведены из активной политической жизни или поставлены под политико-юридический контроль и не притязают на выполнение политико-властных функций. Речь идет об этнических и т. п. организациях, армии и офицерском корпусе, чиновничестве, религиозно-клерикальных организациях и т.п. Импульсы, которые посылают эти политические группировки в адрес системы власти существенно влияют на последнюю, критикуют ее намерения и формы ее осуществления.

С этой точки зрения, понятие реального механизма власти расширяется. Наряду с политическим институтом оно включает различные методы, приемы, установки, используя которые правящая группа стремится направить политический процесс в нужное русло. В арсенал методов реальных политических механизмов входят личные связи, политическая коррупция, неформальные связи правящих групп с представителями верхних эшелонов офицерского корпуса, технократов с крупными политическими, общественными деятелями, ведущими менеджерами, профсоюзными лидерами, журналистами и другими лицами, потенциально способными оказывать воздействие на динамику политического процесса.

В связи с таким чрезвычайно сложным содержанием политического процесса необходимыми для политического знания становятся междисциплинарные связи – начиная от философии и теории государства и заканчивая конкретно-социологическим изучением текущей политической жизни. Необходимы расширения проблемного горизонта науки и в то же время поиски новых исследовательских стратегий и аналитических методик. Вопрос

этот не из легких и могут быть разные мнения, но безусловно одно: традиционный подход к политике и науке о политике в терминах «политической системы», «политической идеологии», исследование государственно-правовых институтов и т. д. не в состоянии определить в частности, почему одинаковые по своей сути, институциональной и структурной форме, политические институты оказываются дееспособными в одних странах и недействительными в других. Ответить более или менее верно на этот и подобные вопросы можно с точки зрения методологии и теории политического процесса, используя комплексный подход, базирующийся на органическом соединении эмпирического и теоретического компонентов исследования.

Как это можно представить конкретно? Возьмем в качестве примера изучение правового государства. Очевидно, что с точки зрения политического знания, изучение государства не может сводиться лишь к методологии государствоведения или правоведения, с другой стороны, и к чисто философскому учению о государстве и праве. И то и другое крайне необходимо политологу, но в собственно политико-логической стратегии он преломляет это знание в особом горизонте видения. Вероятно, этот собственный политический горизонт видения политики заключен в процессуальности тех проблем, которые изучают политическая философия, государство и право, а с другой стороны, институциализация и концептуализации тех эмпирико-политических процессов, которые стали объектом внимания политической социологии, теории политических элит, социологии партий (это все политологии эмпирического уровня). Эмпирическая политическая социология, изучая общественное мнение, выявляет политические ориентации людей и т.д. Политическая теория концептуализирует данный результат эмпирико-политической работы через введение «политическая культура», «политическое сознание». Но эти концепции, в свою очередь, должны быть тщательно проработаны с политико-философской, гносеологической точки зрения. Еще пример – конкретные представления людей о справедливости/несправедливости. Эмпирическая политическая социология фиксирует лишь мнения на этот счет. Но политико-социальная истина этим вряд ли будет достигнута. Важно знать, что такое справедливость, историю понятия и проблемы. Иначе говоря, необходим историко-философский и историко-политический экскурс в проблему, ведь справедливость по-разному

понимали в греческом полисе, в христианстве, в буржуазно-экономической и этической мысли, в коммунистических утопиях.

Таким образом, политическая теория должна аккумулировать в себе социальные знания, накопленные в рамках философии, социологии, этики, государствоведения и правоведения и т.п., а с другой стороны, посредством собственной теоретической работы добавить конкретное, эмпирическое знание с выходом на операционализацию фундаментальных политико-морально-философских понятий, знания о конкретных политических процессах и их эволюции.

Соответственно в проблемное пространство политической теории и политического знания можно включить следующие проблемы:

- 1) философско-историческое исследование политики, история политико-философских идей;
- 2) философия политики, политико-моральная философия, политико-философское учение о праве, государстве, власти, а так же их политико-социологический, политико-конкретный анализ;
- 3) философско-исторический, этико-политический, политико-социологический анализ проблем справедливости, равенства, равноправия;
- 4) концептуальное и операциональное исследование политического знания, политической идеологии и политической культуры, анализ основных политико-идейных течений современности;
- 5) философско-исторический и конкретно политический анализ политических режимов, конкретно-исторических форм власти и властеприменения;
- 6) политическая социология партий и партийно-политических групп; политико-социологический анализ социально-классовой, групповой и национальной структур с точки зрения политики.

Итак, сделаем краткие выводы:

1. Всякое политическое отношение и явление есть в известном смысле онтологическая структура – социально-организующее начало, хотя и не всякий социальный организм, общество являются политическими, в которых протекал бы политический процесс. В обществах тоталитарного типа или в восточных деспотиях политического в подлинном смысле слова не существует. Политика в строгом смысле слова, как и политико-государственные формы власти – явление по преимуществу европейской цивилизации.

2. Политика антропократична, а не теократична. Антропократия (в отличие от теократии) означает, что источник власти не от Бога, а от самих людей, т. е. от способности людей осмысленно и целенаправленно устраивать («структурировать») и контролировать власть и государственно-политическую жизнь. Только в обществах политико-правового типа необходима и возможна политология – рациональное политическое знание. В социумах сакрально-религиозного и тоталитарно-идеологического типов существуют теология и идеология власти – нечто существенно иное, чем политологическое знание.

3. Политическая практика и политическое знание (разум, мудрость, софия – греч.) возникает в греческих городах-государствах – «полисах». Полис как объединение людей в некоторую общность ради ведения общих публичных дел и в интересах общественного блага положил начало и дал название политике и политическому процессу. Политико-юридическое право возникло в условиях политической (полисной) организации людей. При господском (т. е. неполитическом) типе власти и отношений (в варварских деспотиях, в отношениях между господином и рабом) право не возможно. В этих неполитических условиях о праве можно говорить лишь условно, по аналогии. Право в подлинном смысле этого слова возможно только как политическое право, а права человека – лишь как права гражданина – члена политического общества.

4. Политика – это, прежде всего, публичная власть, сфера публичного. В политике и политическом процессе властеобразование и властеприменение есть общее публично-социальное дело, в котором участвуют все, как правило, граждане. Общность, таким образом, становится политическим сообществом (политическим союзом = государством). Иначе говоря, политичность – это публичность (общность, открытость) власти, а публичность – специфически важнейшая характеристика политического.

5. Политическое и политические отношения есть институционализированная в форме права и государства власть. Через государство и государственно-политическую власть масса людей организуется в политико-социальную общность, политическую организацию. С возникновением и оформлением такого социального института как государство, который берет на себя регулирование основных для общества функций как внутри данного сообщества, так и вне его, собственно и возникает политика как публичный и подконтрольный гражданам процесс образования и распределения власти, а также ее реализации.

6. Политическая организация создает обществу его структуры и коммуникации, создает социальные институты, законы и правила, процедуры и нормы совместной жизни. Эти нормы и правила через участие в политическом процессе создаются людьми (а не даются от Бога) и в некотором смысле есть условности, конвенции. Однако через санкцию со стороны государственной власти становятся обязательными, безусловными и, тем самым, социально дисциплинируют общество и людей, научают их совместно и цивилизованно жить в обществе. Иначе говоря, политика, будучи порождением политического разума (знания) в известной мере детерминирует общество и человека, организует их, обладает организующим началом (поэтому она и политическая организация).

7. Несмотря на то, что политическая форма власти есть власть институционализированная (через юридическое право) и государственно организованная, это, однако, не свидетельствует еще об исключительно юридически-правовом и институциональном содержании политического. Конкретно-историческое развитие отношения «политика – власть – право – государство» подтверждает, что политическое бытие власти шире юридически-правового (институционального) и включает в себя транслирование и циркулирование идей, мировоззренческих ориентаций, политико-моральных идеалов, разнообразных (социально-классовых, культурных, психологических и т. п.) политических мотиваций и интересов, а также конкретные техники и технологии власти, неформальные политические институты и центры власти, взаимоотношения политико-социальных и партийно-политических групп.

8. Указанное расширенное (институционально-неформальное) содержание политической власти обнимается понятием политического процесса, который понимается как вся совокупность проявлений политической системы власти, ее функций, формальных и теневых связей.

Введение понятия «политический процесс» в научный оборот позволяет преодолеть крайности двух конкурировавших до недавнего времени познавательных стратегий: политического-нормативистско-юридического и социологического.

9. Политическая наука, в том виде, как она выделилась в качестве самостоятельной области социального знания, изучает политику и политический процесс в единстве институциональных и неформальных измерений: исследует разделение и осуществление власти в обществе, политико-исторические и институционально-правовые условия формирования

власти (философско-исторический, политико-философский и правоведческий подходы), а также конкретные политические практики и техники, конкретно-эмпирические технологии власти и властных отношений (политическая социология, эмпирико-социологические и т. п. подходы).

Лекция: ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

- 1. Политические учения античности***
- 2. Западноевропейская политическая мысль в Средние века***
- 3. Политические взгляды эпохи Возрождения и Реформации***
- 4. Теория государства и права в Новое время***

Политические учения античности

В истории возникновения и развития древнегреческой политической мысли более или менее отчетливо выделяются три периода. Ранний период (IX-VI вв. до н.э.) связан со временем возникновения древнегреческой государственности. В этот период наблюдается заметная рационализация политико-правовых представлений (Гомер, Гесиод) и формируется философский подход к проблемам государства и права (Пифагор и его последователи, Гераклит). Второй период (V - первая половина VI в. до н.э.) - это время расцвета древнегреческой и политико-правовой мысли, нашедшего свое отражение в учениях Демокрита софистов, Сократа, Платона и Аристотеля. Третий период (вторая половина IV-II в. до н.э.) - период эллинизма, время начавшегося упадка древнегреческой государственности, когда греческие полисы попадают сначала под власть Македонии, а затем Рима. Воззрения этого периода представлены в учениях Эпикура, стоиков и Полибия.

Античная политико-правовая мысль оформилась и развивалась, как идеология свободных. Свобода – фундаментальная ценность, главная цель усилий и основной предмет забот древнегреческой политической теории и практики.

В процессе развития древнегреческой политической и правовой мысли ранние, во многом мифологические представления (Гомер и Гесиод) постепенно уступали место формировавшемуся философскому подходу (Пифагор, Гераклит, Демокрит), рационалистическим интерпретациям (софисты), логико-понятийному анализу (Сократ, Платон), и зачаточным формам эмпирико-научного (Аристотель) и историко-политического (Полибий) исследования государства и права.

Концептуальную завершенность программы стабилизации политической структуры полиса приобрели в теориях Платона и Аристотеля.

Платон (427-347 гг. до н.э.) выступал с утопической теорией «идеального» государства. Главное зло для современного ему общества Платон видит в человеческом эгоизме, который вытекает из коммерциализации человеческих отношений. Как теоретическую и практическую альтернативу такому «нездоровому» обществу Платон в диалоге «Государство» выдвигает проект идеального государственного устройства. Идеи трудны для понимания. Познание идей требует значительных умственных способностей, дисциплины и длительной подготовки. Только немногие в состоянии достичь адекватного знания идей. В результате, большинство людей не способны путем собственных усилий стать добродетельными и вести моральную и счастливую жизнь. *Поэтому немногие избранные, которые обладают знанием идей и по определению являются добродетельными, должны вести остальных по верному пути.*

Люди не являются добродетельными и достаточно компетентными. Дело должно взять в свои руки «эксперты», которые и обеспечат единство и лояльность народа. Средством для достижения этой цели является всеобщая система образования, в которой каждый имеет одинаковые возможности и каждый может найти в полисе соответствующее его способностям место.

Большая часть диалога Государство посвящена тому, какой должна быть идеальная система образования. При этом следует подчеркнуть, что Платону важна именно система как целое, а не частные детали, связанные с изучаемыми предметами, возрастом учеников или их экзаменами. Ее основные моменты таковы. Образование находится в руках общества, а не частных лиц. Все дети, независимо от происхождения и пола, имеют одинаковые возможности обучаться. Между десятью и двадцати годами все получают одно и то же образование. Важнейшими предметами являются гимнастика, музыка и религия. Молодежь должна обладать крепким и гармонически развитым телом, чувством прекрасного. Она должна быть обучена послушанию, лояльности и готовности к самопожертвованию. В возрасте 20 лет происходит отбор лучших, которые продолжают обучение, уделяя особое внимание математике. В возрасте 30 лет снова происходит отбор, и прошедшие его изучают еще пять лет философию. После этого они в течение пятнадцати лет участвуют в практической жизни общества, приобретая навыки управления. Когда им исполняется 50 лет и за их плечами 40 лет всестороннего образования, подго-

товки и опыта, тогда эта тщательно отобранная элита берет в свои руки управление государством. Ее представители уже обладают знанием идеи добра, фактуальным знанием и практическим опытом, причем все это стало их личностным знанием. Теперь, согласно Платону, они являются абсолютно компетентными и добродетельными. Именно эти *компетентные лица* должны обладать *всей властью* и управлять остальными членами общества. Не прошедшие первый отбор становятся ремесленниками, земледельцами и купцами. Отсеянные после второго отбора становятся управляющими и воинами. Таким образом, система образования порождает три социальных класса.

Первый состоит из правителей, обладающих компетенцией и всей полнотой власти. Второй класс образуют те, кто связан с управлением и военной обороной. К третьему классу принадлежат производители необходимых для общества продуктов.

Предпосылкой здесь являются *различия* людей. Система образования служит как раз для отбора разных типов людей и размещения их на соответствующие им места в обществе. Платон говорит метафорически, что некоторые люди сделаны *из золота, другие из серебра, а остальные из железа и меди*.

Платон не считает всех людей одинаково хорошими. Например, не каждый способен к политической деятельности. Однако он полагает, что всеобщая система образования и воспитания обеспечит каждому отвечающее их способностям место в обществе, где они смогут выполнять общественную функцию, для реализации которой подготовлены наилучшим образом. Одаренные мудростью будут править обществом. Обнаружившие мужество будут защищать общество. Проявившие умеренность и заботливость будут производить необходимые обществу продукты. Когда каждый занят тем, для чего он подходит наилучшим образом, и когда все социальные функции реализуются наилучшим (по Платону) способом, то общество является *справедливым*.

Следует добавить, что это идеальное общество не мыслилось, исходя только из теоретических и моральных требований. Справедливое общество является обществом для *взаимного удовлетворения потребностей*. Мудрые думают, мужественные защищают и умеренные производят. При условии, что разные люди имеют разные способности (добродетели) и соответственно выполняют различные общественные функции, они дополняют друг друга. В

этом положении содержатся зерна теории разделения труда и теории классов. Платон не рассматривает разделение труда и классы как присущие обществу по природе или по высшему установлению. Он пытается, исходя из соображений общественной эффективности и различных способностей членов общества, *обосновать* разделение труда и классовое расслоение.

Итак, Платон обосновывает *разделение труда* соображениями *эффективности*. Было бы крайне неудобно, если бы каждый лично производил все необходимое для себя, как-то: пищу, обувь, одежду, жилье и т.п. Специализация обеспечивает лучшие результаты для всех

Более реально выглядит творчество **Аристотеля** (384-322 гг. до н.э.), которое явилось наивысшим достижением античной политической мысли. Он перевел ее развитие из плоскости публицистики или утопизма в плоскость научной теории.

Тоталитарной программе «абсолютного единства» Аристотель противопоставляет идею «относительного единства», которая базируется на достижении сбалансированного соединения «частных» интересов.

Одним из аспектов этой идеи является и разработанная им классификация государственных форм: их разделение в зависимости от количества властвующих (один, несколько, большинство) он не делает принципиальным, выдвигая на первый план внутреннее *качество* правления. А оно может быть регулируемым («правильным») и нерегулируемым («неправильным»). В правильных формах правящие субъекты через систему норм и ограничений различного характера действуют в интересах общественного благосостояния. В неправильных же формах правящие субъекты не сдерживаются такой системой норм и ограничений, а поэтому и действуют они ради собственных интересов, устанавливая режимы абсолютного правления. Правильными формами являются монархия (правление одного ради общего благосостояния), аристократия (правление немногих лучших в общих интересах), полития (сбалансированное правление отобранного на основании ценза большинства ради общего благосостояния). Неправильными формами являются тирания (неограниченное правление одного в своих собственных интересах), олигархия (правление немногих наиболее богатых граждан ради собственного благосостояния), демократия (неограниченное правление малообеспеченного большинства, осуществляемое исключительно в собственных интересах).

Основной путь преобразования неправильных форм в правильные Аристотель видит в сбалансированности и регулировании давления личностных интересов (прежде всего обеспеченного меньшинства и необеспеченного большинства) таким образом, чтобы в государственном устройстве были «представлены оба начала вместе и ни один из них отдельно» (Политика, 35). Наиболее полная реализация идеи такой формы правления возможна в политике (системе регулируемой демократии), которая является по Аристотелю конструкцией эталона государственной власти вообще.

Аристотель считает, что фундаментальной основой устойчивой «правильной» демократии может стать «средний элемент». Итоговый вывод Аристотеля заключается в том, что «лишь там, где в составе населения средний класс имеет преимущество или над обеими крайностями, или над одной из них, государственный уклад может рассчитывать на устойчивость» (Политика, 35, 40).

Аристотель стал начинателем специфического античного либерализма, всей либеральной тенденции в мировой политической мысли вообще. Способ и содержание решения проблемы, предложенные Аристотелем в условиях полиса, аналогичны рецептам либеральной мысли Нового времени, возникших в принципиально других условиях.

Либеральная линия развития античной политической мысли получила свое дальнейшее развитие в теориях «смешанного» государственного устройства Полибия и римлянина Цицерона.

Греческий историк эпохи эллинизма **Полибий** (210-128 гг. до н.э.) в трактате «Общая история в сорока книгах» констатирует факт внутренней неустойчивости всех известных политических форм (царства, аристократии, демократии), их склонности к вырождению в свои негативные противоположности (тиранию, олигархию, охлократию - власть толпы). Поясняя, что каждая из них воплощает лишь одно необходимое начало, Полибий делает вывод о необходимости их объединения в одной «смешанной» форме таким образом, чтобы «ни одна из них не развивалась слишком и из-за этого не превращалась в родственную ей противоположную форму».

Осмысливая феномен величия Римского государства, Полибий видит первопричину его успехов в эффективном одновременном сочетании позитивных элементов трех возможных форм правления, которые взаимно сдерживают и уравнивают одна другую: консульской власти (царского начала), власти сената (аристократического начала) и власти народного

собраний (демократического начала). При этом ни одному из трех элементов римской власти не отдается явного предпочтения, они взаимно дополняют и взаимоограничивают друг друга.

Древнегреческая политическая мысль нашла свое продолжение у древних римлян.

Марк Туллий Цицерон (106-43 гг. до н.э.) - знаменитый римский оратор, юрист, государственный деятель и мыслитель. В его обширном творчестве значительное внимание уделено проблемам государства и права. Специально эти вопросы освещены в его работах «О государстве» и «О законах».

Государство (respublica) Цицерон определяет как дело, достояние народа. При этом он подчеркивает, что «народ - не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов». Тем самым государство в трактовке Цицерона предстает не только как выражение общего интереса всех его свободных членов, что было характерно и для древнегреческих концепций, но одновременно также и как согласованное правовое общение этих членов, как определенное правовое образование, «общий правопорядок».

Возникновение государства не по мнению и произволу людей, а согласно всеобщим требованиям природы, в том числе и согласно велениям человеческой природы, в трактовке Цицерона означает, что по своей природе и сущности оно (государство) носит божественный характер и основано на всеобщем разуме и справедливости.

Западноевропейская политическая мысль в Средние века

Три крупных исторических этапа включает в себя этот период. Первый - раннефеодальный (конец V - середина XI в.); феодализм только консолидируется и упрочивается как новая общественно-экономическая формация; в рамках данного этапа государственность сначала организуется в большие, но весьма слабо интегрированные в единое целое монархии, а потом распадается на конгломераты раздробленных политических образований. Второй этап - пора полного развития феодального строя, фаза его расцвета (середина XI -конец XV в.); для этого периода типичны централизованные сословно-представительные монархии. Третий - позднее средневековье (конец XV - начало XVII в.); полоса заката, упадка феодализма и зарождения капиталистических общественных отношений; государственность на этом,

последнем этапе феодальной формации строится по преимуществу как абсолютная монархия. Поэтапный характер развития феодального общества во многом предопределял особенности и динамику средневековой европейской политико-юридической мысли. Своеобразие ей придавал также факт исключительно сильного влияния христианской религии и римско-католической церкви. В руках священнослужителей политика, как и все остальные науки, оставалась прикладной отраслью богословия, утверждалось, что могущество государей происходит от церкви, а она получила свой авторитет непосредственно от Христа. Отсюда проистекает безусловная обязанность христианских государей подчиняться главе христианской церкви.

Тон в решении проблемы принадлежности власти был задан **Аврелием Августином** (353-430), который утверждает принципиальный примат церкви над государством, повиновения последнего над первым. Августин считает неприемлемым определение, данное римскому (античному) устройству Цицероном как «общего дела» народа, то есть государства. Формулу Цицерона «*respublica est res populi*» Августин склонен распространять, прежде всего, на церковь и лишь опосредованно - на государство.

Одним из наиболее ярких выразителей взглядов церковной идеологии Средневековья был доминиканский монах, ученый-богослов Фома **Аквинский** (Аквинат) (1225-1274). Наряду с массой других предметов, Аквинат касается, конечно, и вопросов о государстве, законе и праве. О них речь идет в труде «О правлении властителей» (1265-1266 гг.), в произведении «Сумма теологии» (1266-1274 гг.) и в иных работах.

В своих произведениях ученый-богослов пытается приспособить взгляды Аристотеля к догматам католической церкви и таким путем еще более укрепить ее позиции. Представления Фомы Аквинского о государстве - первая попытка развить христианскую доктрину государства на базе аристотелевской «Политики». От Аристотеля Аквинат перенял мысль о том, что человек по природе есть «животное общительное и политическое». В людях изначально заложено стремление объединиться и жить в государстве. По этой естественной причине и возникает политическая общность (государство). Процедура же учреждения государственности аналогична сотворению мира богом. Цель государственности - «общее благо», обеспечение условий для достойной, разумной жизни. По мнению Аквината, реализация данной цели предполагает сохранение феодально-сословной иерархии, привилегированное положение облеченных властью лиц и богачей, исключение из сферы политики

земледельцев, мелких ремесленников и торговцев, соблюдение всеми предписанного богом долга повиноваться высшему сословию - правителям, олицетворяющим собою государство.

Стремясь подвести базу под вмешательство клира в дела государства и доказать превосходство духовной власти над светской, Аквинат ввел различие трех следующих моментов (элементов) государственной власти: 1) сущности, 2) формы (происхождения), 3) использования.

Сущность власти - это порядок отношений господства и подчинения, при котором воля лиц, находящихся на верху человеческой иерархии, движет низшими слоями населения. Данный порядок заведен богом. Таким образом, по своей исконной сути власть есть установление божественное. Потому она неизменно добро, всегда нечто хорошее, благое. Конкретные же способы ее происхождения (точнее, завладения ею), те или иные формы ее устройства могут иногда являться дурными, несправедливыми. Не исключает Аквинат и ситуаций, при которых пользование государственной властью вырождается в злоупотребление ею. Стало быть, второй и третий элементы власти в государстве подчас оказываются лишенными печати божественности. Это случается тогда, когда правитель либо приходит к кормилу власти при помощи неправедных средств, либо властвует несправедливо. И то и другое - результат нарушений заветов бога, велений римско-католической церкви. Насколько действия правителя отклоняются от воли божьей, насколько они противоречат интересам церкви, настолько подданные вправе, с точки зрения Аквината, оказывать этим действиям сопротивление. Однако окончательное решение вопроса о допустимости крайних методов борьбы с тиранией принадлежит, по общему правилу, церкви, папству.

Аквинат широко применял категорию «закон» для объяснения различных явлений, свойственных политически оформленному обществу. Он разработал особую теорию закона. Согласно Фоме Аквинскому, все законы связаны между собой нитями субординации. Пирамиду законов венчает вечный закон - универсальные нормы, общие принципы божественного разума, управляющего вселенной. Вечный закон заключен в боге, тождествен ему; он существует сам по себе, и от него производны иные виды законов. Прежде всего - естественный закон, который есть не что иное, как отражение вечного закона в человеческом разуме. Естественный закон предписывает стремиться к самосохранению и продолжению рода, обязывает искать истину (бога) и уважать достоинство людей. Конкретизацией естественного закона служит

человеческий (позитивный) закон. Его предназначение - силой и страхом принуждать людей избегать зла и достигать добродетели. Еще один вид закона - божественный. Он дан в Библии и необходим по двум причинам. Во-первых, человеческий (позитивный) закон не способен полностью истребить зло. Во-вторых, из-за несовершенства человеческого разума люди сами не могут прийти к единому представлению о правде; помочь им достичь его и призвана Библия.

Марселий Падуанский (ок.1275 - ок.1343) в трактате «Защитник мира» развивает идею народного суверенитета, согласно которой, высшим законодателем и единственным источником власти в государстве является народ-суверен. Он первым в собственно европейской политической мысли разграничивает законодательную и исполнительную власти. Народ, согласно его концепции, должен доверить реализацию исполнительных функций правительству (правителю), которое будет воплощать на практике то, что считает необходимым законодатель-народ. Важным моментом концепции государственной власти Марселия Падуанского было решительное отрицание властвования над ней католической церкви. Наоборот, государство, светская власть должна контролировать деятельность церкви, а народ должен даже непосредственно избирать высших духовных лиц.

Политические взгляды эпохи Возрождения и Реформации

Основателем новой политической науки стал **Николо Макиавелли** (1469-1527), который в трактатах «Государь» (1513) и «Размышления о первой декаде Тита Ливия» (1513-1519) наиболее полно концептуализирует практику политического развития новой эпохи. Он порывает со средневековой теологической концепцией власти, и рассматривает власть как результат действия вполне земных социальных сил. Сфера властно-политических отношений имеет свои закономерности (правила) развития, которые не совпадают с правилами поведения в других сферах человеческой жизнедеятельности. Основное задание политической науки Макиавелли видит в формулировании действенных политических принципов, способных лечь в основу стратегии действий государя, республики, государства.

Очень важное значение имеет введение им в политическую науку общего понятия «государство» (stato) как общего политического состояния общества, его определенной политической организации. «Государство» в понимании «stato» становится, таким образом, особенной социальной системой, которая

предусматривает ту или иную конфигурацию (распределение в обществе) властвования и подчинения.

Определение политического устройства у Макиавелли базируется на учете специфики определенного этапа развития. В нормальных условиях - наилучшим является республиканское государственное устройство, т.к. оно в наибольшей мере обеспечивает расцвет свободы и гражданское равенство всех членов общества. В особенных, экстраординарных условиях объединения страны и преобразования корыстных мини-государств необходимо-преимущественной становится абсолютная монархическая власть.

Обоснования, данные Макиавелли для необходимости авторитарной модернизации общества, во многом предопределили соответствующие идеи эпохи нового времени. Тезис о насилии как способе реализации «справедливой» государственной цели был положен в основу практической деятельности многих течений радикальной мысли XIX-XX в.в.

Важным дополнением к идее абсолютного властвования стала разработанная **Жаном Боденом** (1530-1596) в трактате «Шесть книг о государстве» концепция «государственного суверенитета». По мнению Бодена, государство владеет особым специфическим признаком, который выделяет его из всех других социальных организаций. Этим специфическим признаком является суверенитет (верховная власть). Суверенитет проявляется в постоянной, независимой, единой и неразделимой абсолютной власти над гражданами и подчиненными.

В первой половине XVI в. в Западной и Центральной Европе развернулось широкое общественное движение, антифеодальное по своей социально-экономической и политической сути, религиозное (антикатолицистское) по своей идеологической форме. Поскольку ближайшими целями этого движения являлись «исправление» официальной доктрины римско-католической церкви, перестройка взаимоотношений церкви и государства, постольку оно стало называться Реформацией.

У истоков Реформации стоял немецкий теолог **Мартин Лютер** (1483-1546). Один из исходных пунктов лютеровского учения - тезис о том, что спасение достигается исключительно верой. Каждый верующий оправдывается ею лично перед богом, становясь тут как бы священником самому себе и вследствие этого не нуждаясь более в услугах католической церкви. Возможность верующим быть внутренне религиозными, вести истинно христианский образ жизни обеспечивается, согласно М.Лютеру, мирским

порядком. Действенность этого порядка обеспечивается благодаря опоре учреждений светской власти (государства, законов) на естественное, а не божественное право. Свобода души, область веры, внутренний мир человека находятся, по М.Лютеру, вне юрисдикции государства, за пределами действия его законов.

В своей концепции государства М.Лютер предусмотрел, что в сфере естественного права, в границах мирских отношений светской власти следует руководствоваться практической целесообразностью, реальными интересами, определяемыми человеческим разумом.

Томас Мюнцер (ок.1490-1525), обратил реформационное движение в открытую бескомпромиссную борьбу против всяких эксплуататорских порядков, социального неравенства, власти князей, засилья церкви. Власть следует передать простому народу, ибо лишь ему чужды эгоистические цели и он движим общими интересами, стремится к «общей пользе».

Т.Мюнцер был реалистически мыслящим революционным вождем и не предпринимал в деталях формы государственного устройства, принципы управления и т.п. в обществе, где простой трудящийся народ и впрямь окажется источником и субъектом политической власти. Как человек активного революционного действия, Т.Мюнцер стремился к практическому воплощению общественного строя, в котором не будет существовать ни классовых различий, ни частной собственности, ни обособленной, противостоящей членам общества и чуждой им государственной власти.

К числу виднейших идеологов и влиятельных деятелей Реформации принадлежал **Жан Кальвин** (1509-1564). Сердцевина кальвинского учения - догмат о божественном предопределении, откуда проистекал, прежде всего, долг целиком посвящать себя своей профессии, быть максимально бережливым и рачительным хозяином, презирать наслаждения и расточительность.

Сам Ж.Кальвин, однако, в вопросах о государстве был очень осмотрителен. Осуждая феодально-монархические круги за творимые ими насилия, произвол, беззакония и предвещая за это правителям кару божью, орудием которой могут стать их собственные подданные, он в то же время всякую власть объявлял божественной. Право сопротивляться тирании Ж.Кальвин признавал только за подчиненными государю органами власти, церковью, представительными учреждениями.

Кальвинистская идеология сыграла в истории замеченную роль. Она существенно содействовала совершению первой буржуазной революции в

Западной Европе - революции в Нидерландах и утверждению в этой стране республики. На ее основе возникли республиканские партии в Англии.

Теория государства и права в Новое время

Проблема соотношения личности, общества и государства становится основным пунктом размышлений представителей политической мысли Нового времени.

Общей концептуальной основой для выработки того или иного варианта решения проблемы стали теоретические конструкции «природных прав» человека и «общественного договора». Согласно им человеческая личность от рождения всегда владела и владеет суммой неотделимых «природных прав». Для создания определенных гарантий их соблюдения и эффективной реализации человеческое сообщество обычно заключает свободное соглашение («общественный договор») о создании государства.

«Природные права» человека становились не только заслоном от какого бы то ни было (королевского, классового, религиозного) своеволия и принуждения, но и превращались в основы для перестройки всей системы *разделения власти*. А идея «общественного договора» предусматривала общую схему устройства правильных (взаимозависимых) отношений между властвующими и подвластными, устанавливала границы их вмешательства в дела друг друга.

В то же время общая концептуальная схема (с «природными правами» и «общественным договором») в различных направлениях мысли Нового времени получила различную интерпретацию. В зависимости от того, верховенство прав какого из элементов признавалось господствующим (личности, общества, государства), можно говорить о возникновении трех направлений политического мышления соответственно: либеральной, радикально-демократической и авторитарно-государственной теорий политической мысли Нового времени.

Основоположником авторитарного направления является **Томас Гоббс** (1588-1679). Свои политические взгляды он изложил в трактате «О гражданине» (1642) и книге «Лавиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (1651).

По мнению Гоббса, естественному человеческому состоянию присуща жестокая «война всех против всех». В интересах общего благосостояния и социального мира людям необходимо отказаться от своих политических прав и

перенести их на государство, которое, выражая общую волю всех, сможет заставить каждого не нарушать «статус кво», придерживаться принятого решения. Верховным правителем не обязательно должен быть один человек, может быть и несколько человек - главное, чтобы власть была абсолютной, единой и нераздельной.

Смысл концепции Гоббса заключается в политической разработке сценария авторитарной модернизации, которая предусматривает жесткое ограничение политической свободы при сохранении и гарантировании свободы экономической.

Выдающийся английский философ и политический мыслитель **Джон Локк** (1632-1704) разработал *либерально-демократическую* альтернативу курсу авторитарной модернизации «железом и кровью».

Суть концепции Локка заключается в том, что он выдвигает как постулат неразрывное единство и взаимозависимость основных политических и экономических прав человека. Выводя, как и Гоббс, общую необходимость государственной организации из потребности гарантии экономических прав индивидуумов, Локк расходится с ним в трактовке вопроса о том, как государство обеспечивает выполнение этой гарантии (то есть в способах достижения этой цели). В отличие от Гоббса у Локка при переходе из естественного состояния в государственное природные права и свободы не утрачиваются (переходя к государству), а сохраняются у индивидов.

Политические права граждан, которые вытекают из их природных прав, становятся ограничителями полномочий государства, препятствием для любого посягательства с его стороны на экономическую свободу и собственность частных лиц. В модели же авторитарной модернизации Гоббса отказ от политической свободы становится для индивида «платой» за экономическую и личную безопасность, которую полноценно гарантировать может только абсолютная (и неограниченная) власть государства. Локк исходит из того, что полные гарантии индивидуальной экономической свободы возможны лишь при подкреплении ее свободой политической. Утратив политические права, личность утрачивает и гарантии своей экономической самостоятельности, ставит под угрозу свою жизнь и собственность. Права человека имеют преимущество над всеми другими государственными правами; само государство создается только с целью наилучшего воплощения и гарантированной защиты этих прав личности. Поэтому гражданин обязан

подчиняться государству до тех пор, пока оно не начинает угрожать его основным интересам.

Чтобы уберечь человека и общество от необоснованных посягательств со стороны государственной власти, гарантировать защиту от возможного деспотичного ее использования, Локк предлагает разделить публично-властные полномочия государства между различными ее структурными элементами, которые должны ограничивать и уравнивать друг друга. Законодательная власть должна быть передана общенациональному представительскому собранию (парламенту), а исполнительная - королю или кабинету министров. При этом законодательная власть должна быть ограничена действием ею же и установленных законов, применение которых зависит уже не от нее, а от исполнительной власти. Экстраординарной и крайней мерой против узурпации власти у Локка является право народа (большинства) на восстание.

Концепция разделения власти получила дальнейшее развитие в творчестве французского философа-просветителя **Шарля-Луи Монтескье** (1689-1755).

В своем основном труде «О духе законов» (1748) он утверждает тезис о том, что гарантией политической свободы индивидуума могут быть только разделение и взаимная независимость законодательной, исполнительной и судебной власти. Любое их сочетание друг с другом представляет для политической свободы непосредственную угрозу. Более того, по мнению Монтескье, даже в том случае, когда органы, которые осуществляют различные власти, находятся в руках хотя и разных, но принадлежащих к одному классу лиц, свобода также находится в опасности. Для обеспечения свободы необходимы еще, кроме разделения власти, и определенные гарантии, которые дают права одной власти останавливать другую.

Конкретный конституционный проект Монтескье заключается в том, чтобы законодательную власть передать парламенту, который состоит из двух палат - верхней и нижней, аристократической и народной. Нижняя палата, будучи представительством народа, базируется практически на общем избирательном праве. Верхняя палата является представительством аристократии и носит наследственный характер. Исходя из идеи разделения и равновесия властей, Монтескье рассматривает обе палаты как равноправные учреждения, которые должны сдерживать друг друга. Исполнительная власть должна быть сосредоточена в руках короля. Равновесие между исполнительной и законодательной властями должно достигаться таким образом, чтобы первая

имела право прекращать действие законов, утвержденных законодательным собранием, а также определять время созыва и продолжительность заседаний этого собрания. Вместе с тем законодательное собрание должно иметь возможность определять границы деятельности исполнительной власти, контролировать исполнение принятых им законов.

Выдающийся мыслитель эпохи Просвещения **Жан-Жак Руссо** (1712-1778) при решении проблемы соотношения личности, общества и государства на первое место поставил общество, его интересы и потребности. В своем труде «Об общественном договоре, или принципы политического права» (1762) Руссо предложил *радикально-демократический вариант* договорной концепции происхождения общества и государства. Общественный договор, по его мнению, не может быть соглашением об избрании правительства или соглашением, по которому одна сторона обещает подчиниться, а другая - властвовать. Индивид должен подчиняться «общей воле», если его личные интересы разошлись с общественными.

Народный суверенитет для Руссо становится, прежде всего, выражением коллективной («общей») воли, которая принципиально не может быть ни разделена, ни перепоручена. Отсюда вытекает резкое отрицание либеральных рецептов организации публично-властных структур. Суверенитет, по Руссо, является общей волей, а «воля не может быть представлена». Поэтому народные депутаты «не могут быть представителями народа, они лишь его комиссары; они ничего не могут принимать окончательно; всякий закон, который народ не ратифицировал лично, не действителен; это даже не закон». Также решительно Руссо не принимает принцип разделения власти.

Альтернативу системе либеральной государственности должна составлять, по мнению Руссо, система последовательного народовластия. Поскольку институт представительства может существенно исказить волю народа, то принятие законов (реализация законодательной власти) должно опираться на непосредственное и общее народное волеизъявление путем референдума (плебисцита).

Правительство как исполнительный орган не является чем-то самостоятельным. Оно исполняет волю общества, будучи лишь посредником между ним и народом как совокупностью подданных.

Радикально-демократическая теория власти Руссо является антитезой теории либеральной демократии. Она построена на отрицании

самостоятельной роли личности в обществе, полном подчинении ее «общественному целому».

Авторитарная, либеральная и радикально-демократическая теории власти стали общей концептуальной основой процесса европейской и мировой модернизации.

Основатель немецкой классической философии **Иммануил Кант** (1724-1804) заложил основы современной концепции «правового государства». Эту проблематику он рассматривает в трактате «Идея общей истории во всемирно-гражданском плане», а также в труде «Метафизические основы учения о праве».

Государство, по Канту, является объединением большого количества людей, которые подчиняются правовым законам. Целью и содержанием его существования, таким образом, является организация правовых норм и положений, для чего государство производит тройное действие: создает закон, совершает исполнительную и распорядительную деятельность, создает юридические акты.

В теории Канта можно наблюдать определенную попытку совмещения либеральной, радикально-демократической и авторитарной линий развития политической мысли. Во-первых, Кант заимствовал у Руссо идею о народном суверенитете; во-вторых, он заимствовал идею распределения власти Монтескье, но внес в нее некоторые видоизменения. Вместо «равновесия» властей он выдвигает принцип их координации и взаимодополнения, согласно которому законодательная власть (как выразитель воли народа) сохраняет определенный приоритет перед властью исполнительной. В-третьих, Кант определенным образом (в духе авторитарных доктрин) пробует обезопаситься от возможных негативных последствий передачи суверенитета народу. Поэтому он накладывает вето на право народа обсуждать издаваемые законы и насильно изменять существующее государственное устройство. Кант считал, что изменять государственное устройство можно только путем конституционных реформ, причем только исполнительной, а не законодательной власти. Также возможным является сопротивление злоупотреблениям власти, но в конституционных пределах (через парламент - выразитель воли народа).

Выдающийся немецкий философ-идеалист **Георг Вильгельм Фридрих Гегель** (1770-1831) стал продолжателем авторитарной и государственно-центристской линии развития мировой политической мысли. Среди его работ

необходимо выделить, прежде всего, фундаментальную «Философию права» (1820). Он разделил и исследовал два ключевых понятия - гражданское общество и государство. Гражданское общество представляет собой сферу реализации особых частных целей и интересов отдельной личности таким образом, что здесь каждый сам для себя является конечной целью, а все остальные представляют значение только как средства. Важным моментом внутреннего строения гражданского общества выступает подсистема полицейского надзора и опеки, которая должна обеспечивать безопасность, частнособственнической, частноэкономической деятельности индивидуума, общую наличную возможность для достижения индивидуальных целей.

Если гражданское общество является сферой социально-экономической деятельности, то государство является сферой деятельности политической. Государство как целое функционально складывается из трех властей: законодательной, исполнительной и власти государя. Гегель не соглашается с теорией равновесия и взаимосдерживания разделенных властей Локка - Монтескье, так как она разделяет государство на враждующие, противодействующие друг другу части, что ослабляет, а не усиливает мощь «живого единства» государственного целого. Разделение власти для Гегеля является просто «техничко-организационной» необходимостью.

Сущностью государства является суверенитет, который символизирует духовную власть идеального целого над любым элементом гражданской структуры. В концепции Гегеля суверенитет государства принадлежит конституционному монарху.

Принципиальные дополнения к нормативным основам теории либерализма внес **Джон Стюарт Милль** (1806-1873). По его мнению, демократия требует системы внутренних ограничений и противовесов, которые бы нейтрализовали опасность «тирании большинства» над инакомыслящим меньшинством.

Смысл концепции «защиты меньшинства» Милля заключается в создании на основе демократических институтов специального механизма согласования различных интересов между собой, который исключал бы возможность своеволия одной части общества относительно другой (как большинства по отношению к меньшинству, так и наоборот).

Либеральная теория демократической власти после концептуальных уточнений Милля приобрела современный вид.

Значительный вклад в развитие мировой политической мысли внес немецкий социолог **Макс Вебер** (1864-1920), труды которого стали как бы соединительным звеном между политическими теориями XIX и XX вв. Суть феномена власти Вебер видел, прежде всего, в возможности совершить подчинение определенному приказу. По его мнению, этот приказ может быть осуществлен по трем причинам: 1) из-за своих собственных интересов; 2) из-за традиций и привычек; 3) из-за личных склонностей и симпатий. Трем мотивам подчинения соответствуют три модели властно-политических отношений, три типа легитимного (узаконенного) властвования: легального, традиционного, харизматического. Все три типа правления являются для Вебера легитимными, то есть, базовыми на признании законности существующей власти, готовности подчиняться ее указаниям. Однако мотивы признания во всех трех случаях разные: при легальном правлении они носят характер рациональной убежденности относительно законности действий и выбранного порядка вещей; при традиционном правлении легитимность базируется на святости и неприкосновенности издавна существующих обычаев и норм социальной и политической жизни; при харизматическом правлении его легитимность обеспечена эмоциональной безоговорочной преданностью масс религиозному пророку, армейскому полководцу или партийному лидеру.

Харизматическая власть является единственно возможной формой преобразования любого общества. До возникновения рационально-правовых систем Нового времени новшество в сферу традиционного могла внести только харизматическая личность, которая «ломает» традиции силой слова или оружием. После смерти харизматика происходит институционализация его нововведений в новую традицию.

Самый важный момент политической концепции Вебера заключается в том, что, по его мнению, система рационально-легального правового правления требует подкрепления или силой традиции, или силой харизмы. Либеральная классическая демократия нуждается или в институте наследственного монарха (чьи права ограничены парламентом), или в институте плебисцитарно избранного политического лидера (президента). Сам Вебер считал наиболее оптимальным вариантом плебисцитарный путь избрания политического лидера (не парламентом, а народом), который не только дает его харизме правовое оформление, но и дает ему возможность непосредственно обращаться к народу. Три центра власти - «машина управления» (бюрократия), президент-

харизматик, парламент - эффективно **сдерживают и ограничивают друг друга.**

Маркс и Энгельс сделали вывод о том, что организацией политической власти рабочего класса должно стать государство типа Парижской Коммуны. Ленин развил и углубил этот вывод на основании опыта двух российских революций: «Не парламентская республика, а республика рабочих советов, батраческих и сельских депутатов по всей стране снизу и доверху». Ленин раскрыл механизм власти Советов - систему диктатуры пролетариата, профсоюзов и низших гражданских организаций, управляемых коммунистической партией. На этом принципе основывается и «вся юридическая и фактическая конституция советской республики».

Классики марксизма исходили из того, что государство диктатуры пролетариата не является государством в строгом понимании этого слова. С ликвидацией частной собственности начнут исчезать старые классы, неравенство и несправедливость, а вместе с ними и государство.

Развитие **украинской политической мысли** тесно связано с европейскими политическими поисками XIX - начала XX века.

В этом контексте необходимо особо выделить вклад **Михаила Петровича Драгоманова** (1841 - 1895), который попытался объединить идею либеральной демократии с идеей народного (и национального) самоуправления. Именно он один из первых в мировой политической теории отметил опасность развития унитарных бюрократических структур, альтернативой которым он видел объединение принципов классического либерального парламентаризма с принципами федеративного государственного устройства. Базируясь на либеральной доктрине примата прав человека и гражданина, Драгоманов считал человеческую личность наивысшей ценностью, основой всех социальных устройств. Государственная идея является неприемлемой для Драгоманова потому, что ее рассматривают как нечто внешнее, навязанное (личности) сверху, поэтому, неестественное и для человека и для человечества. Именно поэтому может править только свободная самоуправляемая «община» (ассоциация), федеративный союз которых создает альтернативу унитарным бюрократическим структурам государства. Максимальным приближением на практике к такому идеалу социального устройства Драгоманов видел государственное устройство Швейцарской конфедерации.

Основные идеи украинской политической мысли получили развитие в творчестве **Михаила Сергеевича Грушевского** (1866-1934). Его политические идеи основываются на двух принципиальных моментах: во-первых, это представительская система правления; во-вторых, это широкая децентрализация государства на базе национальной и региональной автономии. Национально-территориальные образования с широкими правами местного самоуправления (с собственным сеймом) могли бы стать основными составляющими будущего федеративного государства. Особенность этой конституционной идеи Грушевского заключалась в том, что она предусматривает распределение власти не только горизонтально (по классической теории распределения власти), но и вертикально: значительная часть властных полномочий должна быть передана национально-территориальному сейму. При этом выборы в центральный парламент были бы непрямыми: сначала прямым голосованием был бы сформирован на месте сейм, а потом уже он (по специальной формуле) избирал бы депутатов в центральный парламент. Конституционные идеи Грушевского, таким образом, прямо перекликаются с драгомановским федеративным конституционным проектом «Вільні спілки», который был издан в 1884 г. в Женеве.

Лекция: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- 1. Политическое поведение: его виды***
- 2. Специфика массового поведения в политике***
- 3. Виды политической деятельности***

Сфера политических отношений достаточно многообразна: она включает и институты, и действия, и процессы, и различные системы обоснования этих действий. Понятие «политическое поведение» *дает возможность сосредоточить внимание в анализе политики на наиболее подвижном, динамичном аспекте — разнообразных действиях людей, направленных на реализацию той или иной политической цели.*

Изучение данной стороны политики выявляет зависимость политических событий и процессов от состояния, направленности мыслей и действий тех людей, которые в политику вовлечены, раскрывает механизм, структуру, способы достижения целей.

Среди наиболее значимых видов политического поведения выделяются следующие:

- *реакция*, когда действия людей в политике являются ответами на внешнее воздействие, источником активности в этом случае служат другие люди и институты;
- *периодическое участие*, связанное с делегированием полномочий во всевозможных выборах, политических кампаниях;
- *деятельность в политических организациях*, движениях, партиях;
- *выполнение политических функций в рамках государственных органов*: служба в армии, органах государственного управления и охраны правопорядка;
- *посещение политических собраний*, освоение и передача политической информации, участие в политических дискуссиях;
- *прямое действие* — непосредственное влияние на функционирование и изменение политических институтов через такие формы политической деятельности, как митинги, демонстрации, забастовки, голодовки, кампания неповиновения или бойкота;
- *воздействие на ход политических процессов* через обращения и письма, встречи с политическими лидерами, представителями государственных и политических организаций и движений.

Важнейшим стимулом политической деятельности служит интерес, в его основе лежит та или иная проблема в жизни политической общности, понимание острой необходимости ее решения. Но для того чтобы факт понимания перерос в политическое действие, требуется новое звено — психологический импульс готовности к действию, который складывается из желания принять участи и уверенности в его успехе. Двигателями этой цепочки — от проблемы к действию по ее решению — могут быть различные мотивы: гражданский долг, информация, недовольство или стремление к реализации цели.

В зависимости от доминирования основного мотива и формируется облик, характер политического поведения: оно может выглядеть чисто эмоциональным откликом на то или иное событие, или быть продуманной, прагматичной акцией по последовательной реализации принятой программы, или рассматриваться исполнителями как свершение заданной миссии по «освобождению», «завоеванию», «восстановлению».

Характер политического поведения зависит не только от интереса и той мотивации, которая возникает на его основе, но и от таких его внешних регуляторов, как:

- *роль* — это та формальная рамка поведения, которую принимает для себя участник политического действия или которая ему отводится обстоятельствами или другими участниками;
- *статус* — совокупность предполагаемых, возможных для данного субъекта моделей, типов политического поведения, функций, которые он готов на себя принять в политике;
- *принадлежность* к группе социальной или политической общности, возникающей на основе установления между ее членами определенного вида отношений;
- *участие* в организации — группе, созданной для осуществления ролей в политике.

В политологии существует стойкая традиция анализа политического поведения с акцентом на выявление его подсознательной мотивации, неосознаваемых импульсов (влечение к агрессии, нарциссизм, сексуальное самоутверждение, чувство виновности). Она была заложена крупнейшим американским политологом Г. Лассуэлом в работе «Психопатология и политика». Такая установка позволяет выявить личностный, далеко не рациональный смысл политики и политического поведения.

В политическом поведении, как и в любом коллективном действии, люди могут выступать в качестве:

- *лидеров*, возглавляющих политическое движение, своим авторитетом, влиянием способствующих его сплочению и достижению намеченных целей;
- *активистов* — посредников между лидерами и последователями. Они организуют участников движения, постоянно снабжая лидеров информацией о достигнутых результатах и трудностях, вносят существенные коррективы в стратегию и тактику поведения масс;
- *последователей* — их поведение характеризуется разной степенью активности и участия в организациях. Они поддерживают цели, выдвинутые лидерами, считают их соответствующими своим интересам, которые они представляют достаточно четко, что и стимулирует их участие в политической деятельности;
- *лидеров мнения* — не влияя на поведение участников с точки зрения его организации, они своей интеллектуальной деятельностью, прежде всего в публицистике, создают «поля» эмоционального и социального

напряжения вокруг проблем, делая их объектом всеобщего внимания. К ним обращаются за советом, но не за директивой для действия.

Специфика массового поведения в политике

Для характеристики некоторых модификаций политического поведения используется термин «политическая иммобильность», обозначающий такие разнородные состояния деятельности людей, как их *выключенность* из политических отношений; *политическая апатия*, являющаяся формой неприятия политической системы, отказом от каких-либо форм сотрудничества с нею; *политический бойкот* — выражение активной враждебности к политической системе и ее институтам; *аномия* — ситуация исчезновения, разрушения норм, регулирующих и направляющих поведение.

В большинстве политических процессов люди участвуют будучи соединенными не только в однородные и организованные группы, но и в случайные, временные образования, представляя собой толпу на улице, участников собрания или митинга, демонстрацию, аудиторию той или иной передачи, зрителей политической передачи. Находясь в подобном состоянии, они приобретают специфические черты массы:

- *статистичность* — люди, собранные в массу не представляют собой целостного образования, отличного от составляющих его элементов;
- *стохастичность*, *вероятность* — здесь случайность, неупорядоченность отношений, границы массы размыты, состав неустойчив;
- *ситуативность* — ее характер полностью определяется местом, временем, поводом образования, видом деятельности или общения, которым она занята;
- *разнородность* состава, его межгрупповая природа;
- *аморфность* - отсутствие внутренней организации, структуры;
- *анонимность* - члены массы не открываются друг перед другом никакими индивидуальными свойствами.

Эти черты предопределяют специфическую манеру политического поведения людей, соединенных в такие общности, — то, что очень часто обозначается термином «массовидность», выражающуюся в подавлении рациональности, резком преобладании чувства над разумом. При оценке и прогнозировании характера потенциального поведения массы необходимо принимать во внимание наличие двух основных типов:

- *публики*, формирующейся на основе интеллектуального взаимодействия, ее составляют, например, читатели одной газеты, слушатели передачи, люди, увлеченные одним занятием, видом досуга; тип связи, складывающийся здесь в достаточной степени случаен, но он и постоянен, более или менее устойчив;

- *толпы*, возникающей вследствие физического взаимодействия поддерживающих между собой непосредственный контакт людей, когда они приходят на митинг, ожидают поезда, задерживаются на одном месте какими-либо внешними обстоятельствами.

У публики отсутствует специальная организация, она разнородна, состоит из представителей различных социальных групп, повод ее образования достаточно случаен, но практически всегда она формируется на более или менее устойчивой, рациональной основе, которой, как правило, является или общая информация, или общий интерес. Они служат опорой формирования рациональности, предсказуемости поведения.

Толпа не имеет устойчивых факторов общности, что фактически блокирует способность отклика на связанную, логическую аргументацию, она ее просто выводит из зыбкого эмоционального равновесия и наоборот открывает возможность быстрого ответа на эмоциональное воздействие. Поэтому классик политической и социальной психологии Г. Ле Бон подчеркивал, что толпой нельзя руководить посредством правил, основанных на чисто теоретической справедливости, а надо отыскивать то, что может произвести на нее впечатление и увлечь.

Виды политической деятельности

Политическая деятельность — *характеристика* не только внутреннего механизма — мотивов, форм выражения, реакций, направленности действий и уровня их организации, но *всего динамического аспекта политики*. Ее *важнейшими чертами* служат:

- сосредоточение усилий на общих проблемах, потребностях существования социальной общности.
- рассмотрение государства, политических институтов в качестве основных инструментов решения этих проблем;
- использование политической власти как главного средства достижения поставленных целей.

Политическая деятельность неоднородна, здесь можно выделить несколько четких состояний.

Политическое отчуждение. Выражается в сосредоточении усилий человека на решении проблем личной жизни при их отрыве и противопоставлении жизни общественной, политической.

Политическая пассивность — это такой вид политической деятельности, в рамках которой субъект не реализует свои собственные интересы, не действует в качестве самостоятельной политической силы, а находится под политическим влиянием другой социальной группы. Формой политической пассивности является конформизм.

Политическая активность. Ее критерием служит стремление и возможность, воздействуя или непосредственно используя политическую власть, реализовать свои интересы. Формой политически активной деятельности является, например, политическое движение, т.е. такое целенаправленное и долговременное социальное действие определенной социальной группы, которое своей целью имеет преобразование политического строя или же сознательную его защиту.

Характер политически активной деятельности значительно изменяется в зависимости от специфики проблем, ее вызвавших и стимулирующих, времени возникновения, задач, на решение которых она направлена, состава участников. В современных условиях отмечают следующие наиболее общие *тенденции ее изменения:*

- рост стремления граждан действовать вне традиционных форм политической активности и участия, предпочтение жестко оформленных политических партий политическим движениям, без четко фиксированной организационной структуры;
- объединение все чаще осуществляется не вокруг какой-либо партии, а вокруг проблемы, по поводу ее решения;
- растет число граждан, интересующихся политикой, но одновременно падает численность партий;
- все больше людей склонны к независимой политизации, т.е. свое участие в политике они не связывают с принадлежностью к той или иной политической силе, структуре, стремятся действовать независимо.

Множество видов политической деятельности связаны не с активным изменением, обновлением социальных систем, а с обеспечением достигнутого

состояния, нормального функционирования государственного аппарата, хозяйственного механизма.

Политическая активность может быть направлена и на воссоздание отжившего, реконструкцию прошлых общественных и политических отношений и структур. С другой стороны, позитивное отношение к переменам может быть не только активным, но и пассивным, когда они рассматриваются как необходимые и желательные, но происходящие как бы сами собой.

Лекция: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ

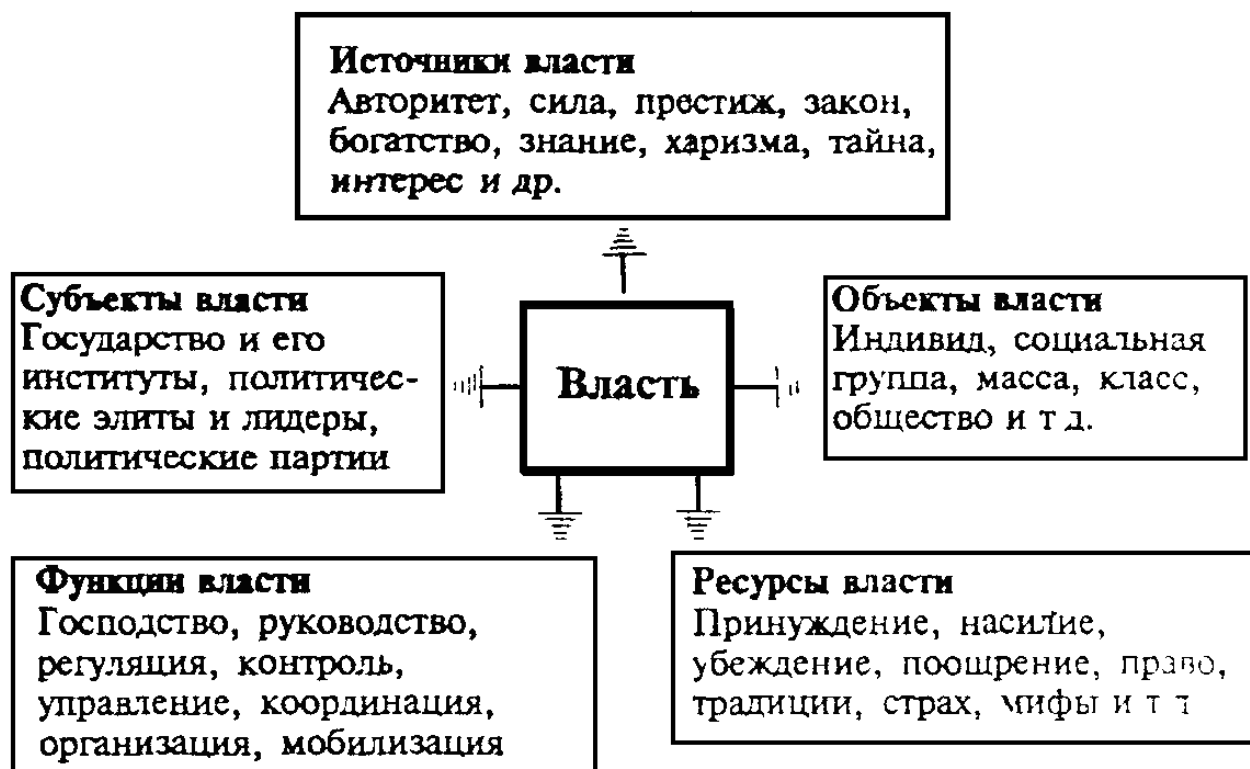
- 1. Социальный смысл и назначение власти. Концепции власти***
- 2. Ресурсы власти***
- 3. Суверенитет и легитимность политической власти***

Основой политики является власть. Она представлена государством, его учреждениями и ресурсами. Власть способствует эффективному удовлетворению общезначимых, групповых и частных интересов. По этой причине она выступает главным объектом борьбы и взаимодействия групп, партий, движений, государства, индивидов.

Социальный смысл и назначение власти

Еще в XVIII веке французский мыслитель Г. де Мабли (1709 - 1785) так определил социальное назначение власти «Цель, которую ставят себе люди, объединенные законами, сводится к образованию общественной власти для предотвращения и пресечения насилия и несправедливости отдельных лиц». Власть в те времена рассматривалась как ограничитель произвола монархов, дворян, класса собственников. Однако с точки зрения ее социальной сущности власть выступает в качестве универсального механизма интеграции, согласования, упорядочения взаимодействия людей, реализующих собственные интересы.

Социальная функция власти по обеспечению целостности и упорядочению разнообразных интересов и отношений между людьми может достигаться различными способами, что определяет *социальное содержание* власти.

Структура власти

Власть многолика: она предстает в различных проявлениях в каждом из которых обнаруживается какая-то одна ее сторона, поэтому в объяснении природы власти и причин ее происхождения в политической науке существует несколько подходов - каждый из них акцентирует внимание на одной из сторон этого сложного явления.

Сторонники **первого подхода** (*поведенческого*) характеризуют ее как *особенную сущность*, носителем которой высылает отдельная личность и которая выражается в локализованной энергии, заставляющей других людей повиноваться. В этом случае власть отождествляется с вещью (силой), обладание которой дает право на повеление.

С позиций **второго подхода** (*социологического*) трактуется власть в терминах социального взаимодействия. Наиболее, распространенным в рамках этого подхода является позитивистско-социологическое определение власти *М Вебером*. Он понимал власть как *способность и возможность одного индивида в определенных социальных условиях проводить собственную волю вопреки сопротивлению другого*. В основе властных отношений лежат *отношения господства и подчинения*, складывающиеся между субъектом властной воли и объектом властного воздействия.

Теологическая концепция власти - всякая государственная власть происходит от Бога, а все монархи, осуществляющие власть, - лишь

исполнители божественной воли. Подчинение людей воле Божьей, принципам божественного разума обеспечивает порядок в обществе, самосохранение и продолжение человеческого рода.

Определения и концепции власти

Биологическая концепция власти - представители биологической концепции власти рассматривают ее как механизм обуздания человеческой агрессивности, заложенной в наиболее фундаментальных инстинктах человека как биологического существа. Так, французский политолог **М. Марсель** (1889 - 1973) считал, что «власть не есть факт специфически человеческий, она имеет предпосылки и корни в биологической структуре, которая обща нам с животными».

Бихевиористская концепция власти – поведенческое понимание власти, разрабатывалось в 30-х годах XIX века, было связано с именами американских ученых Ч. Мерриама (1874 - 1953), Лассуэла (1902- 1978) английского исследователя

Дж. Кетлина (1896-1975). Они выводили властные отношения из природы человека, отказываясь от моральных оценок политики. Стремление подчинить своей воле других индивидов выступает в качестве доминирующего мотива политической активности конкретной личности. Сам же политический процесс бихевиористы рассматривали как столкновение индивидуальных стремлений к власти в котором побеждает самый сильный.

Психоаналитическая концепция власти - власть рассматривалась как способ господства бессознательного над человеческим сознанием. Индивид подчиняется силам, находящимся вне его сознания. Это происходит в результате того, что человеческой психике средствами скрытого и открытого манипулирования задается особая установка.

Подавляя рациональные мотивы поведения, манипуляция обеспечивает доминирование иррационального в политической деятельности.

Мифологическая концепция власти

Французский политолог Л. Дюги в «Курсе конституционного права», обосновывая закономерность деления общества на «правлящих» и «управляемых», «сильных» и «слабых», отстаивал идею естественного происхождения власти. Обладание властью одних людей он связывал с их физическим, моральным, религиозным, интеллектуальным и экономическим превосходством над другими людьми. Будучи сильнее своих соплеменников, эти первые навязывали им свою волю и достигали желаемых целей. Таким образом, естественное деление людей на «сильных» и «слабых» обусловило их право на власть. Для придания законности (легитимности) своим властным притязаниям «сильные» использовали мифы о божественном характере власти и об «общественной воле», воплощенной в институтах власти.

Социологический подход к определению политики ориентирует на исследования власти в контексте социальных условий ее возникновения и функционирования, с учетом доминирующих в обществе ценностей, традиций, предпочтений. Однако природа властного взаимодействия трактуется сторонниками данного подхода неоднозначно.

Структурно-функциональная концепция власти (основатель - Т. Парсонс) - власть рассматривается как отношение неравноправных субъектов, чье поведение обусловлено выполняемыми ими ролями (например, роль управляющих или управляемых). При этом предполагается, что социальная роль определяет стиль (тип, характер, содержание) ожидаемого от человека поведения, соответствующего занимаемому им положению в обществе

(статусу).

Подобная трактовка власти вытекает из общей теории действия. *Т. Парсонс* рассматривал общество как структурно расчлененную целостность (систему), в которой каждый элемент выполняет определенные функции для поддержания ее жизнеспособности. Интеграция различных элементов системы осуществляется с помощью социального действия. Поэтому концепцию *Т. Парсонса* часто называют теорией социального действия. Направленность действий обуславливаются господствующими в обществе правилами, нормами и ценностями. Следуя функциональному принципу деятельности, власть, по *Т. Парсонсу*, осуществляет ряд жизнеобеспечивающих функций: предписывает субъектам выполнять обязанности, налагаемые на них целями общества, и мобилизует его ресурсы для достижения общих целей.

Конфликтологическая теория власти (*К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин*) - власть рассматривается как отношения господства и подчинения одного класса другим. Природа данного господства обусловлена экономическим неравенством, местом и ролью класса в экономической системе общества. Обладание собственностью обеспечивает экономически господствующему классу возможность подчинять своей воле экономически зависимые классы.

Дуалистическая концепция власти

Согласно этой концепции *власть* следует отличать от *господства*. *М. Дюверже* выделил два элемента внутри власти:

- а) материальное принуждение,
- б) убеждение, вера со стороны подчиняющихся в то, что такое подчинение похвально, справедливо, законно.

При отсутствии второго элемента это уже не власть, а господство. Источниками осуществления власти служат насилие и верования субъектов политического процесса, прежде всего их вера в необходимость власти вообще и вера в ее легитимность (законность, справедливость). Двойственность власти (не случайно *М. Дюверже* образно назвал ее двуликим Янусом) выражается в том, что она с одной стороны является инструментом господства одних групп общества над другими, а с другой выступает эффективным средством интеграции и обеспечения социальной солидарности всех членов общества для всеобщего блага.

Будучи социальной по своей сущности, власть проходит вместе с обществом сложный путь изменений - в примитивных обществах власть была

анонимной «распыленной» среди членов рода, племени. Она проявлялась в совокупности верований и обычаев, которые жестко регламентировали индивидуальное поведение. Усложненность социальных потребностей и появление новых видов деятельности для их удовлетворения заметно повысили интенсивность взаимодействий индивидов. Это потребовало концентрации власти в руках вождей. Таким образом, анонимная форма власти уступила место индивидуализированной.

Процесс нарастания социального неравенства обнаружил слабость индивидуализированной власти как средства разрешения глубоких социальных конфликтов. Поэтому началась **институционализация власти**. В результате власть приобрела политический характер и выразилась в деятельности государства, партий и других организаций.

Власть как общественное явление имеет ряд черт: 1) она выражается в функционировании определенных институтов; 2) связана с деятельностью лидеров, элит, масс (т. е. проявляется в действиях); 3) опирается на систему средств и методов властного воздействия (основания и ресурсы власти); 4) ей свойственны изменения (например, снижение или повышение легитимности, эффективности; изменение соотношения функций законодательных и исполнительных органов); 5) результаты (последствия) реализации власти.

Ресурсы власти

Власть как способность и возможность проводить свою волю даже вопреки сопротивлению других основана на использовании различных методов и средств, к которым относятся влияние, авторитет, закон, прямое насилие и т. д. *Совокупность средств и методов, применение которых обеспечивает возможность субъекту власти осуществлять влияние на объект, называется ресурсами власти.*

В примитивных обществах власть опиралась в основном на *авторитет правителя* (вождя, военачальника и т. д.), переход к имущественным отношениям привели к смене ресурсов власти, которыми стали *богатство и сила*. Поведение подданных все более основывалось на страхе перед властью, на вере в ее справедливость и божественный характер, на традиции, привычке подчиняться ей. В тот период власть отождествлялась с господством.

В индустриальных обществах преобладающим ресурсом властвования становится *организация*: бюрократия, партии, движения. В современных обществах властные отношения все больше зависят от того, кто обладает

информацией, которая, при сохранении роли других ресурсов, становится важнейшим средством властвования.

Типология ресурсов власти

Классификация (типология) ресурсов властвования может осуществляться по различным основаниям (критериям). Одна из наиболее ранних систем типологий - *антропологическая*. В ней типы властвования различаются *устойчивыми мотивами*, которые лежат в основе поведения субъекта и объекта власти. По Конфуцию, ресурсами власти правителя являются его личный пример и следование моральным принципам - справедливости, гуманности, заботе о благе народа, чувству долга, мудрости. Поданные должны уважать правителя и выполнять свои обязанности.

Н. Макиавелли положил в основу классификации типов властвования иные мотивы человеческого поведения - *любовь и страх*. Оба ресурса различаются способом воздействия. Страх прочнее и тверже, любовь же очень тонка, она держится на человеческой благодарности. Помимо страха и любви в качестве ресурса власти *Н. Макиавелли* рассматривал *человеческие страсти и пороки* (лживость, боязливость, алчность).

В более поздних классификациях к *страху*, на котором власть всегда держалась, добавились *убеждение* (особенно в период развития средств массовой информации) и *интерес*.

Одна из наиболее современных типологий ресурсов власти, в которой используются смешанные критерии, представлена американским социологом О. Тоффлером (р. 1928). В истории человечества власть, по *О. Тоффлеру*, опиралась на три ресурса - *силу, богатство и знания*.

В зависимости от того, какому ресурсу отдается предпочтение, могут устанавливаться различные типы властвования. Если власть основана на силе, то она представляет собой тип властвования низкого качества. Власть среднего качества связана с богатством. Наконец, власть высшего качества основана на знаниях. Определяющей тенденцией мирового развития является переход от типа властвования низшего качества, основанного на силе, к власти высшего качества.

Суверенитет и легитимность политической власти

Функционирование политической власти осуществляется на базе общепризнанных принципов *суверенитета и легитимности*. Эти принципы характеризуют политическую власть с разных сторон: с точки зрения, во-

первых, выделения внутри нее главного звена - государства и, во-вторых, определения правомерности использования тех или иных средств, включая принуждение, при достижении политических целей.

Принцип суверенитета означает верховенство и независимость государственной власти. Верховенство государственной власти представляет собой исключительное право государства устанавливать в обществе единый правопорядок, определять статус государственных органов, наделять правами и обязанностями граждан, использовать насилие. Средоточие политической власти у государства означает также его верховенство по сравнению с другими политическими институтами.

Суверенитет государственной власти не предполагает ее бесконтрольности со стороны общества. Развитие гражданского общества потребовало ограничить суверенитет рамками закона, чтобы власть не была выше закона. В силу этого принцип суверенитета предполагает наличие сильной государственной власти, действующей строго в рамках закона.

Принцип легитимности связан с обоснованием правомерности тех решений, которые принимает власть, и добровольности их выполнения населением. Термин «легитимность» (legitime) имел несколько значений. Он возник в начале XIX века во Франции и первоначально практически отождествлялся с термином «legalite» (законность). Его использовали для обозначения законно установленной власти в отличие от насильственно узурпированной. Однако термин «легитимность» не имеет строго юридического содержания и не фиксируется в конституциях. В отличие от легальности, которая является юридическим обоснованием власти, ее норм и законов, ***легитимность отражает степень соответствия власти ценностям представлением большинства граждан.***

Легитимность - это своеобразный символ веры, представление, которое присутствует в сознании граждан. Оно означает убежденность людей в том, что власть имеет право принимать решения, обязательные для выполнения. Подобное объяснение принципа легитимности дал *М. Вебер*, который включил в нее два положения: во-первых, признанная власть правителей, и во-вторых, обязанность управляемых подчиняться ей.

Однако в обществе всегда есть социальные группы, не разделяющие политический курс режима и не принимающие его. Тем не менее, отражая ценности и предпочтения большинства, власть признается наилучшей и ей следует подчиняться, даже несмотря на ее промахи и недостатки.

Следовательно, введение принципа легитимности власти явилось отражением растущей цивилизованности общества. Этот принцип позволяет отличать законно установленную власть (на основе выборов или престолонаследия) от узурпаторской.

Типы легитимности

М. Вебер предложил выделить три идеальных типа легитимности власти: *традиционный, харизматический и рационально-легальный*. В основу такой классификации он положил мотив подчинения.

Исторически первым типом легитимности власти был традиционный, основанный на вере в божественный характер власти и священность права престолонаследия.

По мере того, как религия утрачивала свое значение, а всеобщее избирательное право все более укреплялось и распространялось, божественное право единоличного правления заменялось достаточно разветвленной системой бюрократии и политических партий. Сдерживать рост бюрократизации общественной жизни мог, по мнению М. Вебера, харизматический лидер. В основе харизматического типа легитимности лежат «авторитет внеобыденного личного дара (харизма), полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием качеств вождя у какого-то человека». «Харизма» в переводе с греческого означает «божественный дар, благодать». Харизматический тип власти характеризуется абсолютной легитимностью, поскольку он зиждется на вере населения в исключительные качества политического деятеля. Харизматический тип власти преобладает в переходное время, в периоды реформ. В современных условиях харизматическая легитимность власти сохраняется преимущественно в странах Африки, где харизма является формой организованного политического поклонения, т. е. своеобразной политической религией, обожествляющей личность вождя.

Рационально-легальная легитимность основывается на вере участников политической жизни в справедливость существующих правил формирования власти. Институты власти в своей деятельности подчиняются закону. Мотивом подчинения населения власти является рационально осознанный интерес избирателя, который высказывает его на выборах, голосуя за ту или иную партию, лидера.

На практике в чистом виде идеальные типы легитимности не существуют. Они перемешаны, взаимно дополняют друг друга, поэтому правомернее говорить о смешанном типе легитимности.

Лекция: ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ОБЩЕСТВА

1. Теория политической системы

2. Политическая система как механизм власти. Структура и функции политической системы.

3. Типология политических систем.

Политическая система выступает подсистемой более широкой общественной системы. «Системой» она является потому, что в ней имеет место взаимодействие частей внутри единого целого, «политической» — потому, что это взаимодействие происходит по поводу распределения власти, богатства и ресурсов в обществе (в известном смысле, организация экономической жизни характеризует политическую систему столь же определенно, как и действующие в этой системе механизмы правительственной власти).

Способность общества реагировать на растущие потребности индивидов, адаптироваться к изменяющимся условиям своего функционирования обеспечивается *политической системой*. Благодаря деятельности политических институтов и структур, а также выполнению людьми политических ролей управляющего и управляемого политическая система оказывает целенаправленное воздействие на различные стороны жизни общества. Действие механизмов политической системы на социальные отношения основано на способности властным путем распределять ценности и ресурсы внутри общества, предписывать населению определенные стандарты и нормы поведения. В связи с этим политическая система включает в себя все существующие в обществе типы политических взаимодействий.

Теория политической системы

Термин «политическая система» был введен в политологию в 50 - 60-х годах XX века. Его использование отражало нарастающее понимание системного характера политики. Процессы развития гражданского общества, появление автономной, самостоятельной личности с ее правами и свободами привели к тому, что гражданин стал не только подчиняться, но и влиять на государство, создавая для этого политические организации (партии, движения и т. д.). Власть перестала быть монополией государства, а властные отношения приобрели более сложный характер, поскольку в них стали участвовать негосударственные организации. Осознание сложности и многомерности властных отношений, которые уже нельзя было свести только к деятельности

государственных структур, привело к необходимости пересмотра господствовавших подходов к объяснению политики. Но была и более важная причина введения системного подхода в политологию; а именно - поиск универсальных закономерностей и механизмов, которые обеспечивали бы обществу устойчивость и выживаемость в условиях неблагоприятной внешней среды.

Понятие «система» ввел в научный оборот немецкий биолог **Л. фон Бергаланфи** (1901 - 1972) в 20-х годах XX века для обозначения процессов обмена клетки с внешней средой. Он рассматривал систему как совокупность взаимозависимых элементов, как целостность, состоящую из «элементов, находящихся во взаимодействии». Отношения взаимозависимости означают, что, с изменением даже одного элемента системы изменяется вся целостность. Система развивается благодаря тому, что реагирует на сигналы извне и на требования своих внутренних элементов.

Понятие «системы» на рассмотрение общества перенес *Т. Парсонс*, представивший общество как взаимодействие четырех подсистем, которые находятся в отношениях взаимозависимости и взаимообмена: экономической, политической, социальной и духовной.

Теория политической системы Д. Истона

Основателем системного подхода в политической науке принято считать американского политолога *Д. Истона*, который определял политику как «волевое распределение ценностей». В этом контексте политическая система представляет собой механизм формирования и функционирования власти в обществе по поводу распределения ресурсов и ценностей.

Теория политической системы Г. Алмонда

Г.Алмонд исходил из того, что способность политической системы осуществлять преобразования в обществе и одновременно поддерживать стабильность зависит от специализации ролей и функций политических институтов. Каждый элемент целостности (государство, партии, группы давления, элиты, право и т. д.) выполняет жизненно важную для всей системы функцию. Следовательно, система может рассматриваться не только в терминах «сохранение», «изменение» и «адаптация», но и - «взаимодействие» структур, осуществляющих определенные функции. Все вместе они обеспечивают удовлетворение основных потребностей системы.

Сравнивая различные политические системы, важно было выделить основные функции, которые необходимы для обеспечения эффективного социального развития. Сравнительный анализ политических систем

предполагал переход от изучения формальных институтов к рассмотрению конкретных проявлений политического поведения. Исходя из этого, *Г. Алмонд* и *Д. Пауэлл* определили политическую систему как совокупность ролей и их взаимодействий между собой, осуществляемых не только правительственными институтами, но и всеми структурами общества по политическим вопросам.

Таким образом, под структурой они понимали совокупность взаимосвязанных ролей. Следуя положению *Д. Истона* о «системе, погруженной в среду», которая поддерживает с ней многочисленные взаимосвязи и взаимообмены на основе ролей, *Г. Алмонд* и *Д. Пауэлл* установили, что политическая система должна эффективно осуществлять три группы функций: а) функции взаимодействия с внешней средой; б) функции взаимосвязи внутри политической сферы; в) функции, обеспечивающие сохранение и адаптацию системы.

Теория К. Дойча

Переход развитых стран к информационным технологиям, позволил американскому политологу К. Дойчу рассматривать политическую систему в контексте «коммуникационного подхода», при котором политика понималась как процесс управления и координации усилий людей по достижению поставленных целей. Формулировка целей и их коррекция осуществляется политической системой на основе информации о положении общества и его отношении к данным целям; о расстоянии, которое осталось до цели; о результатах предыдущих действий.

Следовательно, функционирование политической системы зависит от качества постоянного потока информации, поступающей из внешней среды, и информации о её собственном движении. На основе двух потоков информации принимаются политические решения.

Политическая система как механизм власти

Обмен ресурсами и взаимодействие политической системы со средой осуществляются по принципу «входа – выхода».

Механизм функционирования политической системы

Д. Истон различал два типа «входа»: **требования и поддержка**. Требование можно определить как *обращенное к властным органам мнение по поводу желательного или нежелательного распределения ценностей в обществе*. Выделяют следующие виды требований: а) *распределительные* (о заработной плате и рабочем времени, об условиях получения образования,

медицинских и иных услуг); б) *регулирующие* (об обеспечении общественной безопасности, контроле над производителем и рынком и т. д.); в) *коммуникативные* (о предоставлении политической информации, об использовании политической силы и т. д.). Требования имеют тенденцию ослаблять политическую систему.

Поддержка означает усиление политической системы. Она охватывает все позиции и варианты поведения, благоприятные системе. Формы проявления поддержки весьма разнообразны: исправная уплата налогов, выполнение воинского долга, уважение властных институтов, преданность политическому руководству, проведение демонстраций в поддержку режима, патриотизм и т. д. Поддержка обеспечивает относительную стабильность властных органов, преобразуя требования среды в соответствующие решения, а также создает необходимые условия для применения адекватных требованиям момента социальных технологий, с помощью которых осуществляются преобразования.

Основными объектами поддержки в политической системе Д. Истон называл политический режим, власть и политическое сообщество. В соответствии с объектами он выделил три типа поддержки: 1) поддержка режиму, понимаемому как совокупность устойчивых ожиданий, включая ценности (свобода, плюрализм, собственность и т. д.), на которые опирается политическая система, нормы (конституционные, правовые и т. д.) и структуры власти; 2) поддержка власти, т. е. всех формальных и неформальных политических институтов, например, харизматических вождей, которые выполняют властные функции; 3) поддержка политического сообщества, т. е. группы лиц, связанных между собой разделением политического труда.

В результате воздействия окружающей среды на систему возникает реакция – «выход», т. е. принятие авторитетных решений по распределению ценностей. Ответы системы на импульсы, получаемые извне, осуществляются в форме решений и действий. Политические решения могут иметь форму новых законов, заявлений, регламентов, субсидий и т. д. Выполнение решений обеспечивается силой закона. Политические действия не имеют такого принудительного характера, однако оказывают существенное влияние на различные стороны общественной жизни. Они осуществляются в форме системы мер по регулированию и решению актуальных проблем в области экономики, экологии, социальной политики и т. д.

Следовательно, политическая система находится в отношении глубокой взаимозависимости с внешней средой. Она должна преобразовывать поступающие требования и поддержку в соответствующие решения и действия при условии, что она способна саморегулироваться. Политическая система осуществляет в обществе изменения и одновременно поддерживает в нем стабильность. Причем, если изменчивость выступает как частная функциональная характеристика деятельности системы, то выживание и самосохранение оказываются принципиально важными чертами.

Однако, акцентируя внимание на взаимодействии с внешней средой, Д. Истон оставил без внимания внутреннюю жизнь политической системы.

Стремясь преодолеть этот недостаток, Г. Алмонд предложил понимать под политической системой «все типы действий, имеющих отношение к принятию политических решений». Он включил в политическую систему лишь те институты, которые выполняют конкретные политические функции и роли. Вслед за Д. Истоном Г. Алмонд также выделил функции «входа» и «выхода», однако, в отличие от Д. Истона, он закрепил за каждым политическим

институтом его специфическую политическую роль. Если на «входе» функцию политической социализации и вовлечения граждан в политику осуществляют в той или иной мере все элементы политической системы, то другие функции «входа» распределяются между различными политическими институтами.

Так, функция интеграции интересов относится к компетенции политических партий. Заинтересованные группы призваны осуществлять функцию выражения интересов. За средствами массовой информации закрепляется функция массовой коммуникации, т. е. обеспечения взаимосвязи населения и институтов власти.

На «выходе» каждая ветвь государственной власти выполняет определенные функции. Институты законодательной власти заняты выработкой правил и норм взаимоотношений, имеющих обязательный характер для граждан. Функция применения этих правил закреплена за органами исполнительной власти. Наконец, судебные органы осуществляют функцию контроля за соблюдением правил. Таким образом, через специализацию и разделение политических ролей и функций обеспечивается стабильность общества, его способность к адаптации в изменившихся условиях.

Структура политической системы

Политическая система состоит из подсистем, которые взаимосвязаны друг с другом и обеспечивают функционирование публичной власти.

Институциональная подсистема включает в себя государство, политические партии, социально-экономические и общественные организации и отношения между ними, которые в совокупности образуют политическую организацию общества.

Нормативная подсистема включает в себя правовые, политические, моральные нормы и ценности, традиции, обычаи. Через них политическая система оказывает регулятивное воздействие на деятельность институтов, поведение граждан.

Функциональная подсистема - это методы политической деятельности, способы осуществления власти. Она составляет основу политического режима, деятельность которого направлена на обеспечение функционирования, преобразования и защиту механизма осуществления власти в обществе.

Коммуникативная подсистема включает в себя все формы политического взаимодействия как внутри системы (например, между

институтами государства и политическими партиями), так и с политическими системами других государств.

Функции политической системы

В теории систем под *функцией* понимается любое действие, направленное на поддержание системы в устойчивом состоянии и обеспечение ее жизнеспособности. Действия же, способствующие разрушению организованности, стабильности системы, рассматриваются как дисфункции. Одна из общепризнанных классификаций функций политической системы была представлена Г. Алмондом и Дж. Пауэллом. Они выделили по значимости те функции, каждая из которых удовлетворяет определенную потребность системы, а все вместе они обеспечивают «сохранение системы через ее изменение». Сохранение или поддержание существующей модели политической системы осуществляется с помощью функции политической социализации.

Политическая социализация представляет собой процесс приобретения политических знаний, верований, чувств, ценностей, присущих тому обществу, в котором живет человек. Приобщение индивида к политическим ценностям, следование принятым в обществе стандартам политического поведения, лояльное отношение к институтам власти обеспечивают поддержание существующей модели политической системы. Стабильность политической системы достигается в том случае, если ее функционирование основывается на принципах, соответствующих политической культуре общества.

Жизнеспособность системы обеспечивается ее способностью к адаптации к окружающей среде, ее возможностям. Функция **адаптации** может осуществляться с помощью политического рекрутирования - подготовки и отбора субъектов власти (лидеров, элит), способных находить наиболее эффективные пути решения актуальных проблем и предлагать их обществу.

Благодаря функции **реагирования** политическая система отвечает на импульсы, сигналы, идущие извне или изнутри ее. Высокоразвитая реагирующая способность позволяет системе быстро адаптироваться к меняющимся условиям функционирования. Особенно это важно тогда, когда появляются новые требования групп, партий, игнорирование которых может привести к дезинтеграции и распаду общества.

Политическая система способна эффективно реагировать на возникающие требования при наличии у нее ресурсов. Эти ресурсы она черпает из внутренней или внешней экономической, природной и т. д. среды. Данная функция называется **экстракционной**. Полученные ресурсы необходимо распределить так, чтобы обеспечить интеграцию и согласие интересов различных групп внутри общества. Следовательно, распределение политической системой благ, услуг и статусов составляет содержание ее **дистрибутивной (распределительной) функции**.

Политическая система осуществляет влияние на общество посредством управления, координации поведения индивидов и групп. Управленческие действия политической системы выражают сущность **регулирующей** функции. Она реализуется путем введения норм и правил, на основе которых взаимодействуют индивиды.

Типы политических систем

Типология политических систем осуществляется на основе учета различных признаков (оснований). Одна из первых классификаций (типологий) исходит из *характера их взаимоотношения с внешней средой*. По этому

критерию политические системы подразделяются на *закрытые* и *открытые*. Закрытые политические системы имеют ограниченные связи с внешней средой, невосприимчивы к ценностям иных систем и самодостаточны, т. е. ресурсы развития находят внутри таких систем. Открытые системы активно обмениваются ресурсами с внешним миром, успешно усваивают передовые ценности иных систем, подвижны и динамичны. Примерами закрытых систем могут служить бывшие страны социализма (СССР, Венгрия, Румыния, Болгария и др.). Развитые демократические государства Запада представляют собой пример открытых политических систем.

Достаточно распространенной является классификация политических систем *по политическому режиму*, т. е. на основе характера и способов взаимодействия власти, личности и общества. По этому критерию выделяются тоталитарные политические системы, авторитарные и демократические. Для тоталитарной политической системы характерно полное подчинение личности и общества власти, регламентация и контроль за всеми сферами жизни людей со стороны государства. Авторитарная политическая система основана на неограниченной власти одного лица или группы лиц при сохранении некоторых экономических, гражданских, духовных свобод для граждан. Демократическая политическая система предполагает приоритет прав личности, контроль общества над властью.

Французский политолог Ж.Блондель различает политические системы по *содержанию и формам управления*. Он выделяет пять их основных разновидностей:

1) *либеральные демократии*, в которых принятие политических решений ориентировано на ценности индивидуализма, свободы, собственности;

2) *коммунистические системы, или авторитарно-радикальные*, ориентирующиеся на ценности равенства, социальной справедливости;

3) *традиционные политические системы*, опирающиеся на олигархические формы правления и ориентирующиеся на неравномерное распределение экономических ресурсов и социальных статусов;

4) *популистские политические системы*, преобладающие в развивающихся странах; они используют авторитарные методы управления и стремятся к большему равенству в распределении благ;

5) *авторитарно-консервативные политические системы*, преследующие цели сохранения социального и экономического неравенства, ограничения политического участия населения.

В основу классификации политических систем может быть положен *классовый принцип*, т. е. интересы какого класса выражает политическая система. Подобная типология характерна для марксизма, который рассматривал политическую систему в качестве инструмента в руках экономически господствующего класса. По этому признаку выделялись *рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая (социалистическая) политические системы*.

Г. Алмонд различал политические системы по *типу политической культуры* и *разделению политических ролей* между участниками политического процесса. Он выделил четыре типа политических систем: англо-американская, европейско-континентальная, доиндустриальная и частично индустриальная, тоталитарная.

Для англо-американской политической системы (США, Великобритания) характерна высокая степень разделения политических ролей и функций между участниками политического процесса. Власть и влияние распределены между различными звеньями политической системы. Политическая система функционирует в рамках однородной культуры, ориентированной на защиту общепризнанных в обществе либеральных ценностей: свободы, безопасности, собственности и т. д.

Европейско-континентальная политическая система (страны Западной Европы) отличается расколотостью политической культуры, наличием внутри национальных культур противоположных ориентации, идеалов, ценностей, присущих какому-то классу, этносу, группе, партии. Поэтому разделение политических ролей и функций происходит не в масштабах общества, а внутри класса, группы, партии и т. д. Однако наличие разнородных субкультур не мешает находить в обществе согласие, поскольку имеется общая культурная основа - либеральные ценности.

Доиндустриальные и частично индустриальные политические системы имеют смешанную политическую культуру. Она состоит из местных политических субкультур, в основе которых лежат ценности клана, рода, общины, племени. Поэтому найти согласие и компромисс здесь, не прибегая к насилию, практически невозможно. Интеграция общества с помощью насилия приводит к концентрации власти и влияния в руках узкого круга лиц.

Тоталитарные политические системы функционируют на основе приоритета классовых, национальных или религиозных ценностей. Власть сконцентрирована в руках монополюс правящей партии или группы лиц.

Лекция: ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

1. Западные полиархии. Новые демократии

2. Восточноазиатские режимы. Исламские режимы

3. Военные режимы

Политический режим - совокупность средств и методов реализации властных отношений в обществе, определяющая степень свободы и правовое положение личности. В современном мире можно выделить пять основных типов режимов:

- западные полиархии
- новые демократии
- восточноазиатские режимы
- исламские режимы
- военные режимы

Западные полиархии

Понятие «западные полиархии» фактически относится к режимам, о которых раньше говорили как о либеральных демократиях или просто демократиях. Это системы, изначальным географическим ареалом которых были Северная Америка, Западная Европа и Австралия. Хантингтон усматривал в этих режимах продукт первых двух «волн» демократизации, из которых первая пришлась на период между 1828 и 1926 годами и такие страны, как США, Франция и Великобритания, а вторая — на 1943—1962 годы, захватив Западную Германию, Италию, Японию и Индию. Хотя процесс становления этих систем шел через демократизацию и *либерализацию*, термин «полиархия» в данном случае все же представляется более предпочтительным, чем «либеральная демократия», и на то есть две причины. Во-первых, в понятии «либеральная демократия» очень многое скорее от политического идеала, нежели от действительности: так или иначе, в этот термин подчас вкладывается уж очень широкое значение. Во-вторых, говоря «полиархия», подразумевается, что означаемые этим термином системы в чем-то существенно важном пока еще не достигли этого демократического идеала. Понятие «полиархия» было введено Далем и Линдбломом в работе «Политика, экономика и благосостояние» (1953), а затем было развито Далем в работе «Полиархия: участие и оппозиция» (1971). По мнению этих авторов, полиархические режимы отличаются той или иной комбинацией двух главных факторов.

1. В них достигнут относительно высокий уровень толерантности к оппозиции, достаточный для того, чтобы общество тем самым могло удерживать власть от посползновений к произволу. На практике это обеспечивается состязательной партийной системой, конституционно гарантированными и надежно защищенными гражданскими свободами, энергичным и здоровым гражданским обществом.

2. Полиархии предоставляют обществу достаточно широкие возможности для участия в политической жизни, — здесь высок уровень политической активности. Достигается это через четко отработанную избирательную систему, позволяющую гражданам контролировать и, если необходимо, смещать неугодных политиков. Однако и Линдблом (1977), и Даль (1985) признавали тот факт, что полиархии находятся под чрезмерным влиянием больших корпораций, поэтому сами они иногда предпочитали говорить о «деформированной полиархии».

В этом последнем варианте понятие «полиархия» может быть использовано для описания все более увеличивающегося числа режимов по всему миру. Вообще какие-то полиархические черты присущи всем государствам, практикующим многопартийные выборы. При этом западные полиархии отличаются явно выраженной спецификой — не только представительной демократией и капиталистической экономической организацией, но также культурной и идеологической ориентацией, проистекающей из западного либерализма.

Главное в этом наследии — глубоко укоренившаяся приверженность принципу индивидуализма. Философия индивидуализма, наиболее характерная для Запада ценность, исходит из уникальности каждого человека и утверждает, что общество должно быть организовано так, чтобы наилучшим образом отвечать интересам и потребностям составляющих его индивидов. На политическую культуру западных полиархий эта философия оказала множественное воздействие. Мы и по сей день видим ее проявления и в том совершенно особом внимании, которое здесь уделяется проблеме прав человека (возможно даже к умалению его обязанностей), и во всеобщей вере в спасительность конкуренции и свободы выбора как в экономике, так и в политике, и в обыкновении с недоверием и опаской относиться ко всякой власти как к возможной угрозе свободе индивида.

Однако нельзя сказать, что западные полиархии скроены на один манер. Одни из них тяготеют к централизации и мажоритарному правлению, другие —

к фрагментации и рассредоточению власти. В этой связи Лиспхарт (1990, 1999) писал о необходимости различать «мажоритарные» и «консенсусные демократии».

Мажоритарные демократии организованы на принципах парламентаризма в соответствии с так называемой **вестминстерской моделью**. Самый яркий пример здесь — это, конечно же, Великобритания, но многие черты этой модели мы также видим в политических системах Новой Зеландии, Австралии, Канады, Израиля и Индии. Мажоритарные системы обычно ассоциируются с любым или всеми из следующих принципов:

- однопартийным правительством
- неполным разделением власти между исполнительной и законодательной ветвями
- однопалатным парламентом либо парламентом с ограниченными прерогативами верхней палаты
- двухпартийной системой
- электоральной системой одномандатных округов, в которых претенденту достаточно набрать простое большинство голосов
- унитарным или централизованным правительством
- неписаной или слабокодифицированной конституцией и принципом парламентского суверенитета.

В отличие от этой модели другим западным полиархиям присуще рассредоточение власти по всему спектру правительственных и партийных институтов. В США система правления зиждется на строгом распределении власти между институтами государства, совершенно четко прописанном в соответствующих статьях конституции.

В других странах, особенно в континентальной Европе, за конечным политическим консенсусом стоят отношения между партиями — с их переговорами, «торгом» и «дележом власти». В Бельгии, Австрии и Швейцарии получила развитие система **согласительной демократии**, более всего подходящая для обществ с глубокими религиозными, идеологическими, культурными, региональными и другими различиями. Консенсусные или плюралистические тенденции часто ассоциируются со следующими принципами:

- коалиционным правительством
- разделением власти между исполнительной и законодательной властью
- парламентом с четко выраженной двухпалатной системой

- многопартийной системой
- пропорциональным представительством
- кодифицированной (писанной) конституцией

Как ни классифицировать политические системы, нужно понимать, что вообще-то каждый полиархический режим, а на самом деле всякий режим вообще, уникален и потому единичен и исключителен.

Американская **исключительность**, например, во многом идет о того, что у страны не было своего феодализма, но был опыт миграции, расширения границ и устройства поселений. Все это и объясняет, почему политическая культура США столь индивидуалистична. В США также самый высокий среди западных систем уровень религиозности среди населения, и это единственная политическая система, в которой христианский фундаментализм стал серьезной политической силой.

Еще более сложный случай представляет собой Индия. В культурном, религиозном и философском отношении страну никак невозможно отнести к Западу. В отличие от «развитых» полиархий Европы и Северной Америки это преимущественно аграрная страна с уровнем грамотности, едва превышающем 50% населения. Получив независимость в 1947 г., Индия являла собой типичную полиархию, которая достаточно легко пережила даже «чрезвычайное положение», введенное Индирой Ганди в конце 1970-х годов. Политическая стабильность Индии, очевидно, объясняется общекастовой политикой Индийского Национального Конгресса и той, можно сказать, «мистикой», что всегда окружала династию Неру—Ганди: сегодня, когда обоих этих факторов уже нет, Индия эволюционирует, можно полагать, к модели согласительной демократии.

Новые демократии

Новая волна демократизации в мире, согласно Хантингтону, началась в 1994 г. свержением правых правительств в Греции, Португалии и Испании, затем выразилась в заметном ослаблении позиций военных диктаторов в Латинской Америке и завершилась, самое главное, крахом коммунизма. Восточноевропейские революции 1989—1991 годов вызвали к жизни процессы демократизации, в ходе которых многое заимствовалось от западной либеральной модели. Главным здесь было введение многопартийных выборов в политике и начало рыночных реформ в экономике.

Можно утверждать, что прежние коммунистические режимы претерпевают переходный период, который со временем выведет их на модель

западных полиархий. На сегодняшний день, однако, эти системы лучше относить к какому-то особому, промежуточному, типу. Прежде всего, нужно сказать, что бремя коммунистического прошлого невозможно изжить, образно говоря, за ночь. Кроме того, сам переходный период в этих странах принес новые проблемы, не имеющие ничего общего с проблемами западных обществ. Эти режимы определяют как *новые демократии* или *полудемократии*.

Еще один ряд проблем связан с процессом экономической перестройки. «Шоковая терапия», сопровождавшая по рецептам Международного валютного фонда переход от центрального планирования к свободному капитализму, из-за роста безработицы и инфляции существенно ухудшила положение многих слоев общества и усилила социальное неравенство. Сравнительно с бурными временами начала 90-х годов темпы экономической либерализации сегодня резко замедлились — во многом из-за отрицательной реакции общества на рыночные реформы, выражающейся и в поддержке коммунистических или националистических по своей окраске партий.

Наконец, еще один круг проблем здесь связан со слабостью государственной власти, особенно заметной перед лицом центробежных сил, в коммунистические времена подавлявшихся. Это видно в повсеместном возрождении этнических и национальных противоречий. В 1992 г. перестала существовать Чехословакия, разделившись на Чехию и Словакию. Но наиболее драматичные формы национально-этнический конфликт принял в Югославии, где он вызвал самую настоящую войну между Сербией и Хорватией в 1991 г. и гражданскую войну в Боснии в 1992—1996 годах.

Посткоммунистические режимы, разумеется, тоже неодинаковы. Главные различия здесь пролегают между индустриально развитыми и живущими «по-западному» странами Центральной Европы — Чехией, Венгрией и Польшей, с одной стороны, и более отсталыми «восточными» странами — Румынией, Болгарией, Украиной и в каких-то отношениях Россией. В первой группе рыночные реформы прошли быстро и относительно гладко; во второй они были неполными, шли с большими трениями и, в конце концов, вызвали серьезные политические противоречия.

Восточноазиатские режимы

Совершенно нельзя исключать того, что начавшийся на исходе XX в. подъем Восточной Азии, в конце концов, может оказаться даже куда более важным глобально-историческим процессом, чем крах коммунизма. За это время центр мировой экономики заметно сдвинулся с Запада на Восток. Уже в

последние два десятилетия XX в. показатели экономического роста на западной «окраине» Тихоокеанского региона в два-четыре раза превышали показатели развитых экономик Европы и Северной Америки. А сегодня Китай по темпам экономического роста первый в мире.

Куда меньше говорят об особой восточноазиатской политической системе. Традиционно считали, что модернизация равнозначна вестернизации. В переводе на политический язык это означало идею о том, промышленный капитализм и либеральная демократия всегда идут нога в ногу. Сторонники этого взгляда указывают, в частности, на политический прогресс в Японии, после того как США ушли отсюда, оставив стране конституцию 1946 г., а также на успешное введение в течение 1980—1990-х годов многопартийных электоральных систем в таких странах, как Таиланд, Южная Корея и Тайвань. Этот подход, однако, не принимает во внимание того, что даже и полиархические институты в Азии функционируют не так, как на Западе: слишком существенны различия между культурами, сформировавшимися под влиянием конфуцианства, и культурами, сформированными западным индивидуализмом. Приходится признать, что особые *азиатские ценности*, резко отличные от западных все же существуют.

В том или ином отношении все восточноазиатские режимы имеют что-то общее:

1. Они всегда организованы в большей степени вокруг экономических, нежели политических целей; их главная задача — содействовать экономическому росту и благосостоянию, а не расширять тот круг индивидуальных прав и свобод, который мы видим на Западе. Этот сугубый прагматизм с очевидностью прослеживается в экономической истории пяти «тигров» Восточной и Юго-Восточной Азии — Южной Кореи, Тайваня, Гонконга, Сингапура и Малайзии. Но его же мы видим и в бурном развитии китайской экономики с конца 1970-х годов, и это при той коммунистической монополии на власть, которая существует в Китае.

2. В этих системах укоренена идея «сильного» правительства — уважение к государству и всегда достаточно высокий уровень поддержки правящей в данный момент партии.

3. Руководитель и лидер здесь в принципе пользуются уважением по конфуцианской традиции лояльности, дисциплины и долга: на западный взгляд, во всем этом даже можно усмотреть какие-то скрытые, а то и открытые, тенденции к тоталитаризму.

4. Наконец, здесь много думают об обществе и социальных связях — семья же является вообще центральным элементом этой традиции. В итоге складывается то, что японцы называют «групповым мышлением» с его закрытостью в отношении таких идей, как индивидуализм и права человека в их западном понимании.

Как и другие системы, восточноазиатские режимы неодинаковы. Здесь проявляются культурные различия между Китаем (вместе с родственными ему Тайванем и Гонконгом), Японией и такими этнически смешанными государствами, как Сингапур и Малайзия. Интересно, что в Сингапуре неудачей закончились попытки внедрения конфуцианских программ в школах — планы эти пришлось оставить из-за опасения вызвать недовольство со стороны малайского и индийского населения. Похожая ситуация имела место и в Малайзии, где также делалось все, чтобы ограничить китайское влияние и еще больше укрепить и без того явно выраженные исламские элементы национальной культуры. Переход Китая на путь капиталистического развития во многом затушеввал, но отнюдь не разрешил всех этих противоречий.

Исламские режимы

Подъем ислама как политической силы оказал глубочайшее воздействие на сферу политики в Северной Африке, части Азии и на Ближнем Востоке. В отдельных случаях воинствующие мусульманские движения взяли на себя роль рупора интересов городской бедноты из-за повсеместного разочарования в марксизме-ленинизме и именно этим бросили вызов существующим режимам. В других случаях сами режимы создавались или воссоздавались на основе ислама. Чисто исламским государством со времени своего возникновения в 1932 г. является Саудовская Аравия. В Иране революция 1979 г. привела к созданию исламской республики во главе с аятоллой Хомейни — пример, которому позже последовали Судан и Пакистан.

Ислам, однако, не является и никогда не являлся просто религией. Это скорее целостный образ жизни, определяющий нормы этического, политического и экономического поведения, как людей, так и государств. «Путь ислама» основывается на учении пророка Мухаммеда, как оно изложено в Коране, почитаемом всеми мусульманами в качестве слова Божьего, и также суннах — «проложенном пути», то есть соблюдаемых правоверным мусульманином обычаях, восходящих к жизни самого Пророка.

Политический ислам стремится к созданию теократического государства, в котором политические и всякие иные отношения были бы подчинены

«высшим» принципам веры. Однако существуют самые разные его течения, подчас резко отличающиеся друг от друга: от непримиримого фундаментализма до форм, вполне совместимых с политическим плюрализмом.

Фундаменталистская версия ислама обычно ассоциируется с Ираном. Здесь до конца своей жизни во главе клерикального управления обществом стоял аятолла Хомейни, возглавлявший Исламский революционный совет — орган, представлявший пятнадцать высших лиц церковной иерархии страны. Хотя в стране был учрежден и всенародно избираемый парламент в виде Исламской консультативной ассамблеи, все законы подлежали одобрению Совета по защите конституции, следившего за их соответствием принципам ислама.

После смерти Хомейни в 1989 г. его преемник Хашеми Рафсанджани перешел к более прагматичной и менее идеологизированной политике, **шариатское право** здесь до сих пор остается господствующим правовым и моральным кодексом. С еще большей силой революционный фундаментализм заявил о себе в Афганистане, где режим Талибан в 1997—2001 годах ввел чисто теократическое правление, исключив женщин из образования, экономики и вообще общественной жизни. Не менее важную роль фундаментализм играет в Саудовской Аравии, где он также приобрел абсолютистские оттенки, хотя консервативный суннитский режим страны отличается куда более мягкими формами, нежели революционный популизм шиитского Ирана. Однако сами мусульмане не принимают всех этих оценок исламских режимов как «фундаменталистских», видя в них лишь проявление извечного западного предубеждения против «экзотического» и «деспотичного» Востока. Примером того, что ислам вполне совместим с политическим плюрализмом, служит Малайзия. Хотя ислам здесь является официальной государственной религией, и высший правитель страны выступает одновременно главой и государства и церкви, в стране сложилось нечто вроде «направляемой» демократии, где власть в рамках многопартийной системы принадлежит Объединенной национальной организации малайцев во главе с премьер-министром доктором Махатхиром.

Военные режимы

В то время как большинство политических систем формируется под воздействием той или иной комбинации политических, экономических, культурных и идеологических факторов, в мире остаются и такие режимы,

которые опираются на чисто военную силу, систематическое принуждение и репрессии, — военные режимы. Их относят к более широкой категории «авторитарных». Авторитаризм военного образца всегда был распространен в Латинской Америке, на Ближнем Востоке, в Африке и Юго-Восточной Азии. В период после Второй мировой войны военные диктатуры также образовались в Испании, Португалии и Греции. Как правило, в военном режиме власть переходит в руки военных в соответствии с их положением в иерархии военного командования; при этом действие традиционных политических и конституционных учреждений приостанавливается, а все институты, через которые может быть выражена публичная оппозиция, такие, как парламент и пресса, подвергаются ослаблению или запрету.

Хотя все формы военного правления глубоко репрессивны, между ними есть и свои различия. В некоторых диктатурах армия присваивает себе прямой контроль над правительством. Классическим выражением этой разновидности является военная *хунта*. Как показывает история Латинской Америки, это форма коллективного военного правления, где все решается советом командования, обычно представляющего три рода войск (сухопутные, морские и воздушные).

Другая форма военного режима — это личная диктатура при военной поддержке. В хунте или режиме выделяется один человек, часто при этом имеет место культ личности и стремление сформировать власть харизматического толка. Примерами могут служить генерал Пападопулос в Греции периода 1974—1980-х годов, генерал Пиночет в Чили после военного переворота 1973 г. и генерал Абача в Нигерии периода 1993—1998 годов.

Наконец, мы видим военные диктатуры, где главным фактором является общая позиция армии, сам же генералитет предпочитает оставаться в тени и лишь «дергать за ниточки». Именно такую картину, к примеру, являла собой Бразилия после Второй мировой войны, где армия, дабы придать системе большую легитимность, предпочла сохранить деление на политические и военные органы власти.

Выводы

1. Понятие «политический режим», охватывает не только механизмы управления и институты государства, но также структуры и процессы, посредством которых государство взаимодействует с обществом. Классификация политических систем служит двум целям:

а) облегчает понимание через сопоставление явлений, через выявление в них моментов подобия и различия;

б) помогает нам дать оценку тем или иным качествам и достоинствам политических систем.

2. Исторически существовали разные критерии для классификации режимов.. Традиционные системы классификации устарели, тем более что классификации вообще носят временный характер. Тем не менее, сегодня политические системы можно классифицировать по тому, как в них взаимодействуют факторы политического, экономического и культурного порядка.

3. Теоретики «конца истории» провозгласили, что история кончилась либо скоро закончится с наступлением полной победы принципов западной либеральной демократии. Сегодня мы и впрямь видим, что большинство политических режимов современного мира являют собой ту или иную разновидность демократии.

4. Политические режимы мира становятся более сложными и разнообразными, как это и видно из сравнения западных полиархий, новых демократий, восточноазиатских режимов, исламских режимов и военных диктатур.

Лекция: ГОСУДАРСТВО КАК БАЗОВЫЙ ИНСТИТУТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

1. Природа и сущность государства.

2. Функции и формы государства.

3. Правовое государство.

Термин «государство» используется в отношении различных вещей: это и совокупность институтов, и географическое понятие, и философская идея, и инструмент принуждения или угнетения. Эта разноголосица частично проистекает из того факта, что исторически сложилось три подхода к пониманию ***государства — идеалистический, функциональный и организационный.***

Идеалистический подход наиболее полно отражен в трудах Г. В. Ф. Гегеля. Гегель выделял три «момента» социального бытия — семью, гражданское общество и государство. В рамках семьи действует «партикулярный альтруизм», побуждающий людей забывать о своих собственных интересах во имя блага своих детей или старших в семье. В противоположность этому гражданское общество выступает областью

«всеобщего эгоизма», где индивид ставит свои интересы выше интересов других людей. Государство в этой схеме для Гегеля было этическим сообществом, пронизанным всеобщей симпатией — «всеобщим альтруизмом». Идеализм, таким образом (и в этом проявляется серьезнейший его недостаток), порождает некритическое отношение, пиетет перед государством; кроме того, определяя государство в этических категориях, он оказывается неспособным провести четкую грань между теми институтами, что относятся к государству, и теми, что находятся за его пределами.

Функциональный подход к государству сфокусирован на том, каковы роль и цели государственных институтов. Главной функцией государства здесь объявляется поддержание общественного порядка, собственно же государство определяется как комплекс институтов, поддерживающих порядок и стабильность в обществе. Такой подход, например, характерен для современных марксистов рассматривающих государство как механизм, посредством которого, так или иначе, достигается смягчение классового антагонизма и выживание капиталистической системы. Слабость функциональной точки зрения на государство состоит в том, что с государством здесь, в сущности, ассоциируется вообще любой институт, поддерживающий порядок (семья, средства массовой информации, профсоюзы и церковь).

С позиций **организационного** подхода государство предстает аппаратом управления в самом широком значении этого понятия, то есть как комплекс институтов, имеющих явно выраженную «публичную» природу в том смысле, что они отвечают за коллективную организацию общественной жизни и финансируются за счет общества. Такой подход проводит четкое разграничение между государством и гражданским обществом. Государство охватывает различные институты управления — чиновничество, армию, полицию, суды, системы социального обеспечения и так далее. Поэтому происхождение современного государства можно вести от Европы XV—XVI столетий, когда здесь возникли системы централизованного управления, постепенно подчинившие себе все иные институты и структуры, духовные и светские, а в Вестфальском мирном договоре 1648 г. впервые было сформулировано понятие государственного суверенитета. Организационный подход позволяет нам уяснить и то, что обычно стоит за фразами «расширить сферу государства» или, наоборот, «отодвинуть государство к его прежним границам» — все то, о чем мы говорим, когда имеем в виду необходимость

расширить или сократить сферу ответственности государства, увеличить или уменьшить государственный аппарат.

В свете всего вышесказанного можно выделить пять основных черт государства:

1. Государство **суверенно**. Оно обладает абсолютной и неограниченной властью, в том смысле, что находится над всеми иными общественными структурами. Томас Гоббс выразил эту идею, представив его в виде «левиафана» — огромного морского чудовища.

2. Государственные институты **«публичны»** в противовес «частным» институтам гражданского общества. Публичные органы отвечают за принятие и проведение в жизнь коллективных решений, тогда как частные структуры, такие, например, как семья, частные предприятия и профсоюзы, служат удовлетворению частных интересов.

3. Государство — это инструмент **легитимации**. Решения государства обычно (хотя и не всегда) членами общества принимаются как обязательные к исполнению, поскольку считается, что они приняты в интересах общества и для общего блага.

4. Государство — это инструмент **господства**. Государственная власть и государственный авторитет поддерживаются принуждением; государство должно обладать всеми возможностями обеспечить исполнение законов вплоть до наказания тех, кто их не исполняет. Государственная монополия на «законно осуществляемое насилие» (Макс Вебер) и является практическим выражением его суверенитета.

5. Государство — это **территориальное** объединение. Юрисдикция государства имеет свои географические пределы и охватывает всех тех, кто живет в его границах, будь то граждане или неграждане данной страны. На международной арене государство рассматривается со стороны своей независимости. Государство не только существует отдельно от гражданского общества, заключая в себе разные ветви, оно и внутренне неоднородно.

Аппарат государства включает в себя политическую исполнительную власть, или правительство в привычном смысле слова; законодательное собрание, или парламент; судебную власть; бюрократический аппарат, вооруженные силы, полицию, местные и региональные институты и тому подобное.

Наиболее важное различие пролегает между «государством» и «правительством» — два понятия, которые часто смешиваются.

Государство шире, чем правительство. Государство — это одна громадная организация, заключающая в свои границы все институты публичной сферы и охватывающая всех членов общества (в качестве своих граждан). Правительство же является частью государства.

Государство — это исторически протяженная, даже **постоянная, категория, правительства же временны**, они приходят и уходят, их реформируют и перестраивают.

Правительство — это средство, с помощью которого государство осуществляет свою власть. Выработывая и проводя в жизнь государственную политику, правительство есть своего рода «мозг» государства, поддерживающий его существование.

Власть государства носит **внеличностный характер**. Даже персонал государственных учреждений, как правило, проходит чисто бюрократическую школу в духе политической нейтральности, что позволяет органам государства не поддаваться каким-либо идеологическим пристрастиям и настроениям действующего правительства.

Государство, по крайней мере, в теории выражает постоянные интересы общества — то, что называется **общим благом**, или общей волей. В отличие от государств, **правительство выражает партийные** пристрастия тех, кто в данный момент находится у власти.

Теперь рассмотрим более широкую проблему - какова природа государственной власти, какие именно интересы выражает государство. Есть множество теорий государства, и каждая из них дает свою картину его зарождения, эволюции и воздействия на общество:

Теократическая теория рассматривает государство как Божий промысел, основываясь на тезисе, что «вся власть от Бога».

Патриархальная концепция трактует государство как большую семью, возникающую в результате соединения родов в племена, племен в общности, государства.

Договорная теория - государство как общественный договор, согласно которому люди в целях надежного обеспечения своих естественных прав, свободы, защиты личности и собственности соглашаются создать государство.

Марксистская теория - государство возникает вследствие раскола общества на антагонистические классы в результате разделения труда и появления частной собственности. Экономически господствующий класс создает государство для подчинения себе неимущих.

Теория *насилия* - государство является результатом прямого политического действия - внутреннего или внешнего насилия, завоевания.

Вообще вопрос о природе государственной власти всегда был центральной проблемой политологии — камнем преткновения в спорах представителей различных идеологических и теоретических традиций. Главные вопросы здесь таковы: является ли государство чем-то не зависимым от общества или это по своей сути продукт общества — отражение более широких отношений по поводу распределения власти и ресурсов; служит ли государство общему благу или интересам привилегированных групп, господствующего класса; приносит ли оно в общество позитивные, конструктивные процессы и потому его надо расширять, или негативные, деструктивные процессы и потому его следует сокращать или, может быть, ликвидировать совсем. В этом контексте выделим следующие четыре теории государства:

- 1) плюралистическое государство
- 2) капиталистическое
- 3) государство-левиафан
- 4) патриархальное государство

Плюралистическое государство

Плюралистическая теория государства восходит к либеральной традиции. Государство здесь понимается преимущественно как «третьейский судья» или «рефери» в обществе. Такое же понимание всегда господствовало в англо-американской политологии, чем и объясняется ее склонность больше внимания обращать не на государство и его институты, а на «правительство». Для этой традиции и в самом деле характерна склонность интерпретировать государство как абстракцию, а такие институты, как суд, чиновничество и армию — как независимые, самодостаточные структуры, будто бы никак не связанные с государственной машиной. Истоки этой теории государства восходят к XVII в. и работам таких теоретиков общественного договора, как Томас Гоббс и Джон Локк. Более всего этих мыслителей занимал вопрос об основаниях политических обязательств или, другими словами, почему человек должен повиноваться государству и уважать его. Их главная мысль заключалась в том, что государство возникло на основании добровольного соглашения, или общественного договора, между людьми, когда они осознали, что лишь учреждение высшей власти может обезопасить их от беспорядка и жестокостей **естественного состояния** словом, вне государства люди эксплуатируют и порабащают друг друга, с государством воцаряются порядок,

цивилизованные отношения и свобода. По словам Локка, «где нет закона, нет и свободы».

Принцип нейтральности государства означает, что оно действует в интересах *всех* граждан и поэтому стоит на страже общего блага, интересов общества в целом. По Гоббсу, стабильность и порядок приносит с собой только абсолютное и неограниченное государство, обладающее властью, в отношении которой невозможны ни протест ни даже сомнение; иными словами, люди стоят перед жестким выбором — либо абсолютизм, либо **анархия**. Локк предложил более характерное для всего либерализма обоснование ограниченного государства. Перед государством, считал Локк, стоит особая цель — стоять на страже «естественных», или богоданных, прав личности, таких, как «жизнь, свобода и собственность». Локк при этом проводил четкую грань между ответственностью государства (поддержание общественного порядка и защита собственности) и ответственностью частных граждан, не выходящей за пределы гражданского общества. Поскольку государство при этом может нарушать естественные права человека с такой же легкостью, с какой оно должно охранять их, граждане со своей стороны должны располагать какими-то средствами защиты против государства, — и эту защиту, по Локку, дают лишь механизмы конституционного и представительного правительства.

На основании этих идей получила развитие **плюралистическая теория государства**. Как концепция общества плюрализм основан на той идее, что в либерально-демократических государствах власть распределена широко и равномерно; как концепция государства — что государство нейтрально, поскольку в одно и то же время на него воздействуют самые различные группы интересов и все общественные классы, именно поэтому ему удастся сохранить равновесие в отношении тех или иных частных интересов, собственного же интереса, отличного от интересов общества, оно не имеет. Такой взгляд основан на двух принципиальных допущениях. Первое — фактически государство стоит под правительством; неизбежные государственные органы (чиновничество, служба, суд, полиция, вооруженные силы и прочее) действуют вне каких бы то ни было политических пристрастий, строго подчиняясь власти своих политических руководителей; аппарат государства подчинен принципам служения обществу и политической подотчетности. Второе — демократический процесс при любых условиях сохраняет свой смысл и действенность; соперничество партий и деятельность групп интересов в конце концов оборачиваются тем, что каждое правительство вынуждено реагировать на

общественное мнение; государство же в конечном итоге можно уподобить флюгеру, куда укажет общество, туда и поворачивает государство.

Современные теоретики плюрализма приняли гораздо более критичный взгляд на государство, вылившийся в концепцию неоплюрализма. Такие теоретики, как Р. Даль, Ч. Линдблом и Дж. К. Гэлбрейт, пришли к пониманию того, что современные индустриальные государства и более сложны, и менее чувствительны к давлению со стороны общества, чем полагал классический плюрализм. Эти теоретики признают, что бизнес пользуется столь «привилегированным положением» в отношении правительства, что соперничать с ним не под силу никаким другим группам общества.

Более того, теоретики неоплюрализма утверждают, что государство может иметь и на самом деле имеет свои собственные интересы: государственная элита, состоящая из высшего чиновничества, судей, высокопоставленных чинов полиции и армии, может преследовать либо свои собственные бюрократические интересы, либо интересы своей «клиентуры».

Капиталистическое государство

Марксизм предлагает совершенно иное понимание капиталистического государства, ничего общего не имеющее с тем его образом «нейтрального третейского судьи», из которого исходят теоретики плюрализма. Согласно марксизму, государство не может быть понято вне экономической структуры общества; это, по классической формулировке, есть не что иное, как орудие классового угнетения: оно возникает из классовой системы и отражает ее. Маркс не разработал систематической и последовательной теории государства. В предельно общем смысле он утверждал, что государство является частью «надстройки», определяемой экономическим «базисом» — действительной основой общественной жизни. Точное взаимоотношение между базисом и надстройкой, т.е. между государством и капиталистическим способом производства, осталось, однако, неясным. Из работ Маркса можно извлечь две концепции государства. Первая сформулирована в его часто цитируемом высказывании из Манифеста Коммунистической партии: «Современная государственная власть — это только комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии». В этом понимании государство поставлено в прямую зависимость от общества и в еще большую зависимость от его экономически господствующего класса, которым при капитализме является **буржуазия**. Позже Ленин так и определит государство — «орудие насилия над эксплуатируемым классом».

Тем не менее, у Маркса можно обнаружить иную и более тонкую концепцию государства. Она дана в его анализе революционных событий во Франции между 1848 и 1851 годами в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Здесь Маркс писал о том, что государство может пользоваться относительной независимостью от классовой системы, примером чего может служить бонапартистское государство — «ужасный организм-паразит», способный, как оказалось, навязать свою волю всему обществу. Если это государство и выражало интересы какого-либо класса, то это была не буржуазия, а самый многочисленный класс французского общества — малоземельное крестьянство. Хотя Маркс и не разработал этого взгляда в деталях, можно понять, что он допускал и *относительную* независимость государства от общества, когда оно выступает посредником между конфликтующими классами и тем самым поддерживает существование самой классовой системы.

Обе эти концепции значительно отличаются от либеральных и более поздних плюралистических моделей государственной власти. Главная идея Маркса заключается в том, что государство порождается капиталистическим обществом и является его отражением, выступая либо орудием угнетения в руках господствующего класса, либо (не столь явно) механизмом для смягчения классового антагонизма. Однако отношение Маркса к государству не было совершенно негативным. Он допускал, что в период перехода от капитализма к коммунизму государство в виде «революционной диктатуры пролетариата» может быть использовано как абсолютно конструктивная сила; при этом за разрушением капиталистической системы последует разрушение буржуазного государства и создание нового, пролетарского, государства.

Описывая это новое государство как пролетарскую «диктатуру», Маркс отталкивался от своей первой концепции, где государство рассматривалось как инструмент, который экономически господствующий класс (только теперь это пролетариат) использует для подавления других классов. С позиций такого подхода, все государства суть классовые диктатуры, но «диктатура пролетариата» есть просто оружие защиты завоеваний революции, направленное против возможной контрреволюции со стороны свергнутой буржуазии. Маркс не видел в государстве чего-то принципиально необходимого или исторически перспективного. Его позиция сводилась к тому, что с разрешением классового антагонизма государству суждено «отмереть», полностью коммунистическое общество, следовательно, будет

безгосударственным: поскольку государство в свое время возникло из классовой системы, с разрушением этой системы оно попросту теряет свой смысл.

Противоречия в марксовом наследии предоставили современным марксистам, или неомарксистам, весьма широкий простор для собственного анализа государственной власти. Большую роль здесь сыграли работы итальянского марксиста Антонио Грамши, где доказывалось, что правящий класс добивается господства не столько открытым принуждением, сколько идеологическими манипуляциями. В 1960-х — начале 1970-х в марксистских дискуссиях о государстве возобладал иной подход, предложенный Р. Милибандом и Н. Пуланцасом: столкновение между инструменталистскими и структуралистскими взглядами на государство. Государство является проводником интересов, или *инструментом*, правящего класса, указывая на то, что государственная элита в совершенно непропорциональной степени рекрутируется из привилегированных и имущих слоев общества — своего рода прокапиталистическая тенденция государства, обусловленная совпадением жизненного опыта чиновничества, с одной стороны, и банкиров, крупнейших руководителей бизнеса и промышленных магнатов, — с другой. Обе группы, иными словами, суть представители капиталистического класса. Пуланцас не принял этого социологического подхода, указывая, что независимость государства от общества всегда ограничена *структурой* экономической и общественной власти, — государство же не способно поддерживать никакой иной общественной системы, кроме той, в которой оно само уже существует. Что касается капиталистического государства, оно служит долгосрочным интересам капитализма даже при том, что эта роль нет-нет да наталкивается на сопротивление со стороны некоторых слоев самого капиталистического класса. Примеры — расширение демократических прав и реформы системы социальной помощи, представлявшие собой такие уступки рабочему классу, которые лишь привязывали его к капиталистической системе.

Наличие различных тенденций в современном марксизме привело к заметному сближению плюралистских и марксистских теорий: теоретики плюрализма постепенно продвигались к признанию важности корпоративной власти, неомарксисты же постепенно отказывались от той идеи, что государство является всего лишь простым отражением классовой системы. С одной стороны, неомарксизм осознал, что сегодня классическая двухклассовая модель (буржуазия — пролетариат) дает уж очень упрощенную картину

общества и, в сущности, давно уже ничего не объясняет. Пулансас показал, что серьезные внутренние различия характерны и для правящего класса (например, между финансовым и промышленным капиталом) и что электоральная демократия реально усилила позиции самых разных групп за его пределами. Например, Джессоп в государстве усматривал не столько средство сохранения капитализма, сколько лабораторию для «кристаллизации политических стратегий» — комплекс институтов, в рамках которых соперничающие группы интересов и общественные слои борются за превосходство или гегемонию. В этой картине государство уже не выглядит «орудием» в руках господствующей группы или правящего класса, — скорее это динамическая среда, отражающая баланс сил в обществе на каждый данный момент времени, а в конце концов — и результаты этой борьбы.

Государство-левиафан

Образ государства как «левиафана» (чудовища, что занято лишь собственным пропитанием да ростом вширь и вверх) был закреплен в современной политической мысли теоретиками «новых правых». Вообще же такой взгляд восходит к раннему, или классическому, либерализму с его приверженностью к радикальной форме индивидуализма. «Новым правым», их неолиберальному крылу, свойственна сильнейшая антипатия в отношении вмешательства государства в экономическую и социальную жизнь, идущая из более глубокого представления о государстве как о паразитическом наросте на обществе, угрожающем как свободе личности, так и экономической безопасности страны. Здесь государство рисуется уже не третейским судьей, как у теоретиков плюрализма, а бесцеремонной «нянькой», то и дело сующей нос или прямо вмешивающейся во все и вся. Главная идея здесь — это то, что государство преследует интересы, отнюдь не совпадающие с интересами общества в целом, и эти интересы таковы, что требуют постоянного усиления роли и ответственности самого государства. Теоретики «новых правых» тем самым показывают, что движение XX в. в сторону государственного вмешательства в действительности было не ответом на требования общества обеспечить экономическую и социальную безопасность и не стремлением стабилизировать капитализм смягчением классовых противоречий, а внутренней динамикой самого государства.

Тенденцию государственной власти к постоянному расширению теоретики «новых правых» объясняют в духе концепции спроса и предложения. Факторы спроса исходят от самого общества — через механику

электоральной демократии. Соперничество на выборах, по мысли «новых правых», постоянно подталкивает политиков к попыткам «переплюнуть друг друга в обещаниях» — обещаниях повысить общественные расходы и развернуть более масштабные государственные программы, и все это без всякой мысли о возможных негативных последствиях для экономики из-за неизбежного роста налогов и инфляции. Со своей стороны действуют и факторы предложения, идущие от самого государства, его институтов и высшего государственного чиновничества. Эксперты называют это явление правительственным переизбытком предложения. Поскольку государство явно доминирует над правительством (государственная элита здесь напрямую формирует мышление выборных политиков), модель общественного выбора здесь очевидным образом перекликается с марксистской точкой зрения. Эти два подхода расходятся разве что в вопросе о том, чьим, собственно, интересам служит государственный аппарат. Марксисты утверждают, что государство отражает общие интересы классов и других социальных слоев, — теоретики же «новых правых» изображают государство как независимую структуру, преследующую свои собственные интересы. В последнем случае получается, что интересы бюрократии прямо ведут к «большому» правительству и расширению государственного вмешательства в общество, ибо это означает расширение самой бюрократии, сохранность должностей на государственной службе, повышение зарплат, новые карьерные перспективы и общее повышение статуса государственной службы. Такой образ бюрократии явно противоречит представлениям теоретиков плюрализма о государственной машине, работающей под девизом служения обществу и всегда открытым для общественного контроля.

Патриархальное государство

Современная идея патриархального государства пришла из феминистской теории. Это, однако, не означает того, что у феминистов есть своя теория государства, в теории феминизма объединилось множество традиций и подходов, — соответственно здесь сложились и разные взгляды на государственную власть. Вообще же сторонники феминизма не придавали особой важности государству, предпочитая вместо этого думать о более глубоких корнях господства мужчины в обществе — корнях, растущих из семейных и экономических отношений.

Представители либерального феминизма, считающие возможным добиться равенства полов на путях постепенной перестройки общественных

отношений, по сути, склоняются к плюралистическому пониманию государства. Они исходят из того, что когда женщине отказывают в юридическом и политическом равенстве, особенно, в праве голосовать, государство благоприятствует мужчине, но коль скоро государство само по себе все же нейтрально, эту ситуацию рано или поздно можно исправить. Либеральные феминисты поэтому убеждены в том, что все общественные группы (включая женщин) потенциально имеют равный доступ к государственной власти, почему и открывается возможность добиться справедливости и по-настоящему общего блага. Государство при этом воспринимается в положительном свете: считается, что его вмешательство в дела общества открывает возможность как-то решить проблему неравенства полов и укрепить положение женщины.

Существует и другое, гораздо более критичное, и даже негативистское, понимание государства, — с ним выступил **радикальный феминизм**, утверждающий, что государственная власть в действительности отражает куда более глубокие отношения угнетения, отношения патриархата. Здесь мы можно говорить о совпадениях между марксистскими и радикально-феминистскими взглядами на государственную власть. Обе традиции не принимают той идеи, что государство — независимо существующая структура, способная преследовать собственные интересы. В противовес этому его понимают как отражение неких «более глубоких отношений» власти в обществе, только марксизм помещает государство в экономический контекст, а радикальный феминизм — в контекст неравенства полов; в последнем случае государство представляется институтом власти мужчин в обществе. При этом, как и в марксизме, получили развитие специфически инструменталистские и структуралистские версии феминизма. *Инструменталистская* ветвь представляет государство чем-то вроде «агента» или «инструмента», с помощью которого мужчина преследует собственные интересы и закрепляет патриархат. За этой логикой стоит та принципиальная для феминизма позиция, что патриархат сохраняется из-за деления общества на «публичную» и «частную» сферы; подчиненное же положение женщины идет от того, что ее всегда ограничивали рамками «частных» семейных и домашних обязанностей, превращая в домохозяйку и мать, тогда как из «публичной» сферы, где делаются, собственно, и политика и экономика, она заведомо была исключена. То есть, государством заправляют мужчины, и они делают это для самих себя.

В отличие от инструменталистской версии феминизма, которая сделала предметом своего анализа государственную элиту и чиновничество, *структуралистская* версия стремится показать то, что государственные институты как будто встроены в более широкую патриархальную систему власти. Особый интерес при этом у радикального феминизма вызывает феномен «государства всеобщего благоденствия» — с их точки зрения, новая разновидность патриархата. Вся эта система социальной поддержки обнаруживает свою «патриархальность» в том, что происходит переход от частной зависимости женщины (где женщина как «домохозяйка» зависит от мужчин как «кормильца») к системе ее зависимости в публичной сфере, где она попадает под опеку «большого» государства. Здесь оказывается, что растет ее зависимость и как потребителя государственных услуг (от всевозможных учреждений по уходу за детьми, детских садов и всей системы социальной работы) и как наемного работника (в тех же детских садах, социальной работе и образовании). Наконец, вторжение государства в чисто женскую сферу (в воспитание детей и отдельные области здравоохранения) зачастую лишь влечет за собой новые формы зависимости женщины. Речь, в частности, идет об изменении ее роли в **резервной армии труда**, когда работодатели сегодня все шире привлекают женщин в качестве дешевого и не создающего каких-либо особых проблем труда.

Функции государства

Существующие концепции государственной власти, так или иначе, связаны и с вопросом о том, какую роль должно играть государство, какие из функций оно должно брать на себя и какие из них могут и должны быть оставлены в руках частных лиц? Вокруг этих же вопросов по большей части вращается как избирательная политика, так и соперничество партий. За исключением анархистов, с порога отвергающих государство как некое изначальное зло, все политические мыслители, так или иначе, трактовали его как нечто положительное. Даже социалисты революционной направленности все же видели в нем какую-то необходимость — хотя бы в варианте временного пролетарского государства «диктатуры пролетариата», которое направляло бы переход от капитализма к коммунизму. Однако по вопросу о том, какую именно роль должно играть государство и каким именно должен быть баланс отношений между ним и гражданским обществом, мнения расходятся самым широким образом. Здесь выделяются следующие образы государства, получившие развитие в истории:

- малое (минимальное) государство
- государство развития
- социал-демократическое государство
- коллективизированное государство
- тоталитарное государство.

Минимальное государство

«Как можно меньше государства» всегда было лозунгом классического либерализма с его озабоченностью тем, чтобы индивид располагал самой широкой мерой свободы. Традиция своими корнями уходит в теорию общественного договора, хотя при этом и отражает, по существу, «негативный» взгляд на государство. Значение же государства эта традиция усматривает в том, что только оно может поставить поведение человека в какие-то границы и тем самым уберечь людей от того, чтобы они посягали на **права** и свободы друг друга. Государство здесь выступает со стороны своей протекционистской функции, состоящей в обеспечении общих условий мира и социального порядка, — условий, в которых граждане уже сами решают, как им жить наилучшим образом. Как сказал когда-то Локк, государство должно действовать как ночной сторож, к чьим услугам прибегают лишь тогда, когда что-то угрожает порядку. Но даже и такой взгляд все же оставляет за «ночным сторожем» или малым государством ***три важные функции***:

- 1) главная функция состоит в том, чтобы государство поддерживало внутренний порядок;
- 2) государство должно осуществлять контроль за выполнением договоров или соглашений между частными гражданами;
- 3) за государством остается защита страны от внешней угрозы.

Институциональный аппарат такого государства сводится к полиции, судебной системе и армии, — экономические же, социальные, культурные, нравственные и другие дела остаются за индивидом, являясь неотъемлемой частью гражданского общества. В современный период проблема малого государства была поднята «новыми правыми». Отталкиваясь от идей раннего либерализма, в особенности от классических экономических теорий свободного рынка, они заявили о необходимости «вернуть государство в его прежние границы». Их теоретик Роберт Нозик призвал вернуться к локковскому либерализму с его защитой прав человека, особенно права на собственность. Экономисты свободного рынка, такие, как Ф. фон Хайек и М. Фридман, заговорили о «мертвящей руке» государственного вмешательства,

подавляющей конкуренцию, эффективность и производительность. По философии «новых правых», экономическая роль государства должна быть сведена к **двум функциям: стабилизации национальной валюты** (лозунг «здоровых денег», означающий низкую или нулевую инфляцию) и **содействию конкуренции через контроль над монополиями** и борьбу с фиксированными ценами. Сегодня примеры малого государства часто видят в таких азиатских странах, как Тайвань, Сингапур и Малайзия, хотя при этом не учитывают того, сколь большую роль государство здесь играет в управлении экономикой, распределяя инвестиции, поддерживая образование и профессиональную подготовку.

Государство развития

Наиболее яркими примерами минимальных (малых) государств были Великобритания и США периода ранней индустриализации в XIX в. Есть, однако, одно общее правило: чем позже страна становится на путь индустриализации, тем более важная экономическая роль в ней принадлежит государству, в Японии и Германии государство изначально приняло самую четкую установку на «развитие». Сегодня под государством развития понимается государство, осуществляющее то или иное вмешательство в экономическую жизнь с вполне определенной целью содействовать промышленному росту и экономическому развитию. При этом отнюдь не предполагается, что на место рынка приходит «социалистическая» система планирования и контроля, — речь идет скорее о выстраивании партнерства между государством и деловыми кругами, подчас сопровождаемом консервативными и националистическими лозунгами. Классическим примером государства развития является Япония. Похожая модель «вмешательства в целях развития» существовала и во Франции, где правительства, как левые, так и правые, всегда признавали необходимость экономического планирования, а высшее чиновничество главную свою задачу видело в том, чтобы «стоять на страже национальных интересов». В Австрии и до известной степени в Германии экономическое развитие также шло через строительство «партнерского государства», связывающего государство с главными группами интересов, прежде всего с большим бизнесом и профсоюзами. Наконец, с усилением экономической глобализации возникают «государства, нацеленные на конкуренцию», какими считаются **экономические тигры** Восточной Азии: здесь государству отведена функция разрабатывать долгосрочную стратегию развития с учетом систематически усиливающейся международной

конкуренции

Социал-демократические государства

В то время как государства развития прибегают к вмешательству в экономику для ускорения экономического прогресса, социал-демократические государства делают то же самое для более широкой перестройки социальных отношений, — как правило, под лозунгами равенства и **социальной справедливости**. Ключ к пониманию социал-демократического государства состоит в том, что в общественном сознании отдельных стран произошел сдвиг от «негативного» отношения к государству, при котором в нем видели не более чем необходимое зло, к «позитивному» отношению, где оно становится средством расширения свободы человека и утверждения справедливости. В этом свете социал-демократическое государство стало идеалом, как для либералов новейшего образца, так и для демократических социалистов.

Цель социал-демократического государства состоит не только и не столько в том, чтобы создать условия для хорошо упорядоченной общественной жизни, — оно само стремится участвовать в этой жизни, помогая обществу как-то справиться с негативными проявлениями рыночной экономики. Поэтому оно меньше ориентировано на материальные цели и больше на то, что считается равным или справедливым распределением. На практике речь идет об искоренении бедности и сокращении социального неравенства. Соответственно двумя китами социал-демократического государства являются кейнсианство и система социальной поддержки. Целью кейнсианской экономической политики всегда было управлять капитализмом таким образом, чтобы это обеспечивало экономический рост и полную занятость. Хотя все это не исключает каких-то элементов централизованного планирования, классическая кейнсианская стратегия более всего полагается на управление спросом через фискальные инструменты, то есть общественные расходы и налогообложение. На этой основе и возникли так называемые государства всеобщего благоденствия, ориентированные на повышение уровня жизни своих граждан.

Коллективизированные государства

Коллективизированные государства цель видели в полном упразднении частного предпринимательства и построении плановой экономики, управляющейся сетью министерств и органов планирования. Так возникли командно-административные экономики, функционирующие на принципах директивного планирования и, в конечном счете, управляемые высшими

органами коммунистической партии. Идея государственной **коллективизации** проистекала из более широкой социалистической доктрины о превосходстве общественной собственности над частной.

Тоталитарные государства

Наиболее грубые и всеохватывающие формы государственного вмешательства в жизнь общества присущи тоталитарным государствам. Сущность тоталитаризма состоит в стремлении создать такое государство, которое охватывало бы вообще все стороны человеческого бытия. Такое государство ставит не только экономику, но также образование, культуру, религию, семейную жизнь и так далее под свой прямой контроль. Наиболее характерный пример тоталитарных государств — гитлеровская Германия. Зиждуются такие государства на всеобъемлющем полицейском надзоре, устрашении, контроле и идеологическом оболванивании общества. Разумеется, гражданское общество здесь полностью подавлено и «частная» сфера жизни упразднена. В открытую это обстоятельство признавали лишь итальянские фашисты, стремившиеся к тому, чтобы совершенно растворить личность в обществе. Исследователи отмечают, что идея тоталитарного государства Муссолини восходит к гегелевскому пониманию государства как «этического сообщества», связанного альтруизмом и взаимной симпатией его членов.

Государство всегда считалось главным элементом политической жизни, однако сегодня ему угрожают тенденции, обозначившиеся в конце XX в: глобализация, этнические проблемы постсоветских государств и т.д. Как результат, возникли безгосударственные нации, этносы: этнические албанцы в Косово, курды и тамилы. Происходит то, что исследователи называют сегодня «испарением» — чуть ли не химическим по своей сложности процессом, в котором функции государства постепенно переходят к другим институтам и органам. В большинстве случаев этот процесс вызван тремя различными, но связанными друг с другом тенденциями, — глобализацией, «откатом государства к его изначальным границам» и перемещением управления на субгосударственный уровень.

Глобализация

Возможно, самые большие угрозы государству, или, по крайней мере, нации-государству, несет в себе процесс глобализации. Глобализация, вообще говоря, — это процесс, приводящий к тому, что события и решения в одной точке планеты воздействуют на жизнь в совсем другой ее части. Одно из ее проявлений сегодня мы видим в становлении глобальной экономики, где

отдельно взятой стране уже трудно, а может быть, уже и невозможно, как-то воздействовать на международный поток капиталов. Последствия всего этого для многих государств мира самые драматичные. Выяснилось, что у государств остаются весьма ограниченные возможности для управления собственной экономической жизнью и поддержания какого-то уровня благосостояния, ибо «национальные» экономические стратегии (вроде кейнсианства) в глобальном контексте фактически не работают. Естественно, начался повсеместный отход от государственной политики социальной поддержки, поскольку резкое усиление международной конкуренции везде вызвало необходимость понижать налоги и сокращать оплату труда. Другим проявлением глобализации стало то, что сегодня государствам все сложнее контролировать многонациональные компании, — корпорациям же все легче перемещать производство и инвестиции по всему миру.

Столь же велико воздействие и политической глобализации, как это проявляется в росте международных и наднациональных организаций, таких, как Организация Объединенных Наций (ООН), Европейский Союз (ЕС), НАТО и Всемирная торговая организация (ВТО). В ЕС власть государств подвергается эрозии, поскольку все более широкий круг решений (скажем, в монетарной области, в сельском хозяйстве и рыболовстве, обороне и внешней политике) здесь сегодня принимается на общеевропейском, а не на национальном, уровне.

Существует мнение, что тенденции глобализации ведут к коренной перестройке государства в обычном понимании этого слова. Конечно, идея суверенитета как главного признака государства сегодня, похоже, и в самом деле исчерпана, — по крайней мере, как идея государственного верховенства на определенной территории. Сегодняшние государства функционируют в «постсуверенных» условиях — в условиях проницаемости границ и международной взаимозависимости. Все это не обязательно ведет к закату государства, — может быть, просто возникает государство совершенно нового типа. Государства социал-демократической ориентации, коллективизированные в самом деле обречены, но на их место приходят государства «конкуренции», лучше приспособленные к требованиям глобальной экономики, которые решают:

- как повысить качество образования и профессиональной подготовки;

найти свои пути к экономическому успеху в новой высокотехнологичной

экономике;

- как поощрением предприимчивости и гибкости труда усилить способность рынка реагировать на новые вызовы;
- как решать проблему маргинализации тех или иных социальных групп;
- как сохранить и укрепить моральные устои общества.

Политическая глобализация может как расширять возможности государств, так и сокращать их. В этой связи даже возникла *концепция «объединенного суверенитета»*: идея о том, что государства, которые, действуя они независимо друг от друга, были бы слабыми и неэффективными, приобретают большой международный вес, если сотрудничают друг с другом в рамках международных или региональных институтов. Примером здесь в известном отношении может служить Совет министров ЕС — главный исполнительный орган ЕС, созданный государствами-членами, но ставший общеевропейским форумом, на котором и принимаются решения общерегионального масштаба.

Наконец, государство сталкивается с еще одним вызовом, идущим от все более популярных требований децентрализовать власть, перенести ее функции с общенационального на местный уровень и далее на еще более глубокий уровень небольших сообществ. Конечно, пока еще процесс не носит всеобщего характера, однако во многих частях мира роль локальной политики резко возросла. Так, в Великобритании в 1999 г. были созданы Шотландский парламент и Ассамблея Уэльса, что приблизило страну к таким государствам, как Испания, Франция и Италия, где политический процесс уже давно идет по линии передачи вниз все более широкого круга полномочий. В Европе получили развитие столь сильные центробежные тенденции, что сложилась даже доктрина «Европы регионов», означающая такой порядок вещей, при котором местные институты и группы получают все более непосредственный доступ к органам Европейского Союза через голову национальных правительств. В ЕС в этой связи сложилась модель *многоуровневого управления*, охватывающего субгосударственные, государственные и надгосударственные органы власти.

С точки зрения формы, государство рассматривается в двух аспектах: как *форма правления* и как *форма государственного устройства*.

Различие между президентским правлением и парламентским связывается с принципом разделения властей. При президентской форме правления:

во-первых, нет «дуализма» исполнительной власти, ибо президент является и главой государства и главою правительства;

во-вторых, президент избирается непосредственно всей нацией;

в-третьих, президент и парламент независимы друг от друга, поскольку парламент не вправе сместить президентское правительство с помощью вотума недоверия, а президент не может распустить парламент.

При парламентаризме:

во-первых, «дуализм» исполнительной власти, т.е. разделение ее на главу государства и кабинет министров;

во-вторых, политическая ответственность кабинета министров перед парламентом;

в-третьих, возможен досрочный роспуск одной или обеих палат парламента главой государства.

Различают два главных типа парламентаризма: «по-французски» (большое количество партий, невозможность стабильного парламентского большинства) и «по-английски» (двухпартийная система, однопартийное стабильное большинство в парламенте, сильная исполнительная власть).

Способы объединения населения на территории, связь граждан через политические и территориальные образования с государством выражает понятие *«форма государственного устройства»*.

Унитарное государство - общие для всей страны представительные, и исполнительные и судебные органы, единая система законодательства, единые правовая и денежная системы.

Федеративное государство - два уровня власти: федеральный и субъектов федерации (штатов, кантонов, республик и т. д.): двойная правовая система, двойное гражданство, двухпалатный парламент, субъекты федерации лишены возможности расторгнуть федеральный договор и выйти из федерации. Федерации строятся по территориальному (США), национальному (Индия), или смешанному (Россия) признакам.

Правовое государство представляет собой такую форму организации и деятельности государственной власти, при которой само государство, все социальные общности, отдельный индивид уважают право и находятся в одинаковом отношении к нему. Право выступает способом взаимосвязи

государства, общества и индивида. Принцип правового государства предполагает, что все правовые акты соответствуют основному закону страны - конституции.

Признаки правового государства:

- 1) наличие развитого гражданского общества;
- 2) ограничение сферы деятельности правового государства охраной прав и свобод личности, общественного порядка, созданием благоприятных правовых условий для хозяйственной деятельности;
- 3) мировоззренческий индивидуализм, ответственность каждого за собственное благополучие;
- 4) правовое равенство всех граждан, приоритет прав человека над законами государства;
- 5) всеобщность права, его распространение на всех граждан, все организации и учреждения, в том числе органы государственной власти;
- 6) суверенитет народа, конституционно-правовая регламентация государственного суверенитета. Это означает, что именно народ является конечным источником власти, государственный же суверенитет носит представительный характер;
- 7) разделение властей;
- 8) приоритет в государственном регулировании гражданских отношений метода запрета над методом дозволения. Это означает, что в правовом государстве по отношению к гражданам действует принцип: «Разрешено все то, что не запрещено законом». Метод дозволения применяется здесь лишь по отношению к самому государству, которое обязано действовать в пределах дозволенного - формально зафиксированных полномочий;
- 9) свобода и права других людей как единственный ограничитель свободы индивида.

Социальное государство представляет собой такую форму организации государственной власти, для которой свойственна забота о благосостоянии граждан, создании достойных условий существования, равных возможностей реализации их талантов и способностей, благоприятной среды обитания. Такое государство формирует новый тип социальных связей между людьми, основанный на принципах социальной справедливости, социального мира, гражданского согласия.

Выводы

1. Государство — это политическая организация, осуществляющая

суверенную власть в соответствующих территориальных пределах. В отличие от правительства, которое выступает его частью, государство охватывает все публичные органы и отправляет власть на том общем основании, что выражает постоянные интересы общества, а не партийные пристрастия той или иной группы политиков.

2. Существует множество теорий государства. Теоретики плюрализма видят в государстве арбитра по отношению к соперничающим в обществе группам интересов. Марксизм убежден в том, что государство стоит на страже классовой системы, либо подавляя низшие классы, либо тем или иным способом сглаживая классовый антагонизм. «Новые правые» изображают государство неким монстром, вечно стремящимся к расширению.

3. Современное государство сталкивается с различными угрозами. Главными являются: глобализация с ее экономической взаимозависимостью и возникновением наднациональных органов; «движение государства вспять» или внутреннее его «опустошение» с переходом государственных функций к частным институтам; децентрализация с передачей полномочий государства на уровень регионов, провинций и местных сообществ.

Лекция: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ.

1. Группы интересов.
2. Типология партий и их функций.
3. Партийные системы.

Группы интересов - это добровольные объединения, приспособленные или специально созданные людьми для выражения и отстаивания своих властно значимых интересов в отношениях с государством, а также другими политическими институтами.

Функции групп интересов: артикулирования - преобразование социальных эмоций и ожиданий, чувств неудовлетворенности или солидарности граждан в определенные политические требования;

агрегирования - отбор наиболее политически значимых требований, выделение тех, что имеют наибольшие шансы для практического воплощения;

информирование - группы интересов доносят до органов власти сведения о состоянии той или иной проблемы общественной жизни, трансляция общественного мнения;

формирования политических элит, властных структур общества;

различают аномические (возникающие стихийным образом, как спонтанная реакция на ту или иную ситуацию - демонстрация, митинги) и институциональные (формальные объединения с определенной организационной структурой, устоявшимися функциями и профессиональным кадровым аппаратом);

учитывая специализацию действий, выделяют неассоциативные (неформальное и недобровольное объединение людей на родственной, религиозной, социокультурной основе) и ассоциативные (добровольные объединения, специализирующиеся на представительстве интересов и нацеленных на решение определенных задач).

По характеру деятельности группы интересов могут быть разделены на одноцелевые и многоцелевые. Распространена классификация групп интересов по сферам управления обществом (в сфере экономики, культуре и т.д.), по территориальным признакам, уровню и масштабам деятельности.

Политические партии мы встречаем в подавляющем большинстве стран и почти во всех политических системах. К концу 1950-х годов партии осуществляли государственное управление примерно в 80% стран мира. Но вот с начала 1960 годов появилось нечто новое — в развивающихся странах началось распространение военных режимов; о партиях стали говорить, что они раскалывают общество и неспособны положить конец бедности, этническим, расовым и племенным противоречиям; как к «пятому колесу в телеге» к ним стали относиться и элиты — экономические и военные. Процесс демократизации 1980 — 1990-х годов вдохнул в партии новую жизнь. Партии сложились недавно — в XIX в. Они возникали как неотъемлемый элемент массовой политики — политики эпохи представительного правительства и становления избирательных систем. Так называемые «партии» или «фракции», существовавшие до того, были не более чем группками политиков-единомышленников, что складывались вокруг какой-то заметной фигуры или даже семейства. При королевских дворах возникали «придворные партии» аристократической знати и советников, отчаянно боровшиеся за влияние на корону. Поэтому, когда в конце XVIII в. Эдмунд Бёрк говорил о партии как о «группе людей, объединившихся ... вокруг какого-то принципа, в отношении которого между ними царит согласие», он как раз и имел в виду именно такие нестойкие образования вроде тогдашних вигов и тори, но отнюдь не те организованные и дисциплинированные объединения, что мы видим в более позднее время. В формировании партий принято выделять три этапа: а)

аристократическая группировка; б) политические клубы; в) современные массовые партии.

Партии современного типа возникли в США. При стойком отвращении к ним со стороны «отцов-основателей», создавших Американскую конституцию, партия «федералистов» (позже — виги, а с 1860 г. — республиканцы) во время президентских выборов 1800 г. уже имела широкую опору в массах. Многие консервативные и либеральные партии начинали свою жизнь в качестве фракций законодательных собраний и лишь позже, вынужденные апеллировать к постоянно расширяющемуся электорату, превратились во внепарламентские структуры со своими местными отделениями и местными деятелями. Социалистические партии и партийные объединения, выражавшие интересы религиозных, этнических и языковых сообществ, формировались в рамках социальных движений или групп интересов, действовавших вне парламента: в дальнейшем, стремясь завоевать свою часть электората и расширить свое влияние на политику, они тоже превратились во вполне развитые парламентские партии.

Типология партий и их функций

Четыре признака партий (Дж. Лапаломбара и М. Вейнер)

1. Партия - это организация, т.е. достаточно длительно по времени действующее объединение людей.
2. Существование устойчивых местных организаций.
3. Цель партии - завоевание и осуществление власти.
4. Обеспечение народной поддержки, начиная от голосования и кончая активным членством в партии.

Эти признаки дополнены еще идеологическим критерием: партия является носителем определенной идеологии, мировосприятия.

Итак, политическая партия - это непрерывно действующая организация, существующая как на национальном, так и на местных уровнях, нацеленная на получение и отправление власти и стремящаяся с этой целью к народной поддержке.

Мир политических партий чрезвычайно разнообразен, поэтому попытка типологизации достаточно условна. Общепризнанной и наиболее успешной является классификация М.Дюверже, основанная на различиях в структуре партий и организации их внутренней жизни, он выделил ***кадровые и массовые***

партии. Дж. Сарторри дополнил эту классификацию новым типом партии - партией избирателей.

Кадровые партии: Цель партии – победа на выборах. Организационная основа – комитеты, имеющие открытый характер. Небольшая численность. Территориальный принцип организации деятельности. Слабая партийная дисциплина, нефиксированное членство в партии. Приверженность либеральной или консервативной идеологии.

Массовые партии: Цель партии – захват власти. Организационная основа – первичные организации (ячейки, отряды и т.д.), имеющие открытый характер. Массовый характер партии. Территориальный и производственный принципы организации деятельности. Жесткая дисциплина, фиксированное членство, партийные взносы. Приверженность радикальной идеологии.

Партия избирателей: Цель партии – победа на выборах. Стремление выражать общенациональные, а не групповые интересы. Отказ от идеологии. Сезонный характер деятельности – от выборов к выборам. Слабая партийная дисциплина.

Второе типологическое различие между партиями, указанное в свое время З. Нойманом, — это различие между партиями **репрезентационного и интегративного** типов. Первые видят главную свою задачу в том, чтобы набрать как можно больше голосов на выборах; они, соответственно, стремятся скорее отражать, чем формировать общественное мнение. Здесь все та же «всеядная» стратегия: прагматизм выше принципов и политический маркетинг важнее повседневной работы с избирателем. Преобладание именно таких партий в современной политике вполне подтверждает верность теорий электорального поведения, отталкивающихся от принципа рационального выбора, — теорий, с которыми в свое время выступил Й. Шумпетер, которые изображают политиков как алчущих власти созданий, готовых занять любую политическую позицию, лишь бы добиться успеха на выборах.

Партии интегративного типа, напротив, не столько реагируют на ситуацию, сколько создают ее; главное для них — мобилизовать своих сторонников, объединить их на основе своей идеологии и повести за собой. Хотя Нойман полагал, что мобилизационным потенциалом обладают только идеологически дисциплинированные партии, какие-то тенденции в этом отношении могут быть присущи и другим партиям.

Третье типологическое различие — между партиями **конституционными и революционными**. Первые действуют в рамках

существующего конституционного поля со всеми его правилами и ограничениями, признавая и за иными партиями право на существование. Соответственно они принимают и все остальные правила политической игры — различия между партией и государством, между правящей партией (действующим правительством) и теми государственными учреждениями (системой государственной службы, судом, полицией и т.д.), что обладают формальной независимостью, и следуют принципам политического нейтралитета. Но более всего партии этого типа уважают принципы электорального соперничества, зная, что избиратель вправе как поставить их у власти, так и отстранить от нее. К этому типу относятся все ведущие партии в государствах либеральной демократии.

Напротив, революционные партии, как левого, так и правого толка, имеют антисистемный, или антиконституционный, характер. Такие партии стремятся захватить власть и опрокинуть существующий конституционный порядок, используя самые разные тактические средства — от мятежа, восстания и революции до утверждения режима псевдозаконности того типа, что практиковался нацистами и фашистами. В некоторых политических системах такие партии официально запрещены как «экстремистские» и «антидемократические» (как это, например, было в Германии после Второй мировой войны). Если же такая партия приходит к власти, результат неизменно один — сама она становится «правлящей» во всех и всяких смыслах этого слова, соперники подавляются, а государственная машина переходит под контроль партийных структур. Более того, в таких однопартийных системах, выступают ли они под знаменем фашизма, национализма или любого иного «-изма», водораздел между партией и государством в конце концов становится столь несущественным, что правящая партия, по сути, сама становится государством, создавая смешанный партийно-государственный аппарат. Так, в частности, было в СССР, где Генеральному секретарю ЦК КПСС отнюдь не нужен был официальный государственный пост, чтобы принимать решения, относящиеся к компетенции главы правительства.

Наконец, последнее типологическое различие проводится по *идеологической линии*, где главным выступает деление партий на левые и правые. «Левыми» по традиции считаются партии (прогрессистские, социалистические и коммунистические), выступающие за изменение системы, будь то социальные реформы или полная экономическая перестройка. Поддержку эти партии всегда получают со стороны беднейших социальных

слоев (в урбанизированных обществах — со стороны трудящихся классов. Партии, считающиеся «правыми» (в особенности консервативные и фашистские), держатся за существующий социальный порядок и в каком-то смысле (кто в большей, кто в меньшей степени) воплощают в себе идею политической преемственности. Своих сторонников они вербуют по большей части в деловых кругах и экономически устойчивом среднем классе. В ходе электорального соперничества идеологические различия между партиями порой и вовсе исчезают, а то, что некогда было для них «совершенно бескомпромиссной позицией и делом принципа», легко и просто разменивается на голоса избирателей. Так, скажем, Лейбористская партия Великобритании в поисках поддержки со стороны так называемой «средней Англии» резко эволюционировала в сторону идеологического центра и даже переименовала себя в «новых» лейбористов. Наконец, эрозия прежней модели классового противостояния и появление новых политических проблем, таких, как охрана окружающей среды, права животных и феминизм, привели к тому, что привычное деление на «левых» и «правых», может быть, теперь уже и вовсе потеряло всякий смысл (Гидденс).

По отношению к правящему режиму партии подразделяются на правящие (победившие на выборах и сформировавшие правительство) и оппозиционные. Функции последних:

- 1) систематическая критика деятельности правительства с указанием его ошибок и недостатков;
- 2) предложение альтернативных вариантов решения возникающих проблем;
- 3) контроль за действиями властей с точки зрения их соответствия конституции, предвыборным обещаниям;
- 4) смена существующего правительства на следующих выборах.

Партии могут различаться по характеру их идеологических доктрин: революционные, реформистские, консервативные.

Функции партий:

Представительство

Коль скоро партии создаются для того, чтобы выражать интересы как своих членов, так и избирателей, главной их функцией является представительство. В переводе на язык теории систем они, можно сказать, служат устройством «ввода», или «входом», в государственную систему, через который сюда транслируются потребности, проблемы, устремления и желания

общества. Понятно, что лучше всего эта функция выполняется в открытой и состязательной системе, где партии вынуждены реагировать на общественные предпочтения. Сторонники теории рационального выбора объясняют данный процесс, уподобляя рынок политический рынку экономическому: здесь политики в поиске голосов избирателей действуют по сути как предприниматели, партии выступают как частные фирмы, а выбор остается за покупателем, то есть избирателем. Эта «экономическая модель», однако, весьма уязвима: в действительности партии стремятся не только реагировать на общественное мнение, но и формировать его; что до избирателя, то в жизни он отнюдь не такой уж информированный и рационально действующий покупатель, все думающий, что бы ему такое приобрести у этой или той партии.

Формирование и пополнение элиты

Одна из важнейших функций всех партий — поставлять государству политических лидеров. Это правило, исключением из которого, может быть, стал лишь генерал де Голль, когда в 1944 г. он предложил Франции свои услуги, поставив себя над партиями, но создав, что примечательно, собственную партию — Союз в защиту Республики. Но это не типичный случай — обычно же политики только из партий и приходят на государственные должности: в предвыборных президентских кампаниях кандидаты являются, как правило, лидерами соответствующих партий, в парламентских же системах премьер-министром становится лидер партии большинства, контролирующей законодательное собрание. Кроме того, ведущим партийным фигурам достаются кабинетные и иные министерские посты, хотя в президентских системах в администрацию может быть назначен и беспартийный министр.

Словом, партии суть трамплин для политиков: здесь они приобретают навыки, знания и опыт; можно было бы даже сказать, что отсюда начинается отсчет их «стажа». Но у этой медали есть и обратная сторона, про которую можно сказать так: обступив государство со всех сторон, партии больше никому не дают пробиться даже к подножью власти; резерв, из которого пополняется руководство государства, — это, в сущности, лишь два-три десятка политиков из нескольких партий.

Определение целей

Политические партии всегда были той средой, через которую общество осмысливает и определяет свои цели, а подчас и реализует их. Эту свою функцию они выполняют постольку, поскольку в борьбе за власть и

расширение электората им приходится определяться со своими политическими программами — на партийных съездах, в предвыборных манифестах и так далее. Тем самым они не только иницируют новые направления политики — на практике это чаще всего целый набор более или менее достижимых целей, который и преподносится избирателю. Эта функция партий четче всего выражена в парламентских системах: здесь у победившей на выборах партии есть мандат, как раз и дающий ей право проводить свои программы в жизнь.

Артикуляция интересов и их агрегирование

Вырабатывая цели, партии в то же время выявляют и выражают интересы различных слоев общества. Партийные структуры, собственно, и развиваются как организации, через которые деловые круги, трудящиеся классы, религиозные и этнические сообщества и другие группы проводят в жизнь свои интересы. Скажем, Лейбористская партия Великобритании в свое время была основана профсоюзами, дабы обеспечить политическое представительство рабочего класса. Другие партии, напротив, сами искали те группы общества, которые могли бы стать их электоральной базой: именно так в США в конце XIX — начале XX в. партии стремились привлечь на свою сторону потоки иммигрантов. Поскольку групп в обществе много и их интересы разноплановы, партии агрегируют эти интересы, сводят их в некое единое целое, находят общий знаменатель для различных их векторов. Конституционным партиям попросту приходится это делать, потому что иначе им не сохранить свои электоральные позиции, но то же самое по-своему происходит и в однопартийных системах, особенно с централизованным планированием, где иначе как через партию по теснейшим ее связям с государством никакие общественные интересы, собственно говоря, и не выражаются.

Социализация и мобилизация

В еще одной своей функции партии выступают важнейшим средством политического просвещения общества, чему служит многое — партийные дебаты и дискуссии, избирательные кампании и соперничество на выборах. Каждая партия концентрируется на каких-то своих проблемах, все вместе это становится политической повесткой дня общества, а традиции и ориентации партий — частью его политической культуры. В однопартийных системах распространение «официальной» идеологии (будь то марксизм-ленинизм, национал-социализм или идеи какого-либо харизматического лидера) официально признается одной из первостепенных или даже главной функцией партии.

Впрочем, и в многопартийных системах ведущие партии играют в этом отношении не менее важную роль: побуждая общественные группы соблюдать правила демократической игры, они тем самым явно или неявно мобилизуют их на поддержку существующего режима. Так, возникновение социалистических партий в XIX — начале XX в. позволило тогдашним режимам без особых проблем интегрировать рабочий класс в индустриальное общество. Сегодня, однако, приходится говорить о том, что во многих странах партии теряют эту свою мобилизующую функцию: сказывается феномен «исчезновения сторонников» и растущее разочарование общества в партиях власти. Наконец, некоторые партии окончательно потеряли общественный кредит: вкусив власти, многие из них, что называется, «испортились» и уже не способны привлечь к себе симпатии общества.

Организация правительства

Часто можно слышать, и это совершенно правильно, что без партий сложные современные общества пришли бы к состоянию полной неуправляемости. Во-первых, партии помогают формировать правительства, а в парламентских системах до такой степени, что здесь можно говорить о «партийном правительстве». Партии приносят в управление свою долю стабильности и внутреннего единства, особенно когда члены правительства — однопартийцы и, следовательно, связаны общими симпатиями и контактами. Даже правительства, образуемые из партийных коалиций, легче приходят к единству и согласию, чем те, что состоят из отдельных индивидов, каждый со своими собственными приоритетами.

Кроме того, партии облегчают сотрудничество между двумя главными ветвями власти — законодательной и исполнительной. В парламентских системах это обеспечено тем, что правительство здесь формируется из одной или нескольких партий, имеющих большинство в законодательном собрании. Но и в президентских системах президент, взывая к единству партийных рядов, может оказывать то или иное воздействие на законодателей или даже как-то контролировать их. Наконец, партии, по крайней мере, в состязательных системах, выступают важнейшим источником оппозиции и критики правительства как извне, так и изнутри. Это расширяет политическую дискуссию в обществе, привлекает более пристальное внимание к отдельным проблемам и в конечном итоге работает на эффективность государственной политики.

Партийные организации: внутреннее распределение власти

Ввиду той огромной роли, что принадлежит политическим партиям, политологи сегодня все больше внимания уделяют тому, как они организованы внутренне, как в них распределяется власть. Одна из наиболее ранних попыток исследовать эту проблему была предпринята в книге М. Острогорского «Демократия и организация политических партий» (1902), где утверждалось, что интересы отдельных людей в обществе уже никто не представляет — вместо этого действуют громадные партийные машины, управляемые узким кругом партийных бонз. Этот же взгляд известный теоретик Роберт Михельс в книге «Политические партии» (1911) выразил с четкостью афоризма, или так называемого «железного закона олигархии»: «Говоря об организации, мы говорим об олигархии». Михельс, анализируя властную структуру внутри германской СДПГ, показал, что при всей формальной демократичности этой организации власть в ней, по сути дела, принадлежит небольшой группе партийных лидеров. Своим «законом» Михельс пытался показать неизбежность политического крушения демократического социализма. Критики Михельса справедливо указали на то, что примера одной единственной политической партии, взятой в определенный момент времени, совершенно недостаточно для более широких выводов, которые к тому же базируются на явно сомнительных психологических допущениях. Ведь на самом деле партийные элиты, как правило, куда больше расколоты фракционным соперничеством, а рядовые члены партии совсем не столь бездеятельны, как представлено у Михельса. Тем не менее, появлялись обновленные версии той же концепции, например, работа Роберта Маккензи «Британские политические партии».

Многие партии всерьез пытались демократизировать свою внутреннюю жизнь, дабы действительно стать тем механизмом, через который общество может участвовать в политике. Наиболее основательные реформы в этом направлении были предприняты в США, где партии весьма сильно отличаются от европейских: здесь это нечто вроде весьма свободных коалиций, где у всех участников свои интересы, совпадающие лишь в том, чтобы выдвинуть своего кандидата на президентских выборах, — отсюда глубокая децентрализация и, как правило, отсутствие каких бы то ни было политических программ. По традиции решающую роль в делах партий здесь играют местные партийные боссы, будь то штат или город, которые и ведут всю закулисную работу, а заодно, естественно, и решают, кого и куда выставить кандидатом. Нечто новое

обозначилось в 1968 г., когда после более чем бурных столкновений и дискуссий на общенациональном съезде демократов в Чикаго сформировалось движение за реформы с целью ослабить власть местных бонз и усилить роль рядовых членов партии. Работа в этом направлении пошла по линии повышения роли первичных выборов и того, что здесь называется **кокусом** (**Кокус** — совещание членов партии, на котором избираются кандидаты на выборы и, возможно, обсуждаются законодательные проекты еще до начала официальной работы над ними).

Это породило обеспокоенность, особенно среди демократов, что борьба за более открытый стиль в партии может привести к столь неожиданным результатам, что в роли кандидатов в президенты начнут фигурировать вообще «посторонние» люди. На это обе партии отреагировали обновлением и усилением своей системы комитетов, особенно на национальном уровне, уровне Конгресса и Сената. Хотя все дело назвали процессом «партийного обновления», скорее всего здесь работало желание партий обеспечить более основательную электоральную поддержку для индивидуальных кандидатов, и речь совсем не шла о такой реформе в европейском духе, когда электоральный процесс замкнут на партиях.

Нечто подобное с начала 1980-х годов происходило и в Лейбористской партии Великобритании. Здесь растущее недовольство местных активистов по поводу «предательства идеалов социализма» переросло, наконец, в открытый конфликт с лидерами, когда партия проиграла выборы 1979 г. Реформаторам удалось усилить внепарламентские структуры партии введением практики обязательного повторного отбора членов парламента и учреждением, так называемой, **электоральной коллегии** для избрания лидера партии и его заместителя. Это впервые позволило членам местных отделений партии и профсоюзов принять участие в избрании партийных лидеров. Как водится, усиление внутренней демократии лишь усугубило раскол в партии: в 1981 г. из нее в качестве самостоятельной выделилась Социал-демократическая партия (СДП), а на выборы 1983 г. лейбористы вышли с весьма слабым манифестом.

Одно за другим последовали поражения на выборах, что заставило партию вернуться к централизованному руководству. Сдвиг с левой стороны партийного спектра к центру, шедший все время с начала 1980-х годов, заставил весьма многих вспомнить выводы Р. Маккензи о принципиальном сходстве властных структур лейбористской и консервативной партий. Интересно здесь лишь то, что олигархическая тенденция в данном случае была

обусловлена не организационной динамикой, а потребностью партии в единстве и восстановлении своих электоральных позиций.

Расстановка сил внутри партии зависит не только от общих принципов ее организации, но и от существующих в ней фракций и тенденций. Всем партиям, даже тем, что на первый взгляд кажутся монолитными, в той или иной степени присущи внутренние политические и идеологические разногласия, соперничество и даже конфликтность в отношениях между группами, поэтому-то здесь всегда и необходим авторитетный лидер. Бывает, что фракции отделяются от партий, как в Европе это происходило с выделением коммунистических фракций из социалистических партий после революции 1917 г. Если правым партиям с присущим им прагматизмом обычно приходится лишь уравнивать какие-то интересы, то левым, более идеологичным, нередко приходится иметь дело с проявлениями открытых и принципиальных разногласий. Если еще учесть их приверженность идеалу внутренней демократии, становится понятным, почему социалистические партии гораздо менее «управляемы», чем либеральные и консервативные.

Но, может быть, еще более сильным фактором в данном случае является то, находится ли партия у власти или нет, а если находится, то сколь долго. Можно смело сказать, что фракции — это та роскошь, которую могут себе позволить лишь партии, долгое время находящиеся у власти. Вот почему коммунистические партии в свое время сдерживали фракционность только одним способом — жестким следованием принципу **демократического централизма** с его весьма и весьма жесткой дисциплиной. Понятно и то, почему такие «господствующие» партии, как японская Либерально-демократическая партия и итальянская Христианско-демократическая партия имеют столь много фракций. Показателен пример и Консервативной партии Великобритании: некогда ее «духом» было почитание авторитета и лояльность руководству, но в 1980—1990-х годах здесь появилось множество фракций, и это после ее прихода к власти в 1979 г. и по мере того как партия приобретала все более идеологичный характер. Словом, началось давление снизу, сделавшее партию куда более демократичной, чем она могла бы показаться тем, кто знает, сколь важная роль здесь всегда принадлежала лидеру. Самой большой жертвой этого процесса стала Маргарет Тэтчер, потерявшая в 1990 г. пост лидера партии, и это при том, что в ее активе было три победы на выборах подряд.

Политические партии важны не только потому, что они выполняют определенные свои функции (представительство, рекрутирование элиты,

агрегация интересов и т. п.), но и потому, что отношения между ними, всегда сложные, во многом определяют общую работу данной политической системы. Эта сеть отношений и называется **партийной системой**. Наиболее простой критерий классификации партийных систем — это число партий, принимающих участие в борьбе за власть. По данному принципу Дюверже разделил все партийные системы на **однопартийные, двухпартийные и многопартийные**. Хотя эта типология ныне используется самым широким образом, нужно сказать, что проблема партийных систем, конечно же, не сводится к «игре в числа».

Не менее существенным критерием является численность партии: особенно это важно с точки зрения ее шансов в электоральном процессе (а в случае прихода к власти — и в законодательном). Как указывал Сартори, важным показателем является «удельный вес» партий в отношении такой задачи, как приход к власти — единоличный либо в составе коалиции. Именно в этом смысле говорят о «крупных» и «мелких» партиях.

Третье соображение, важное для уяснения партийной системы, — это отношения между партиями: чего здесь больше — сотрудничества и консенсуса или противоречий и конфликта. В этом плане многое зависит от идеологической палитры партийной системы, а также от истории и традиций образующих ее партий.

Партийные системы различаются по политическому весу партий, который состоит из трех переменных: а) число членов партии; б) количество избирателей, проголосовавших за нее; в) число депутатских мандатов, полученных партией на выборах.

По политическому влиянию выделяют четыре типа партий:

- 1) мажоритарная партия, т.е. получившая абсолютное большинство мандатов и право на проведение собственного политического курса;
- 2) партия с мажоритарным призывом, т.е. в ситуации чередования партий у власти она способна победить на следующих выборах;
- 3) доминирующая партия, т.е. получившая относительное большинство депутатских мест;
- 4) миноритарная партия, т.е. имеющая минимальное число мандатов.

Нужно понимать, что если в государстве есть партии, это еще не значит, что здесь есть партийная система. Отношения между партиями образует систему только тогда, когда во всем этом есть хоть какая-то стабильность и упорядоченность, иначе можно говорить разве что о том, что партийная

система лишь складывается, что она радикально изменяет свой характер и т.д.

Выводы

- Политической партией мы называем организацию, созданную с целью завоевания государственной власти и имеющую, как правило, единую идеологию. Существуют кадровые и массовые партии, партии репрезентативного и интегративного типов, конституционные и антисистемные, левые и правые партии.

- В политической системе партии выполняют функции представительства, формирования политической элиты и пополнения политического корпуса, определения общественных и государственных целей, выражения интересов социальных групп, мобилизации и политической социализации избирателей, организации процессов государственного управления и отношений между институтами общества.

- Организация и структура партий являются важнейшим фактором, определяющим распределение власти в обществе. Внутрипартийная демократия обеспечивается либо широким рассредоточением власти внутри партии, либо ее концентрацией в руках избранных и политически подотчетных лидеров. Олигархические тенденции в партии можно понимать либо как неизбежное порождение современных организационных процессов, либо как ответ на потребность партий в единстве и укреплении своих электоральных позиций.

- Партийная система — это определенная система отношений между партиями. В однопартийных системах «правлящая» партия, по сути, становится постоянным правительством. В двухпартийных системах власть поочередно переходит от одной «крупной» партии к другой. В системах с доминирующей партией власть более или менее продолжительное время удерживает одна партия. В многопартийных системах ни одна партия не имеет возможностей управлять в одиночку, поэтому здесь образуются коалиционные правительства.

Лекция: ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВА

1. Сущность, назначение и функции политической культуры

2. Типы политических культур

3. Средства массовой информации и политическая коммуникация

Весьма немалая часть политики, если можно так выразиться, совершается в сознании людей, ведь политика формируется нашими идеями, ценностями и представлениями о том, как должно быть организовано общество, а также и

нашими ожиданиями, надеждами и опасениями в отношении государства. Более того, наше восприятие реальности не только может оказаться важнее ее самой, — в каком-то смысле оно само *есть* реальность. Все это указывает на значение того, что называется политической культурой. Убеждения и ценности людей формируют их отношение как к политике вообще, так и к тому государственному строю, при котором они живут, ибо во всем этом всегда присутствуют вопросы — справедлив ли этот строй, если ли у него право на существование? Мыслители прошлого, рассуждая о политике, неизменно признавали ту огромную роль, которую для общества играют ценности и убеждения людей, хотя и не называли это политической культурой. Так, Бёрк много писал об обычаях и традициях, Маркс — об идеологии, а Гердер — о национальном духе. Все они признавали, что ценности и убеждения людей имеют громадное значение для стабильности и жизнеспособности общественного строя.

Функции политической культуры:

- Идентификации, раскрывающей постоянную потребность человека в понимании своей групповой принадлежности и определении приемлемых для себя способов участия в выражении и отстаивании интересов данной общности.
- Ориентации, характеризующей стремление человека к смысловому отображению политических явлений, пониманию собственных возможностей при реализации прав и свобод в конкретной политической системе.
- Адаптации, выражающей потребность человека в приспособлении к изменяющейся политической среде.
- Социализации, характеризующей обретение человеком определенных навыков и свойств, позволяющих ему реализовывать в той или иной системе власти свои гражданские права, политические функции и интересы.
- Интеграции, обеспечивающей различным группам возможность сосуществования в рамках определенной политической системы, сохранения целостности государства и его взаимоотношений с обществом в целом.
- Коммуникации, обеспечивающей взаимодействие всех субъектов и институтов власти на базе использования общепринятых терминов, символов, стереотипов и других средств информации и языка общения.

Интерес к идее политической культуры возник у политологов лишь в 1950—1960-х годах, когда новые методы изучения человеческого поведения

вытеснили традиционные, институциональные, подходы к предмету. Классической работой в этом отношении стала «Гражданская культура» Алмонда и Вербы (1963), в которой для анализа политической специфики пяти стран — США, Великобритании, Западной Германии, Италии и Мексики — были использованы опросы общественного мнения. Ученые стремились объяснить, почему в период между мировыми войнами потерпели крах, казалось бы, совершенно демократические правительства в Италии, Германии и других странах, и почему демократия с таким трудом пробивает себе дорогу во многих развивающихся странах, получивших независимость после 1945 г. В 1970—1980-х годах интерес к политической культуре несколько спал, но вновь оживился в начале 1990-х годов, когда в Восточной Европе началось строительство демократических государств, а в зрелых демократиях, таких, как США, заговорили о «кризисе социального капитала» и падении гражданской активности. Разгорелись дискуссии и о том, не формируется ли политическая культура идеями и интересами элитных групп, какую роль в обществе играют средства массовой информации и в какой степени государство сегодня способно манипулировать политической коммуникацией. Многие авторы, говоря о политической культуре, ссылаются на понятие гражданской культуры, введенное в научный оборот Алмондом и Вербой (1963, 1980). Стремясь установить, какого рода политическая культура лучше всего способствует демократии, авторы выделили три ее типа — «активную культуру» (культуру политического участия), «пассивную культуру» (*подданическую*, где сильна ориентация на политические институты и невысок уровень индивидуальной активности граждан) и «локальную» культуру (*патриархальную*, для которой характерно отсутствие интереса граждан к политической жизни);

По их концепции, для «активной культуры» характерен самый живой интерес граждан к политике: участие в ней они считают и важным и необходимым. В «пассивной культуре» они выступают скорее объектом, чем субъектом политики, имея весьма ограниченные возможности влиять на правительство: главным элементом здесь выступает готовность граждан подчиняться авторитету власти. «Локальная культура» отличается полным отсутствием гражданского чувства: люди здесь отождествляют себя не с нацией, а со своим непосредственным окружением, и не имеют ни желания, ни возможности участвовать в политике. Утверждая, что демократии соответствует активная культура, Алмонд и Верба пришли к выводу о том, что «гражданская культура» на самом деле всегда объединяет в себе компоненты

всех трех политических культур: для нее важно и то, чтобы граждане стремились участвовать в политическом процессе, и то, чтобы государство могло ими управлять. Устойчивость демократии, по их мнению, гарантирует такая политическая культура, в которой найдена золотая середина между активностью и пассивностью граждан, а государство берет на себя лишь те обязательства, которые может выполнить. В первой своей работе (1963) Алмонд и Верба пришли к выводу о том, что ближе всех к идеалу гражданской культуры подошла Великобритания: здесь обнаруживаются черты и активной и пассивной политической культуры, иначе говоря, британцы убеждены в том, что могут и должны влиять на правительство, но обнаруживают и готовность подчиняться властям. За ними в этом рейтинге следуют США: слабым местом их политической культуры авторы полагали лишь то, что элементы активной культуры (политическая активность) здесь явно преобладают над чертами культуры пассивной (готовности подчиняться), в силу чего американцы не особо законопослушны. Что выстроить или перестроить гражданскую культуру очень непросто, продемонстрировали Западная Германия и Италия. Даже более, чем через десять лет после поражения фашизма ни в одной из них не получила развития активная политическая культура: если в Германии преобладала пассивная культура подчинения, то в Италии неискоренимы черты сугубо локальной политической культуры. Нужно, однако, сказать, что подход к изучению политических позиций и ценностей сквозь призму гражданской культуры столкнулся и с критикой.

Во-первых, сомнительным здесь показалось то, что политику (стабильность демократий) авторы, по сути дела, свели к психологии. Особо резкие возражения вызвала тема политической пассивности у Алмонда и Вербы, их убежденность в том, что подчинение авторитету власти есть политически здоровое явление: разве активное участие граждан в политике, спрашивали эти критики, не является самой сущностью демократического управления. Вместо этого, получается, Алмонд и Верба дали, в сущности, теорию «спящей собаки, которую только что накормили»: общество политически пассивно, ибо блаженствует, от чего, разумеется, счастливы и политики. Но когда менее половины общества берет на себя труд являться к избирательным урнам, как это постоянно происходит в США, не является ли это результатом политического отчуждения или крайнего неблагополучия отдельных категорий граждан?

Во-вторых, говорят критики, теория гражданской культуры покоится на совершенно недоказанном предположении о том, что политическое поведение людей формируется доминирующими в обществе ценностями и никак не наоборот. Вопрос стоит так: где следствие и где причина — демократическое ли общество порождается определенной гражданской культурой или гражданская культура — демократическим обществом? Разумеется, с позиций политической культуры вполне можно оценивать степень политического здоровья общества, но можно ли эту культуру считать средством, наперед гарантирующим стабильность демократического режима? Наконец, Алмонд и Верба понимают политическую культуру как нечто совершенно однородное и притом чуть ли не как универсальную «отмычку» к национальной культуре и даже к национальному характеру. Но ведь в обществе есть еще и подкультуры — общество вообще очень разное, в нем существуют противоречия и конфликты.

В отличие от них радикальные теоретики политики делят общество вообще по классовой, расовой и половой принадлежности людей. Совершенно иной подход к пониманию роли и природы политической культуры предлагают марксисты. Хотя Маркс понимал капитализм как систему классовой эксплуатации и угнетения, основанную на частной собственности, он признавал и значение идей, ценностей и убеждений. В «Немецкой идеологии» (1846) основоположники марксизма писали: «мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую *материальную* силу общества, есть в то же время и его господствующая *духовная* сила». По Марксу, идеи и культура являются частью «надстройки», определяемой экономическим «базисом» — способом производства.

В марксизме, можно сказать, сложилось две теории культуры. Согласно первой, культура носит сугубо классовый характер: поскольку представители одного класса, как правило, имеют одни и те же интересы и находятся в одинаковом экономическом положении, у них, скорее всего, будут схожие идеи, цели и убеждения. По словам Маркса, «не сознание людей определяет их бытие, но их социальное бытие определяет их сознание»: поэтому культура пролетариата всегда будет отличаться от культуры буржуазии. Вторая теория культуры сводится к тому, что идеи правящего класса (которые Маркс называл «идеологией») распространяются по обществу с особой легкостью и потому становятся «господствующими мыслями» эпохи. Для него, таким образом,

политическая или даже гражданская культура своего времени была бы не чем иным как буржуазной идеологией. Что существенно у Маркса, так это его представление о культуре и ценностях как о, своего рода, силе. Функция идеологии у него заключалась в том, чтобы заставить угнетенные классы примириться со своим положением, чему служит распространение всякого рода мифов (по Энгельсу, «ложного сознания»). Позднее марксизм определил все это как буржуазную «гегемонию».

Современные марксисты, разумеется, далеки от такого понимания проблемы и отнюдь не считают, что «господствующие мысли» буржуазии определяют собой интеллектуальную и культурную жизнь капиталистического общества, так совершенно вытесняя отсюда все иные взгляды. Нет, говорят они, в обществе конкурируют самые разные культуры, идеологии и политические воззрения, все дело лишь в том, что это неравная конкуренция: идеи и ценности, «работающие» на капитализм, находятся в более выигрышном положении, чем те, что ставят его под сомнение или его отрицают. Более того, все это действует успешнее потому, что скрывается под завесой свободы слова, открытого соревнования идеологий и политического плюрализма — всего того, что Г. Маркузе назвал «репрессивной толерантностью». Наиболее ярким представителем этой позиции в XX в. был А. Грамши. Грамши утверждал, что господство буржуазии в обществе обеспечивается не только ее экономической и политической властью, но и ее гегемонией в духовном производстве, в культуре: ее ценности распространяются через «гражданское общество» — через средства массовой информации, церковные институты, молодежные движения, профсоюзы и т.п. Марксистское представление о культуре как идеологической силе опирается на различие между субъективными, или *мнимыми*, интересами (тем, что люди полагают для себя нужным), и их объективными, или *действительными*, интересами (то, к чему они стремились бы, имея подлинную свободу). Понимать политическую культуру как всего лишь господствующую в обществе идеологию, продолжают критики, значит представлять современное общество идеологически однородным. Конечно, господствующая идеология вполне способна обслуживать господствующие классы, придавая им чувство исторической правоты и исторической же цели, — вопрос лишь в том, возможно ли эти ценности навязать низшим классам.

Средства массовой информации и политическая коммуникация

О том, что средства массовой информации (СМИ) приобретают

политическое значение, впервые заговорили в конце XIX в., когда в общество пришли массовая грамотность и общедоступная пресса. Но время принесло с собой новые технические и социальные изменения, и СМИ стали полноценным, вполне самостоятельным и в высшей степени мощным фактором политического процесса. Во всем этом сказались три тенденции.

С течением времени уменьшалось влияние так называемых «первичных» факторов *политической социализации*, таких, как семья и общественный класс. Некогда человек уже в детстве и юности получал какую-то политическую «прививку»: во взрослом возрасте его взгляды могли так или иначе меняться, но прививка сохранялась на всю жизнь, современное общество же с его социальной и географической мобильностью, укоренением индивидуализма и потребительских ценностей создает совершенно иную ситуацию. За кого и как голосовать на выборах люди сегодня решают не по старинке, а из чисто прагматических соображений: в зависимости от того, что говорит и что обещает кандидат. Отсюда и рост политического значения СМИ, ведь сегодня именно они являются главным проводником, который доводит до публики информацию о политических проблемах, программах и, следовательно, вариантах выбора кандидатов или партий.

Сегодня понятно, что СМИ напрямую формируют общественное мнение, по крайней мере, подчеркивая важность одних проблем и умаляя значение других, они тем самым так воздействуют на восприятие публики, что людям остается лишь выбрать то или иное политическое решение из двух-трех возможных и именно с этим решением направиться к избирательным урнам. Тем не менее, существуют самые различные взгляды на политическую роль СМИ. Среди теорий, что сложились на этот счет, главными являются следующие модели: *плюралистическая модель, модель господствующей идеологии, рыночная модель и модель ценностей элиты*. Плюрализму присуще обостренное внимание к разнообразию и многообразию мира, поэтому *плюралистическая* модель представляет СМИ как своего рода рынок идеологий, на котором потребителю предлагается самый широкий спектр политических взглядов. Тем не менее, в этой модели СМИ придается сугубо положительное значение: считается, что они создают «информированное гражданское общество», повышают уровень его демократичности и позволяют держать государство под контролем общества. Нигде эта роль СМИ как «сторожевого пса» общества до сих пор не проявлялась столь ярко, как в том расследовании уотергейтского скандала, которое в 1974 г. провела газета

Washington Post. Свой пост тогда был вынужден покинуть президент США Ричард Никсон.

Считается, что распространение «новых» СМИ, в особенности интернета, сильнейшим образом способствует плюрализму и политической конкуренции, предоставляя группам протеста, в том числе «антикапиталистическим» активистам, относительно дешевое и очень эффективное средство распространения информации и организации кампаний. Но плюралистическая модель страдает и серьезными недостатками. Нельзя ведь упускать из виду того, что слабые и неорганизованные группы не имеют полноценного доступа к основному потоку печати и вещания, из-за чего СМИ фактически работают на интересы истеблишмента и отнюдь не столь разнообразны, как может показаться. Наконец, частная собственность в сфере СМИ и их формальная независимость от государства сами по себе еще не дают оснований говорить об их политической оппозиционности, особенно сегодня, когда связи журналистов и вещателей со всевозможными органами правительства перерастают уже в какой-то симбиоз.

В модели *господствующей идеологии* СМИ изображаются политически консервативной силой, которая в принципе служит интересам экономических и социальных элит, а массы отстраняет на обочину политики. В марксистской версии этой модели, идущей от таких теоретиков, как Грамши, утверждается, что СМИ являются проводниками буржуазной идеологии и всегда работают на укрепление капитализма, действуя исключительно в интересах крупных корпораций и информационных магнатов: какую бы политическую информацию СМИ ни распространяли, предполагается, что все это в конечном итоге определяется формой собственности, — собственность же все больше концентрируется в руках небольшого числа глобальных информационных корпораций. С точки зрения этой модели, СМИ играют и все более важную роль в процессах глобализации: распространяя идеи, образы и ценности западной потребительской философии, они, по сути, создают новые рынки и способствуют проникновению большого бизнеса во все уголки планеты.

Как на самом деле работает модель господствующей идеологии, убедительнее всех показали Н. Хомски и Э. Херман в книге «Фабрикация согласия» (1994), где они описали так называемую «модель пропаганды». Авторы показали пять «фильтров», или факторов, из-за которых новости и политическая информация искажаются внутри самих СМИ:

- 1) деловые интересы владельцев информационных компаний;

2) необходимость считаться с взглядами и интересами рекламодателей и спонсоров;

3) получение новостей и информации от «агентов власти» — правительственных органов и крупных исследовательских корпораций, финансируемых бизнесом;

4) эпизодическое давление на журналистов, включая и такой момент, как угрозы судебного преследования;

5) постоянная убежденность самих журналистов в достоинствах рыночной конкуренции и потребительского капитализма.

Хомски убедительно показал, что СМИ могут совершенно негативно воздействовать на демократический процесс, мобилизуя, скажем, общественную поддержку для самых что ни есть империалистических целей внешней политики США. Но у модели господствующей идеологии нашлись и критики. По их мнению, модель недооценивает того, что пресса и вещание, особенно государственное, большое внимание уделяют позитивной проблематике — прогрессу и развитию, общественным вопросам. Наконец, утверждают критики, предположение о том, что продукция СМИ напрямую формирует общественное мнение по политическим вопросам, кажется уж очень прямолинейным: здесь, похоже, не учитывается то, что аудитория обладает собственными «ценностными фильтрами», по-своему воспринимая, а то и отторгая сообщения СМИ.

В концепции СМИ — модели *ценностей элиты* — фокус внимания переносится с вопроса о том, кто владеет СМИ, на вопрос, с помощью каких механизмов контролируется их содержание. Здесь предполагается, что издатели, журналисты пользуются достаточной профессиональной независимостью и что даже наиболее авторитарные из их хозяев вмешиваются в процесс разве что тем, что ставят общие задачи перед своими сотрудниками, но не контролируют их повседневную работу. Политическое лицо издания определяют ценности той группы, которая как раз на повседневном уровне и руководит данным СМИ. Есть несколько версий этой модели, отличающихся друг от друга тем, что в них считается главным. Одна утверждает, что анτισоциалистическая и консервативная направленность большинства газет, журналов и основных телевизионных станций обусловлена высокими заработками их ведущих сотрудников, которые при этом, как правило, являются выходцами из среднего класса. Другая версия, выдвигаемая консервативно настроенными исследователями, гласит, что СМИ отражают

взгляды либеральных интеллектуалов «университетского пошиба», ценности и интересы которых заведомо не совпадают с мировоззрением основной массы населения.

В феминистском варианте подчеркивается, что в «пишущих» и «электронных» СМИ делами заправляют мужчины, чем и объясняется то совершенно недостаточное внимание, которое здесь уделяют проблемам женщин, равно как и тот зачастую конфронтационный стиль политического репортажа, что царит здесь. Хотя эта модель вполне объясняет, почему спектр политических мнений, выражаемых СМИ, на практике куда более узок, чем предполагает плюралистическая модель, у нее тоже есть свои недостатки: она не вполне учитывает то давление, которое испытывает профессиональная элита СМИ, находящаяся под диктатом интересов своих владельцев и других соображений коммерческого характера, особенно цифр «рейтинга».

«*Рыночная модель*» СМИ отличается от остальных тем, что для нее вообще не важен вопрос, насколько объективно или необъективно СМИ освещают действительность: ее главный постулат заключается в том, что газеты и телевидение скорее просто отражают, нежели формируют, взгляды своей аудитории. Так происходит потому, что, каких бы взглядов ни придерживались владельцы и работники СМИ, информационные компании главным образом частнокоммерческие предприятия, заинтересованные в получении прибыли и, стало быть, в расширении своего присутствия на рынке. СМИ поэтому дают людям в основном то, «что они просят», и не могут позволить себе ничего такого, что могло бы не понравиться существующей или потенциально возможной аудитории, давая, скажем, политические точки зрения, с которыми та заведомо не согласится. От такого давления свободны, может быть, лишь государственные вещательные компании вроде BBC, которые напрямую не связаны с рекламой и вообще экономической деятельностью, но тирания «рейтинга» дает о себе знать даже и здесь.

Хотя «рыночная модель» и отрицает политическое значение СМИ, парадоксальным образом именно она, возможно, лучше всего объясняет, как именно способ подачи новостей воздействует на сегодняшний политический процесс. Происходит это, помимо прочего, потому, что какие-то моменты личной жизни и чисто личного же поведения политиков для СМИ ныне стали едва ли не важнее политических и идеологических проблем. Словом, для СМИ вообще, но более всего, естественно, для телевидения, «картинка» куда интереснее сути дела. В Великобритании и других парламентских системах все

это проявляется наружу в том, что можно определить непростым словом «президентизация» или, если проще, «американизация» политики. Для СМИ это отнюдь не сознательная линия поведения — просто работает всегдашнее стремление «продать политику» той аудитории, громадной по своим масштабам, которая в иной упаковке ее, может быть, и не «купила» бы. По тем же самым причинам избирательные компании превратились в «скачки», во время которых все с азартом следят за тем, кто же, в конце концов, придет к финишу первым независимо от политического смысла результатов забега: понятно, что «серьезные» новости и всякие там политические дискуссии при этом мало кого волнуют. Конечно, все это можно было бы списать на требования рынка, не будь сами СМИ изначальной тому причиной. Ведь когда политические дебаты освещаются как соревнование лозунгов и конкурс остроумия да афоризмов, не только мало места остается для сколько-нибудь независимого и глубокого анализа политических проблем, но подрывается интерес и собственно к политике.

Политическая тенденциозность, действующая в СМИ и через них, — это одна сторона проблемы, беспокоящая исследователей; другая — это все более тесные отношения между государством и СМИ и то, как в этих отношениях стороны используют друг друга для достижения своих собственных целей. Отношения же эти привели к существеннейшим изменениям в стиле и содержании политической коммуникации, оказывая далеко идущее воздействие как на общественное мнение, так, может быть, и на политическую культуру в целом. Ситуация такова. Отношения правительств с истиной, так сказать, всегда были в большей или меньшей степени натянутыми: политики ведь озабочены в первую очередь тем, чтобы завоевать и удержать власть, будучи всегда, следовательно, чувствительны к общественному мнению. Здесь всегда будет иметь место стремление подчеркнуть какие-то позитивные моменты и затушевать негативные. В либерально-демократических режимах, где независимость СМИ в общем-то исключает возможность использовать их для «официальной» пропаганды и явного идеологического манипулирования, правительства в своей информационной политике поэтому больше полагаются на то, что получило название «управление новостями» или «политический маркетинг». Речь идет об **«искусстве подачи новостей»** — о том, что ныне является в высшей степени важным делом для всех правительств.

Искусство подачи новостей, за которое в нынешних правительствах отвечают специально назначенные люди, многолико и включает в себя

следующее:

- тщательнейший «медицинский осмотр» информации и аргументов, предназначенных для передачи в СМИ;
- контроль над источниками информации в намерении убедиться, что они близки «официальной линии»;
- применение практики брифингов, на которых аргументы преподносятся так, что непонятно, кому именно они принадлежат, — широчайшее использование «утечек информации»;
- предоставление информации только тем СМИ, которые по своим политическим позициям близки правительству;
- выпуск официальных информационных сообщений в тот момент времени, когда в СМИ уже почти «сверстан номер» или «снята программа» с расчетом на то, что информацию не успеют перепроверить и уж тем более не успеют подготовить контраргументы;
- сообщение «плохих новостей» в то время, когда на повестке дня стоят иные и куда более важные проблемы.

Шире всего такого рода «управление новостями» практикуется в США, где с окончанием очередных президентских выборов всевозможные стратегии и менеджеры избирательной кампании оказываются на высших должностях в Белом доме, если их кандидат победил. Администрация Клинтона достигла здесь, пожалуй, высот изобретательности в «искусстве подачи новостей». Весьма озабочено «упаковкой» своей политики было и правительство Блэра в Великобритании, из-за чего некоторые его критики говорили, что вопросам стиля он уделяет куда больше внимания, чем сути дела. При Блэре все информационные отделы правительства были поставлены под контроль пресс-службы премьер-министра, в отношении же журналистов была принята политика «кнута и пряника»: за доброжелательность их поощряют дополнительной, а то и эксклюзивной, информацией, за критику — наказывают информацией второго сорта; наконец, информационные отделы министерств были поставлены под контроль Даунинг-стрит.

Было бы, однако, ошибкой считать, что во всех этих процессах сами СМИ выступают пассивной и ни за что не отвечающей стороной. Нет, СМИ нуждаются в государстве точно так же, как государство нуждается в них. Правительство всегда было важнейшим источником новостей и информации, но ныне его роль в этом отношении еще более возросла, ибо с появлением новых технологий информационной деятельности многоканального

телевещания, интернет-сайтов, журналов и газет нового типа — в СМИ ощущается постоянная жажда «новостей, стоящих освещения». Нередко издатели, редакторы и журналисты напрямую кооперируются с правительственными специалистами по «подаче информации».

Итак, политическая культура представляет собой совокупность ценностей, установок, убеждений, ориентаций и выражающих их символов, которые являются общепринятыми и служат упорядочению политического опыта и регулированию политического поведения всех членов общества. Она включает в себя не только политические идеалы, ценности и установки, но и действующие нормы политической жизни.

Политическая культура способна оказывать тройственное влияние на политические процессы и институты:

1. Под ее воздействием могут воспроизводиться традиционные формы политической жизни.
2. Политическая культура способна порождать новые, нетрадиционные для общества формы социальной и политической жизни.
3. Комбинировать элементы прежнего и перспективного политического устройства.

Существуют и более общие критерии типологизации, заданные, в частности, спецификой цивилизационного Востока и Запада, ценности и традиции которых являются фундаментом практически всех существующих в мире политических культур. Идеалы политической культуры западного типа восходят к полисной (городской) организации власти в Древней Греции, предполагавшей обязательность участия граждан в решении общих вопросов, а также к римскому праву, утвердившему гражданский суверенитет личности. Огромное влияние на их содержание оказали и религиозные ценности христианства, прежде всего протестантской и католической его ветвей. Специфика восточных норм и традиций коренится в особенностях жизнедеятельности общинных структур аграрного азиатского общества, формировавшихся под воздействием ценностей арабско-мусульманской, конфуцианской и индо-буддийской культур.

Усвоение человеком требований статусного и ролевого поведения, культурных ценностей и ориентиров, ведущее к формированию у него качеств и свойств, позволяющих адаптироваться в данной политической системе и выполнять там определенные функции, называется политической социализацией.

Набор политических знаний, умений и навыков человека прежде всего зависит от его субъективного состояния и выполняемых в политике ролей, а также от деятельности основных агентов политической социализации: семьи, системы образования, политических институтов, религиозных и общественных объединений, средств массовой информации. Действие этих переменных политического процесса и предопределяет различия первичного и вторичного этапов политической социализации.

Различия в механизме передачи культурных традиций и норм в тех или иных политических системах позволяют выделить следующие типы политической социализации:

- гармонический, отражающий психологически нормальное взаимодействие человека и институтов власти, рациональное и уважительное отношение индивида к правопорядку, государству, осознание им своих гражданских обязанностей.
- гегемонистский, характеризующий негативное отношение человека к любым социальным и политическим системам, кроме “своей”.
- плюралистический, свидетельствующий о признании человеком равноправия с другими гражданами, их прав и свобод, о его способности менять свои политические пристрастия и переходить к новым ценностным ориентирам.
- конфликтный, формирующийся на основе межгрупповой борьбы и противостояния взаимозависимых интересов и потому усматривающий цель политического участия в сохранении лояльности своей группе и поддержке ее в борьбе с политическими противниками.

Выводы

- Политическая культура есть совокупность психологических установок людей в отношении таких политических объектов, как партии, правительства и конституции, — установок, выражающихся в политических позициях, убеждениях, символах и ценностях. От общественного мнения политическая культура отличается тем, что она формируется на основе исторически сложившихся ценностей, а не является реакцией на конкретную политику, конкретные проблемы и личности.
- Политические установки и ценности индивидов и групп формируются в процессе политической социализации, который можно рассматривать либо как процесс идеологического воздействия, оказываемого на человека в продолжение всей его жизни, либо как передачу ценностей от

старшего к младшему поколению. Главной средой социализации являются семья, система образования, религия, средства массовой информации и государство в целом.

- Понятие гражданской культуры вызывает множество споров. Под этим термином подразумевается совокупность определенных психологических установок (политическое участие, уважение к закону и государству), от которых зависит стабильность демократического общества. Гражданскую культуру при этом правомерно рассматривать и как следствие, и как предпосылку демократии. Подчас в дискуссиях о гражданской культуре преувеличивается значение позитивных ориентации людей в политической сфере и недооцениваются факторы культурной неоднородности общества. При этом радикалы и марксисты склоняются к той идее, что «господствующая» культура навязывается обществу свыше в интересах привилегированных групп.

- В наше время резко возросло политическое значение СМИ — результат целой совокупности как общественных, так и технологических факторов. Подчас деятельность СМИ представляют как своего рода рынок идей, содействующий общественной дискуссии и дающий электорату более широкий выбор. С других позиций они рассматриваются как пропагандистское оружие правящего класса, как средство распространения ценностей элиты или как простое отражение взглядов и вкусов различных слоев общества.

- Иногда говорят, что современные общества страдают от эрозии социального капитала — падения уровня гражданской активности общества. В этом видят следствие социальных и культурных изменений, проистекающих от укоренения индивидуализма и роста общественного неравенства.

Лекция: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ. СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ

1. Либерализм. Элементы либерализма. Разновидности либерализма

2. Консерватизм. Элементы консерватизма. Разновидности консерватизма

3. Социализм. Элементы социализма. Марксизм. Элементы марксизма

4. Социал-демократия и другие идеологические традиции.

Никто из нас не видит мир таким, каким он есть на самом деле. Мы смотрим на него через призму каких-то уже сформировавшихся представлений,

предположений и теорий. Поэтому наблюдение и понимание неотделимы друг от друга: глядя на мир, мы одновременно придаем ему тот или иной смысл. Нечто аналогичное происходит и тогда, когда мы воспринимаем политику, — у разных людей здесь могут быть изначально разные аксиомы и заранее сложившиеся представления. Корни всего этого скрываются в тех предельно широких политических традициях, что называются политическими идеологиями. Это мир «измов», где можно встретить либерализм, социализм, консерватизм, феминизм, фашизм и так далее; каждый «изм» при этом являет собой какое-то определенное интеллектуальное целое, или парадигму, каждый из них дает свою картину политической действительности — свое мировоззрение. Нечего и говорить, что существует множество воззрений на то, что такое идеология и какую роль она играет в обществе

«Идеология» — одно из тех понятий политологии, вокруг которых шли, идут и, конечно же, будут еще идти многие и долгие споры. Хотя сегодня этот термин употребляется в нейтральном значении — как простое обозначение той или иной социальной философии или мировоззрения, исторически же он имел довольно-таки трудную судьбу, ибо были времена, когда ему придавали сугубо отрицательный смысл. Само слово «идеология» впервые употребил в 1796 г. французский философ Дестют де Траси, он означал некую новую «науку об идеях» (буквально идеялогия), которая должна была бы изучить происхождение наших мыслей. Сам философ надеялся, что идеология со временем станет такой же признанной наукой, как зоология или биология. За термином, однако, закрепилось то значение, которое в XIX в. ему придал К. Маркс. Маркс понимал идеологию как нечто равнозначное идеям «правлящего класса» — идеям, которые, следовательно, освящают сложившееся классовое деление общества и эксплуатацию низших классов. В своей ранней работе «Немецкая идеология» (1846) Маркс и Энгельс писали о том, что идеи правящего класса являются в каждую эпоху правящими идеями, то есть класс, выступающий главной *материальной* силой в обществе, одновременно является его главной *умственной* силой. Класс, владеющий средствами производства, одновременно контролирует производство идей. Природу идеологии Маркс видел в том, что она представляет собой превратное сознание, имеющее лишь ту цель, чтобы держать в темноте низшие классы и не давать им видеть реальных противоречий, на которых зиждутся все классовые общества. Что касается конкретно капитализма, здесь идеология собственного класса (буржуазная идеология) навязывает пролетариату «ложное сознание» и все-

возможные иллюзии, мешающие ему осознать свое эксплуатируемое положение. При этом Маркс отнюдь не полагал, что все политические взгляды имеют заведомо идеологический характер; свое собственное исследование капитализма он считал наукой. По Марксу, между наукой и идеологией всегда можно провести четкую линию — грань между истиной и ложью. В работах позднейших марксистов - Ленина и Грамши - было уже другое понимание вопроса. Они говорили уже не только о «буржуазной», но также о «социалистической идеологии» и «пролетарской идеологии».

Либеральная и консервативная традиции по-своему трактовали идеологию. С возникновением тоталитарных диктатур в период между двумя мировыми войнами такие авторы либеральной ориентации, как К. Поппер, Дж. Л. Талмон и Х. Арендт, стали рассматривать идеологию как инструмент социального контроля, обеспечивающий общественное согласие и подчинение. Работая в период «холодной войны», эти теоретики трактовали идеологии фашизма и коммунизма как два варианта «закрытой» системы мышления — системы, претендующей на монопольное владение истиной и не допускающей никакого инакомыслия. На этом фоне либерализм с его коренной приверженностью принципам свободы личности, а также консерватизм и демократический социализм, поскольку таковые разделяют те же принципы, понимались не как идеологии, а как «открытые» системы — открытые в том смысле, что они допускают свободу мнений, критику и оппозицию, более того, настаивают на них.

Последовательно консервативное понимание «идеологии» было разработано таким мыслителем, как М. Оукшотт, который шел от традиционно консервативного неверия к возможности **рационализма** полагая, что окружающий мир во всей своей сложности не доступен человеческому пониманию. Как он сам выразился на этот счет, в политике «люди плывут по бездонному и бескрайнему морю». С этой точки зрения идеологии рисуются абстрактными «системами мышления» — набором идей, которые скорее искажают политическую реальность, ибо претендуют на объяснение того, что по сути дела необъяснимо. По этим соображениям консерваторы обыкновенно всегда отрицали, что у них есть какая-то идеология, предпочитая вместо этого представлять консерватизм как «умонастроение» или «позицию» и делать главную свою ставку на прагматизм, традицию и историю.

Недостатком всех представленных выше подходов является то, что в них идеология предстает в заведомо негативном свете, а это ограничивает область

употребления понятия. Получается, что одни политические доктрины можно отнести к идеологиям, а другие нельзя. Так, Маркс настаивал на том, что его идеи носят научный, а не идеологический характер, либералы отрицают принадлежность своей философии к миру идеологий и, наконец, консерваторы спокон веку утверждали, что они придерживаются прагматической, а не идеологической позиции в политике. Более того, каждый из этих подходов «нагружен» ценностями и установками соответствующих политических доктрин.

Требуется нейтральное и всестороннее, применимое ко всем политическим традициям, понимание идеологии, — нужно отказаться от представления, что идеология может быть «хорошей» или «плохой», истинной или ложной, освободительной или порабощающей.

Либерализм

Любой перечень политических идеологий должен начинаться с либерализма. Потому, что либерализм в сущности является идеологией промышленного Запада; подчас его понимают даже как *метаидеологию*, способную охватить самый широкий круг взаимопротиворечивых ценностей и взглядов. Хотя как вполне сложившаяся политическая доктрина либерализм утвердился не ранее начала XIX в., отдельные его элементы формировались в течение предшествующих трех столетий. По сути либерализм был продуктом распада феодализма и становления рыночного, или капиталистического, общества. Ранний либерализм, естественно, выражал устремления поднимающегося промышленного среднего класса; с тех пор либерализм и капитализм тесно, если не сказать неразрывно, связаны друг с другом. Первоначально это была чисто политическая доктрина, критиковавшая абсолютизм и феодальные привилегии и противопоставлявшая им конституционное, а позже представительное правление.

К началу XIX в. получил развитие *экономический либерализм*, пропагандировавший свободный капитализм и осуждавший все и всякие формы государственного вмешательства в экономику. Это и стало краеугольным камнем классического либерализма — либерализма XIX в.

В конце XIX в., однако, возникла форма *социального либерализма*, осознававшего необходимость социальных реформ в интересах низших классов и государственного вмешательства в экономическую жизнь. Этот подход стал характерной темой современного либерализма — либерализма XX века.

Элементы либерализма

Индивидуализм — это святая святых либеральной идеологии. За ним стоит то убеждение, что человек как таковой неизмеримо важнее социальной группы или вообще любого коллектива. Люди здесь рассматриваются главным образом как индивиды; они уникальны и обладают равным моральным достоинством. Либерализм поэтому стремится создать такое общество, в котором индивиду будет обеспечено развитие и благополучие, а каждый человек получит шанс сполна реализовать свои способности, стремясь к «благу» в том смысле, в каком он (или она) это благо понимает. Иногда в этой связи говорят, что либерализм этически нейтрален: он лишь предписывает правила, по которым индивиду предоставляется принимать свои собственные решения морального характера.

Свобода личности — это также одна из основополагающих ценностей либерализма, имеющая для него более важное значение, чем равенство, справедливость или власть. Приверженность принципу индивидуальной свободы естественным образом вытекает из принципа индивидуализма и стремления обеспечить каждому индивиду возможность действовать по собственному усмотрению. Однако в действительности либералы предпочитают говорить о «свободе в рамках закона», ясно осознавая, что свобода одного человека может обернуться угрозой для свободы других людей и вообще выродиться во вседозволенность. Поэтому идеальным разрешением проблемы здесь представляется предоставление индивиду того максимума свободы, который не угрожает свободе других людей.

Разум. Либералы верят в то, что мир имеет умопостигаемую природу. Поэтому они склонны верить в способность индивида самостоятельно принимать вполне здравые решения и вообще быть лучшим судьей по части собственных дел. Отсюда же вытекает вера либералов в прогресс и способность людей разрешать противоречия, если таковые возникают, мирным образом — через дискуссии и переговоры, а не через насилие и войну.

Равенство. Индивидуализм предполагает убеждение в изначальном равенстве людей, то есть в том, что люди «рождаются равными». Отсюда вытекает приверженность либерализма принципу равенства в сфере права («равенство перед законом») и политики («один человек — один избирательный голос: все поданные голоса равноценны»). Поскольку, однако, способности и желание трудиться у людей неодинаковы, либерализм не принимает идеи социального равенства — «равенства результатов»,

предпочитая вместо этого говорить о «равенстве возможностей», которое позволяет людям реализовать каждому свой потенциал, изначально неравный. Отсюда вытекает и приверженность либерализма принципу *меритократии*, понимаемому, если говорить кратко, как формулу «талант, помноженный на упорный труд».

Толерантность. Либералы убеждены в том, что толерантность (то есть терпимость, признание за другим человеком права думать, говорить и поступать так, как он считает нужным) есть одновременно и гарантия личной свободы и средство культурного, да и всякого иного, обогащения общества. Безошибочным показателем общественного здоровья для данной традиции является *плюрализм*, выражается ли он в культурном или политическом разнообразии, ибо плюрализм благоприятствует обмену взглядов в обществе и содействует его развитию, так как только в этих условиях различные точки зрения по-настоящему проверяются на истинность в рамках свободного рынка идей.

Общественное согласие, консенсус. Согласно философии либерализма власть и, шире, публичные отношения должны основываться на общественном согласии и соглашениях сугубо добровольного характера; всякое управление должно зиждиться на «согласии со стороны тех, кем управляют». Именно поэтому либерализм привержен доктрине демократии и политического представительства. Те же воззрения распространяется и на общество в целом: организации и объединения здесь возникают в порядке тех договорных отношений, в которые люди, преследуя свои собственные цели, вступают сугубо добровольно. Власть в этой картине всегда «исходит снизу» и потому обладает заведомой легитимностью.

Конституционализм. Хотя государство для либеральной идеологии всегда было жизненно важной гарантией порядка и стабильности в обществе, здесь постоянно присутствует и ощущение той опасности, что власть может вырождаться в тиранию (по лорду Актону, «всякая власть развращает»). Следовательно, ее необходимо ограничивать. Эта задача решается разделением государственной власти через систему сдержек и противовесов в отношениях между ее институтами и принятием кодифицированной, или писаной, конституции с биллем о правах, которым определяются отношения между государством и индивидом.

Классический либерализм

Ядром классического либерализма изначально была приверженность крайним формам индивидуализма. Люди в этой традиции рисовались откровенно эгоистическими существами, которые преследуют лишь свои собственные цели и надеются лишь на самих себя. Это в полном смысле слова хозяева своей судьбы, ничем не обязанные ни обществу, ни другим людям. Параллелью к такому ***атомистическому*** воззрению на общество выступала «негативная» свобода — неприятие индивидом какого бы то ни было внешнего вмешательства в его жизнь, его свобода от внешних ограничений. Нечего и говорить, что к государству и всевозможным правительственным регламентациям эта традиция относилась глубочайше враждебным образом.

По выражению Тома Пэйна государство — это «необходимое зло». «Необходимое», поскольку обеспечивает в обществе какой-то порядок, безопасность и соблюдение договорных обязательств, и «зло», поскольку навязывает всем некую коллективную волю, ставя в рамки свободу и ответственность человека. Идеалом классического либерализма поэтому было «предельно малое государство», которое исполняло бы, как тогда выражались, роль «ночного сторожа» — защиты людей от всевозможных неприятностей со стороны сограждан.

В такой своей разновидности, как экономический либерализм эта позиция сопровождалась безграничной верой в механизмы свободного рынка, — в то, что экономика лучше всего работает тогда, когда правительство вообще оставляет ее в покое. Предполагалось, что свободный капитализм сам собой приведет к процветанию общества, гарантирует людям свободу, поскольку их успех или неудачи в данном случае зависят лишь от них самих, и тем самым обеспечит социальную справедливость.

Современный либерализм

Современный либерализм характеризуется куда более примирительным отношением к государственному вмешательству. В США «либералом» сегодня даже называют того, кто выступает не за малое, а за ***большое правительство***. Столь радикальная перемена объясняется широким осознанием того, что промышленный капитализм, оставив людей на произвол рынка, в конце концов, породил новые проявления общественной несправедливости. Под влиянием традиции, идущей от Дж. С. Милля, так называемые «новые либералы» - Т.Х. Грин, Л.Т. Хобхаус и Дж. А. Гобсон - выступили с обоснованием более широкой, «позитивной», концепции свободы. Речь шла не

о той ситуации, где тебя попросту оставляют в покое (ибо это ведь может означать и свободу умереть от голода), а о той свободе, что предполагает свободное развитие и самореализацию человека.

Это воззрение стало основой для так называемого **социального либерализма** или, по-другому говоря, либерализма «всеобщего благоденствия». Главной здесь является идея того, что государственное вмешательство, особенно в виде социальных пособий, расширяет общественные пределы свободы тем, что предохраняет человека от порой неизбежных «злоклучений судьбы». В Великобритании один из правительственных докладов 1942 г. указывал в этой связи на пять «монстров»: нужду, невежество, незанятость, расточительство и болезнь. По всем этим обстоятельствам современный либерализм отказался от идеала свободного капитализма. Особую роль в этом сыграла теория Дж. М. Кейнса о том, что рост и процветание достигаются лишь в рамках «управляемого», или регулируемого, капитализма, когда основные экономические задачи берет на себя правительство. Однако либералы нового образца готовы поддерживать идею правительственного вмешательства лишь при соблюдении известных условий. Главной их заботой является судьба лишь наиболее слабых и уязвимых слоев общества, которые действительно беспомощны, а целью — помочь этим людям подняться до того уровня, когда они вновь смогут самостоятельно устраивать свою судьбу и располагать в жизни свободным выбором. Но более влиятельным теоретиком, предпринявшим попытку примирить принципы либерализма с политикой «всеобщего благоденствия» и практикой перераспределения общественных средств, был Джон Роулс.

Консерватизм

Консервативные идеи и доктрины впервые определились в конце XVIII в. Это была реакция против неумолимо ускоряющегося темпа экономических и политических перемен — всего того, символом чего тогда стала Французская революция. Консерватизм в этой ситуации воплощал приверженность старому порядку. Противодействуя тем процессам, что были порождены ростом либерализма, социализма и национализма, консерватизм встал на защиту все более ветшающего традиционного общественного порядка. Однако в самой консервативной мысли с самого начала не было единства. В континентальной Европе возникло течение, главой которого выступил Жозеф де Местр (1753—1821). Этот консерватизм носил неприкрыто аристократический и

реакционный характер, с порога отвергая любые перемены. В Великобритании и США сложилась более осторожная, гибкая и в конечном итоге жизнеспособная форма консерватизма, воплотившаяся в такой, например, фигуре, как Э. Бёрк с его лозунгом «измениться, чтобы сохранить». Такой подход позволил консерваторам в XIX в. перейти на позиции социального реформирования под патерналистским лозунгом «единой нации». Апогеем этого движения в Великобритании стали 1950-е годы, когда Консервативная партия, наконец, смирилась с послевоенными порядками и выдвинула собственную версию демократии в духе социальной доктрины Кейнса. Но и это движение уже в 1970-х годах столкнулось с консервативной же оппозицией со стороны «новых правых» — направления, которое по своему антиэтатистскому и антипатерналистскому запалу парадоксальным образом вернулось к классическим темам и ценностям раннего либерализма.

Элементы консерватизма

Традиция. Центральная тема консервативной мысли — «сохранить накопленное» — теснейшим образом связана с уважением ко всему тому, что прошло проверку временем — традициям, обычаям и институтам. Традиция здесь — это накопленная мудрость прошлого, которую нужно сохранить для блага живущих и будущих поколений. Все это важно также тем, что укрепляет в обществе отношения стабильности и безопасности, давая людям ощущение общественной и исторической связи времен.

Прагматизм. Консерваторы всегда указывали на ограниченность человеческого разума в сопоставлении с бесконечной сложностью мира. Отсюда их почти инстинктивное недоверие к абстрактным принципам и теориям и, напротив, установка на опыт, историю и, главное, прагматизм — убежденность в том, что действовать нужно сообразно с практическими обстоятельствами и практическими целями, — словом, со всем тем, «что работает» на практике. Свои собственные взгляды они предпочитают определять не как идеологию, а как «умонастроение» или «подход к жизни», при этом, не принимая в свой адрес обвинения, что такой подход равнозначен беспринципному оппортунизму.

Несовершенство человека. Консервативный взгляд на природу человека глубоко пессимистичен: люди здесь суть ограниченные, беспомощные и малодушные существа, которым страшно выйти за пределы того, что тысячи раз испробовано, и которые стремятся лишь к спокойной, упорядоченной жизни; они, сверх того, морально извращены и испорчены эгоизмом,

жадностью и неутолимым стремлением к власти. Именно отсюда, а не от общества, идет и преступность и иные общественные проблемы. Для поддержания порядка, следовательно, требуется сильное государство, строгие законы и жесткие наказания.

Организмизм. Государство в зеркале консерватизма предстает не как результат деятельности людей, порождение их ума и фантазии, а как некое органическое целое — как чуть ли не живое существо. Соответственно и общество здесь представляется продуктом естественной необходимости, а различные социальные институты — семья, местные сообщества, нации и т.д. — «живой тканью общества» или чем-то таким, что выполняет роль его органов. Метафора «жизненно важные» прилагается также к культуре и общественным ценностям — «традициям», без которых невозможно поддерживать жизнь сообщества и внутрисоциальные связи в нем.

Иерархия. По убеждению консерваторов, в органическом обществе естественны и неизбежны самые широкие различия в том, что касается социального положения и социального статуса людей. У людей вообще разные роли и обязанности, будь то работодатели и работники, учителя и ученики, родители и дети. Но это неравенство в принципе не несет в себе конфликта, ибо общество скреплено внутренними связями — той сетью взаимных обязательств, что охватывает людей. Особая ответственность при этом ложится на высшие слои общества: коль скоро наше «положение в обществе» по большей части вообще зависит от случая (кто кем родился и кому как повезло), моральным долгом людей остается думать о тех, кому в жизни повезло меньше.

Власть и авторитет. Консерваторы всегда стояли на том, что авторитет и власть в известном смысле исходят не снизу, а сверху: только подлинное лидерство дает обществу направление движения и обеспечивает поддержку тем, кому самим недостает знания, опыта или образования (пример — власть родителей над детьми). Когда-то все это исходило от «**природной аристократии**», — сегодня авторитет и лидерство даются опытом и образованием. Как бы то ни было, общество, не признающее авторитета и лидерства, не осознает самого себя и теряет то, что его связывает изнутри.

Собственность. Наиважнейшее значение консерватизм придает собственности тому, что приносит человеку безопасность обеспечивает ту или иную меру независимости от правительства и заставляет уважать закон и собственность других людей.

Патерналистский консерватизм

Патерналистская струя консервативной мысли находится в полном соответствии с такими принципами, как органицизм, иерархия и ответственность, и потому может считаться ответвлением традиционного консерватизма. Основные принципы этого направления были сформулированы еще Б. Дизраэли. Видя углубляющееся разделение Британии на «две нации — нацию богатых и нацию бедных» и вытекающую отсюда угрозу социальной революции, Дизраэли выступил с призывом к благоразумию правящих классов, дабы те осознали, что «реформа сверху» куда лучше «революции снизу». Но благоразумие было лишь одним из компонентов этой программы, — другим был принцип социальной ответственности. Другими словами, ответственность — это цена, которую надо платить за привилегии; во имя единства общества люди, обладающие властью и собственностью, нравственно обязаны заботиться о тех, кто менее благополучен. Сложившийся в результате принцип «единой нации» — краеугольный камень того, что можно определить как доктрину **тори**, — отразил в себе не столько идеал социального равенства, сколько стремление создать некое органическое целое, внутренне связную и стабильную иерархию.

С тех пор традиция «единой нации» воплощает в себе не только готовность консерватизма заниматься проблемами социальных реформ, но и его сугубый прагматизм в подходе к экономике. Все это характерным образом отразилось в идеологии «среднего пути», которая в 1950-х годах была взята на вооружение такими британскими консерваторами. Этой идеологии удалось благополучно избежать двух идеологических крайностей в подходе к экономике — свободного капитализма, с одной стороны, и какой бы то ни было тенденции к государственному социализму и централизованному планированию, — с другой. Первый принцип был отвергнут потому, что он ведет к совершенно бесконтрольной экономике, разрушающей внутренние связи в обществе и оборачивающейся против его наиболее уязвимых слоев, второй — потому что он чреват опасной бюрократизацией государства и подрывает основы свободного предпринимательства. Поэтому была сделана попытка найти золотую середину между рыночной конкуренцией и государственным регулированием (по лозунгу Г. Макмиллана, «частное предпринимательство без эгоизма») — такой сугубо прагматичный подход, при котором баланс отношений между государством и индивидом складывался бы в зависимости от того, «что работает» на практике. К аналогичному подходу

пришли после 1945 г. и консерваторы континентальной Европы, взявшие за основу принципы христианской демократии. Это нашло свое наиболее характерное выражение в философии «социального рынка» Христианско-демократического союза (ХДС) Западной Германии — *рыночная* стратегия постольку, поскольку она благоприятствует конкуренции и частному предпринимательству, и *социальное* государство постольку, поскольку произведенный таким образом общественный продукт должен служить более широким интересам общества.

«Новые правые»

Идеология «новых правых» столь заметным образом отклонилась от главного течения консервативной мысли, что это стало своего рода контрреволюцией против всей послевоенной практики государственного вмешательства и распространения либеральных и социально-прогрессистских ценностей. Формирование этой идеологии в 1970-х годах пришлось на тот специфический момент, когда, с одной стороны, оказался исчерпанным потенциал социальной демократии кейнсианского толка, что выразилось в прекращении послевоенного экономического бума, а с другой — обозначились контуры социального кризиса и падения авторитета власти вообще. В Великобритании и США идеи «новых правых» в 1980-х годах нашли свое выражение соответственно в тэтчеризме и рейганизме, но они получили и более широкое, фактически глобальное, распространение и везде привели к общему сдвигу в сторону рыночно-ориентированных форм экономики. Однако идеология «новых правых» стала не столько целостной и систематической философией, сколько попыткой примирить две разные традиции, называемые «неолиберализмом» и «неоконсерватизмом». Хотя между двумя этими течениями есть свои политические и идеологические противоречия, объединяет их лозунг сильного, но малого государства: «свободная экономика и сильное государство».

Неолиберализм

По сути неолиберализм является обновленным изданием классической политической экономии свободного рынка, как ее в свое время развивали экономисты Ф. Хайек и М. Фридман, а также философ Р. Нозик. Неолиберализм зиждется на двух китах — на рынке и индивиде. Главной целью неолибералов было «отодвинуть границы государства» в расчете на то, что освобожденный от регулирования капиталистический рынок сам собой принесет экономическую эффективность, рост и процветание. «Мертвая рука»

государства, утверждают теоретики этой ориентации, душист личную инициативу и предпринимательство; правительство, будь у него даже самые лучшие намерения, неизбежно вредит делам человека. Особое их беспокойство вызывает ситуация с собственностью: частное производство они решительно предпочитают государственному или национализированному, т.е. «все частное хорошо — публичное плохо». Идеи этого рода часто ассоциируются с тем, что получило название «закоренелого индивидуализма», нашедшего, в частности, свое выражение в знаменитой фразе Маргарет Тэтчер: «Нет такой вещи, как общество, — есть только люди и их семьи». Прежнее *государство-нянька*, согласно неолиберализму, лишь породило общество зависимости, совершенно изгнав отсюда ту свободу, которую надлежит понимать как свободу выбора на рынке. Этому неолиберализм противопоставляет установку на самодостаточность индивида, его чувство ответственности и предприимчивость. Сегодня эти же идеи пробивают себе дорогу через процессы глобализации, оборачивающейся, по мнению ряда авторов, глобализацией неолиберального образца.

Неоконсерватизм

Неоконсерватизм фактически возрождает социальные принципы консерватизма XIX в. Главной своей целью он считает, прежде всего, возродить «авторитет» и традиционные ценности, особенности, связанные с семьей, религией и нацией. Только авторитет, по воззрению неоконсерваторов, гарантирует стабильность в обществе, поскольку он привносит сюда дисциплину и уважение к традициям, которые и обеспечивают целостность общества. Этому противостоит *вседозволенность*, культ собственного Я, привычка «поступать как заблагорассудится» — все то, что, по мнению неоконсерваторов, принесли с собой 1960-е годы. Интересно, что многие из американских неоконсерваторов, — на самом деле бывшие либералы, разочаровавшиеся в реформах эры Кеннеди—Джонсона. Другой аспект неоконсерватизма — обеспокоенность по поводу того, что общество становится все более поликультурным и полирелигиозным, а, следовательно, конфликтным и заведомо нестабильным.

Социализм

Хотя социалистические идеи можно проследить в «Утопии» Томаса Мора (1516) и даже в «Республике» Платона, социализм как политическая доктрина оформился лишь в начале XIX в., став реакцией против роста

промышленного капитализма. Первоначально его социальной основой было ремесленничество, вытесняемое фабричным производством, но очень скоро им стал растущий пролетариат. В наиболее ранней своей форме социализм носил фундаменталистский, утопический и революционный характер. Его целью было ликвидировать капиталистическое хозяйство с его рыночным обменом и заменить его качественно новым социалистическим обществом, основанным на общественной собственности. Идеи наиболее авторитетного мыслителя этого направления К. Маркса стали фундаментом для коммунистической идеологии XX в.

Однако с начала XIX в. в социализме определилась реформистская струя, отразившая факт постепенной интеграции рабочего класса в капитализм через улучшение условий труда, рост его оплаты, усиление профсоюзов и социалистических рабочих партий. Реформизм провозгласил возможность мирного, постепенного и вполне легального с точки зрения права перехода к социализму «парламентским путем». Идеология имела два источника: гуманистическую традицию этического социализма, связанную с такими мыслителями, как Роберт Оуэн, Шарль Фурье и Вильям Моррис, и марксизм *ревизионистского* толка, развиваемый главным образом Э. Бернштейном.

Большую часть XX в. социалистическое движение было разделено на два противоположных лагеря. Социалисты революционного направления, следуя за Лениным и большевиками, в конце концов, определили себя как коммунистов. Социал-реформисты, стоявшие на позициях легальной конституционной политики, собрали вокруг себя элементы всего того, что со временем стало называться социал-демократией. Дебаты шли не только о путях перехода к социализму, но и о сути самой социалистической идеи. Социал-демократы решительно отказались от требований радикального характера вроде общественной собственности и государственного планирования, стремясь переосмыслить социализм в категориях «государства всеобщего благоденствия».

Элементы социализма

Общество. Главным в социализме является воззрение на человека как на общественное существо, которое всей своей сутью связано с человечеством в целом. Сообщество в самом деле является наиважнейшим фактором развития человека: в значительной степени личность формируется под воздействием общественных отношений, социальных групп и коллективов. Социалисты поэтому склонны объяснять поведение человека в большей степени общественными факторами, чем врожденными качествами.

Братство. Социалисты исходят из идеи, что принадлежащие к человечеству люди должны быть связаны между собой отношениями братства. Поэтому эта традиция утверждает приоритет сотрудничества над конкуренцией и коллективизм над индивидуализмом: сотрудничая, люди объединяют свои усилия и укрепляют узы сообщества; конкурируя, они противопоставляют себя друг другу и приходят к соперничеству, враждебности и конфликту.

Общественное равенство. Равенство также выступает фундаментальной ценностью социализма. Часто социализм вообще понимают как разновидность эгалитаризма, где равенству отводится примат над всеми другими ценностями. Особую роль в этом наборе идей имеет социальное равенство — равенство результатов, а не равенство возможностей. Равенство, поскольку оно благоприятствует идентификации людей друг с другом, здесь понимается также как условие общественной стабильности и внутренней целостности общества, а также как основа для предоставления членам общества соответствующих юридических и политических прав.

Потребность. Из принципа равенства в социалистической идеологии вытекает и то, что материальные блага в обществе должны распределяться по потребностям, а не по каким-то иным основаниям. Классическое выражение этого принципа мы находим в марксовой формуле распределения при коммунизме: «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Лишь удовлетворив свои первичные потребности, человек начинает принимать участие в общественной жизни. Как, однако, достичь того, чтобы факторы морального характера имели перевес над материальными (а именно этого требует доктрина распределения по потребностям), здесь остается неясным.

Общественный класс. Социалистическая идеология часто ассоциируют с определенной формой классовой политики. Во-первых, само общество здесь выступает преимущественно со стороны своей классовой структуры, где блага распределяются по классовым основаниям; во-вторых, социализм изначально выражал собственно классовые интересы эксплуатируемого пролетариата, рассматривая его как движущую силу общественного прогресса и социальной революции. С позиций этой идеологии классовые различия носят преходящий характер: задачей социалистов является либо ликвидировать экономическое и социально неравенство либо существенно смягчить его.

Общественная собственность. Вопрос о том, как принципиально должна быть разрешена проблема собственности, оказался спорным и для самой социалистической идеологии. Мнения здесь сошлись лишь на том, что

общественная собственность на средства производства (по осуществлении полной, как было в СССР, или выборочной национализации, как предполагается в концепциях «смешанной экономики») позволяет поставить материальные ресурсы на службу общему благу, в то время как частная собственность порождает эгоизм, приобретательство и, в конце концов, раскалывает общество на имущих и неимущих.

Марксизм

Как теоретическая система марксизм всегда был главным оппонентом либерализма, господствовавшего в духовной и культурной жизни Запада в Новое время. Питая международное коммунистическое движение, он одновременно выступал и политической силой, противостоящей мировой системе капитализма, по крайней мере, в период 1917—1991 годов. Эта двойственность марксизма создает известную сложность: нужно не упускать из виду различия между социальной философией, идущей от классических работ Карла Маркса и Фридриха Энгельса, и феноменом коммунизма XX в., во многом отошедшего от классических принципов марксизма. Крах системы социализма, следовательно, не следует рассматривать как конец марксизма: освободившись от наследия ленинизма и сталинизма, он теперь может получить новое дыхание.

Марксизм — сложная система, и эта сложность во многом идет от широты тематики и противоречивости работ самого Маркса: одни из них можно толковать как выражение экономического детерминизма, другие — гуманистического социализма. Поздние его работы существеннейшим образом отличаются от ранних: установилось даже обыкновение противопоставлять «зрелого» Маркса «раннему». Вполне ясным, однако, остается одно: сам Маркс был убежден в том, что им разработано новое направление социализма — система научного социализма, дающая всестороннее понимание общественно-исторического процесса, а не просто критикующая капитализм с этических позиций. Взгляды и идеи Маркса завоевали себе более широкую аудиторию после его смерти, главным образом через труды его соратника Ф. Энгельса, а также лидера немецких социалистов К. Каутского и российского теоретика Г. Плеханова. Параллельно складывался ортодоксальный марксизм, получивший название *диалектического материализма* — термин, введенный не самим Марксом, а Плехановым и в дальнейшем ставший основой теории научного коммунизма советского образца. Это был уже «вульгаризированный» марксизм, дававший куда более механистическое истолкование истории, чем

это делал сам Маркс.

Элементы марксизма

Исторический материализм. Краеугольным камнем марксистской философии является то, что Энгельс назвал материалистическим пониманием истории, — концепция, отражающая значение экономики и вообще материальных условий общественного производства и воспроизводства. По Марксу, экономический «базис» с тем или иным характерным для него «способом производства» определяет собой «надстройку» — соответствующую ему систему идеологических и политических отношений; экономические факторы при этом объясняют и общий ход общественно-исторического процесса. В позднейшем марксизме это положение было переистолковано в сугубо механистическом духе — как действие непререкаемо объективных экономических «законов», движущих историю независимо от воли людей.

Диалектика. Следуя за Гегелем, Маркс полагал, что историческое развитие осуществляется диалектически — через борьбу противоположностей, результатом которой становится переход на более высокую стадию развития. В своем материалистическом истолковании эта идея означала, что история движется противоречиями, внутренне заложенными в «способе производства» и отношениях между классами.

Отчуждение — это главное понятие ранних работ Маркса. Речь шла о процессе, в котором капитал низводит рабочую силу до положения простого товара, а процесс труда теряет всякое личное начало — дегуманизуется. Так, по Марксу, происходит потому, что работник отчуждается от продукта своего труда, от процесса труда, от своих товарищей по труду и в конечном итоге от самого себя, переставая быть полноценным творческим и общественным существом. В противоположность этому труд неотчуждаемый является источником развития сил человека и его самореализации.

Классовая борьба. Главные противоречия капитализма порождены частной собственностью, ведущей к разделению общества на буржуазию — класс капиталистов, владеющий средствами производства, и пролетариат, лишенный собственности и существующий лишь продажей своего труда — «рабов заработной платы». Буржуазия является «правлящим классом» во всех возможных отношениях: владея средствами производства, она обладает экономической властью, через государство осуществляет политическую власть и пользуется всеми преимуществами своей идеологической власти, поскольку ее идеи суть «правлящие идеи» своего времени.

Прибавочная стоимость. Отношения между буржуазией и пролетариатом суть отношения непримиримого антагонизма — отражение того факта, что при капитализме рабочий класс подвергается неизбежной и постоянной эксплуатации. По Марксу, эксплуатация работника приносит капиталисту прибавочную стоимость, возникающую в самом процессе производства: капиталист извлекает ее, оплачивая труд работника ниже его реальной стоимости. Вывод: поскольку пролетариат не может вечно мириться с этой системой постоянной эксплуатации, капитализм в самом себе несет семена собственной гибели.

Пролетарская революция. Капитализм, следовательно, обречен, ибо, по Марксу, в пролетариате он имеет собственного «могильщика». Капитализму, однако, еще предстоит пройти через множество все более и более серьезных кризисов перепроизводства. Тем временем, у пролетариата появляется собственное революционное *классовое сознание*. Появляются все причины для пролетарской революции, которая, полагал Маркс, выльется в череду стихийных действий по захвату средств производства. В свои более поздние годы, однако, Маркс не исключал возможности мирного перехода к социализму.

Коммунизм. По Марксу, вслед за пролетарской революцией должен наступить особый «социалистический период», когда для подавления буржуазной контрреволюции потребуется «диктатура пролетариата».

Социал-демократия

Социал-демократия лишена той теоретической целостности и последовательности, что характерны, скажем, для классического либерализма или радикального социализма. В то время как либерализм идеологически явно привержен рынку, а социализм — общественной собственности, социал-демократия все время пытается найти равновесие между рынком и государством, индивидом и обществом. Сердцевиной социал-демократии и является компромисс между ориентацией на капитализм как единственно эффективную систему производства материальных благ и установкой на перераспределение этих благ в соответствии с этическими, но не рыночными, принципами. Нужно, однако, сказать, что для социал-демократов это признание рынка было трудным, нередко даже болезненным процессом, на который они всегда шли не столько по идеологическим, сколько по прагматическим и электоральным соображениям. Примером может служить

тот реформистский дрейф, который в начале XX в. совершила Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), приняв ревизионизм Э. Бернштейна. Много позже на своем съезде в 1959 г. СДПГ, наконец, официально отказалась от марксизма и взяла на вооружение принцип «конкуренция где возможно, планирование где необходимо». Аналогичные процессы проходили внутри этического, или утопического, социализма тех партий, которые никогда не были привязаны к догмам марксизма. Например, лейбористы Великобритании, с самого начала стоявшие на позициях «спасительной постепенности», к 1950-м годам пересмотрели свою идеологию, совершенно отказавшись от каких бы то ни было идей национализации. Социал-демократии всегда была присуща озабоченность судьбами наиболее отверженных, слабых и уязвимых слоев общества. Но даже и при этом неизбежен вопрос, в какой степени социал-демократию можно относить к чисто социалистической традиции. Свои идеи она черпает из самого широкого круга источников: из гуманистической этики сострадания, социалистической идеи принадлежности индивида к человечеству, либеральной философии позитивной свободы и равных возможностей, наконец, даже из присущих консерватизму патерналистских установок. Но какие бы влияния ни испытывала социал-демократия, все всегда кончалось лозунгами «государства благоденствия», перераспределения общественных средств в пользу низших слоев общества и социальной справедливости. Все это, может быть, было хорошо в эпоху господства кейнсианства после Второй мировой войны, когда все были убеждены в том, что при расширении государственного вмешательства в экономику можно «гуманизировать» капитализм, обеспечить полную занятость и, в конце концов, сократить пропасть между богатыми и бедными. Резкое падение темпов экономического роста при сокращении бедности в развитых индустриальных странах (приход «удовлетворенного большинства»), объективно поставил социал-демократию перед необходимостью пересмотреть свои позиции. Так или иначе в 1980—1990-х годах социал-демократии пришлось отступать еще дальше.

На это имеется ряд причин:

1. За последний период еще больше изменилась классовая структура общества, где повысился удельный вес «белых воротничков», — это означало, что социал-демократическая идеология, по традиции ориентированная на интересы рабочего класса, в электоральном отношении становится все менее перспективной.

2. На фоне глобализации мировой экономики все более очевидной становится неадекватность вообще всех узконациональных форм экономической политики, а уж кейнсианства в особенности.

3. Полную свою несостоятельность, особенно в развитых странах, продемонстрировала практика национализации промышленности и центрального экономического планирования.

4. Крах коммунизма показал неэффективность вообще всех моделей общества, выстроенных по принципу «сверху — вниз». В этой ситуации политики и политологи стали все чаще говорить о необходимости какого-то нового — «третьего пути» — в идеологии

Другие идеологические традиции.

Фашизм

Либерализм, консерватизм и социализм ведут свою историю от XIX в., а фашизм является порождением XX в., даже не века, а периода между двумя мировыми войнами. Какие-то отдельные элементы фашистской идеологии проявлялись уже в конце XIX столетия, но воедино они слились под воздействием Первой мировой войны и ее последствий, особенно той взрывоопасной смеси войны и революции, которую принес с собой этот период. Двумя главными порождениями этого движения была фашистская диктатура Муссолини в Италии в 1922—1943 годах и нацистская диктатура Гитлера в Германии в 1933—1945 годах. Отдельные рецидивы неофашизма и неонацизма нет-нет да всплывали на поверхность и в конце XX века, порождаемые то экономическими кризисами, то политической нестабильностью.

В свое время фашизм оформился в известном смысле как протест против тех идей и ценностей, что доминировали в западной политической мысли со времен Французской революции — как гласил один лозунг итальянского фашизма, «1789 год мертв». Рационализм, прогресс, свобода, равенство — все это было отвергнуто во имя борьбы, гегемонии, вождизма, власти, героики и войны. В фашизме, таким образом, присутствует мощное «анти», в основном к тому, чего он не принимает. Фашизм — это, следовательно, разновидность антикапитализма, антилиберализма, антииндивидуализма, антикоммунизма и т.д. Тем не менее, в нем можно выделить одну центральную тему — картину органически единой нации, порыв к которой, например, звучит в лозунге «сила через единство». Индивид в этой картине буквально ничего не значит: ему надлежит раствориться в коллективе, группе, сообществе. Фашистский идеал

— это «новый человек», это герой с чувством долга, чести, самоотверженности, готовый по одному слову фюрера пожертвовать жизнью ради славы своей нации или расы. Внутри самого движения, однако, были свои различия. Итальянский фашизм, скажем, тяготел к крайним формам этатизма и предполагал безусловную лояльность по отношению к тоталитарному государству. Германский национал-социализм складывался преимущественно на базе расизма — арийства (убеждения в том, что немцы составляют «высшую расу»).

Анархизм

Среди политических идеологий анархизм уникален в одном отношении — ни одна анархистская партия нигде и никогда в мире не пришла к власти. Тем не менее, анархизм являл собой вполне влиятельное движение, например, в Испании, Франции, Мексике вплоть до начала XX в. Анархизм как идеология и по сей день занимает свое место в политической дискуссии как антитеза тем традиционным убеждениям, что общество невозможно без закона, правительства и государства. Главная тема анархизма — неприятие политической власти во всех ее проявлениях, особенно в виде государства («анархия» буквально означает «безвластие»). Анархисты говорят о безгосударственном обществе, в котором люди сами разрешали бы свои проблемы, свободно договариваясь и сотрудничая друг с другом. Эта идеология в свое время развивалась под влиянием двух соперничающих традиций — либерального индивидуализма и социалистического коммунитаризма. Анархизм, таким образом, представляет собой нечто среднее между либерализмом и социализмом — «ультралиберализм» и «ультрасоциализм» в одном лице.

Если либеральная критика государства зиждется на индивидуализме и требовании расширить пределы личной свободы, теоретики анархизма заведомо отказывали государству в каком бы то ни было доверии, приписывая ему лишь способность осуществлять бессмысленное принуждение там, где свободные и здравомыслящие люди могут во всем разобраться и без него. Анархизм современного типа апеллирует к рынку, пытаясь на его основе показать, как может развиваться общество в отсутствие государственной власти, — своего рода «анархокапитализм», ориентированный на крайние формы экономики свободного рынка. Более популярная анархистская традиция опиралась на социалистические идеи, такие, как коллектив, сообщество, сотрудничество, равенство и общественная собственность: расчет здесь всегда

делался на способность людей к солидарности, идущую от общественной природы человека и его естественной склонности к сотрудничеству. На этой основе, например, французский анархист Пьер-Жозеф Прудон пытался обосновать концепцию «взаимодейтельности», рисуя картину небольших сообществ крестьян и ремесленников, разрешающих свои дела на основе честного и равного обмена и тем самым остающихся на спасительном расстоянии от капиталистической эксплуатации. Другому известному анархисту, русскому теоретику П. Кропоткину, принадлежит теория анархокоммунизма с такими главными принципами, как общественная собственность, децентрализация и самоуправление.

Феминизм

Широкой аудитории феминистская идея стала известна в 1840—1850-х годах, когда в ряде западных стран развернулось движение суфражисток, требовавших предоставления женщинам избирательных прав, — так называемая «первая волна феминизма». После того как в начале XX в. избирательные права женщинам в большинстве западных стран, наконец, были предоставлены, женское движение на какое-то время осталось без ясной цели и организующего принципа. В 1960-х годах, однако, поднялась «вторая волна феминизма». В ней выразились более радикальные и подчас даже революционные требования растущего движения за политическую эмансипацию женщины. Сегодня мы видим перед собой множество феминистских идей и теорий, но в них можно выделить и объединяющее начало — стремление усилить общественную роль женщины. Через весь феминизм красной нитью проходит идея о том, что обществу присуще принципиальное неравенство между полами и что эта система господства мужчины над женщиной может и должна быть преодолена.

Феминизм либеральной ориентации - усматривал проблему женщины в том, что общество предоставляет ей куда меньше прав и возможностей, чем мужчине. Движение за равенство прав приняло реформистский характер: речь шла о реформе всей «публичной сферы», дабы повысить политический и правовой статус женщины, расширить ее возможности получить образование и сделать карьеру. О перестройке «частной», домашней, жизни речи пока не шло. Центральной темой феминизма социалистического толка было положение женщины в рамках капиталистической системы производства. Он указывал на то, что женщина прикована к семейному или домашнему хозяйству и тем самым освобождает мужчину-работника от бремени домашнего труда, и при

этом они растят и воспитывают следующее поколение работников для капиталистической фабрики, являющееся, по сути, резервной армией труда.

Экологизм

Хотя экологизм обычно понимается как совершенно новая идеология, связанная с возникновением экологического, или зеленого, движения в конце XX в., его корни можно видеть уже в тех возмущениях против промышленной революции, что имели место в XIX в. Главное в этой идеологии — озабоченность тем ущербом, который современная экономика наносит природной среде, особенно такими опасными факторами, появившимися во второй половине XX века, как ядерное оружие, кислотные дожди, истощение озонового слоя, глобальное потепление и другие; к этому добавляется беспокойство по поводу ухудшения качества жизни и вообще перспектив человечества. Подчас эти настроения получают выражение через традиционные идеологии. Так, говорят об экосоциализме, объясняющем уничтожение природной среды ненасытной жаждой капитализма к прибыли; экоконсерватизме, связывающем дело сохранения природных ресурсов с сохранением традиционных ценностей и институтов; наконец, об экофеминизме, все объясняющем господством мужчины — существа менее чуткого к природным процессам и миру природы вообще, чем женщина.

Религиозный фундаментализм

Религия и политика пересекаются во многих областях и не в последнюю очередь там, где действуют главные идеологические традиции. Так, скажем, этический социализм всегда опирался на определенные религиозные воззрения, что привело к становлению христианского социализма, исламского социализма и т.д. Протестантизм в свое время послужил становлению этики личной ответственности индивида, получившей затем политическое развитие в классическом либерализме. Фундаментализм же трактует политику и все вообще стороны жизни человека и общества как вторичные по отношению к «данной свыше истине» религиозных доктрин. С этой точки зрения, политическая и социальная жизнь должны быть организованы на главнейших или изначально данных религиозных принципах, что обычно сопровождается верой в буквальную истинность священных текстов. Поскольку таковые принципы принимают форму целостных мировоззрений, о фундаментализме вполне можно говорить как об идеологии.

Откуда идет религиозный фундаментализм и чем объясняется его возрождение в конце XX в.? Есть два разных объяснения. В одном из них

фундаментализм предстает некоей аберрацией, симптомом той адаптации, которую претерпевают традиционные общества и культуры в ходе модернизации. Второе указывает на более глубокое значение фундаментализма, усматривая в нем последствие того, что *секуляризм* оказался неспособен удовлетворить потребности человека в высших, духовных, истинах.

В разных частях мира сложились различные формы фундаментализма. В США, например, с 1970-х годов растет влияние христианского фундаментализма, особенно после оформления движения «новых христианских правых», выступающих против абортов, за введение молитвы в школах и возврат к традиционным семейным ценностям. В Израиле возросло значение иудейского фундаментализма, представленного рядом небольших партий, стремящихся не допустить передачи «исконных еврейских территорий» Палестинскому государству. Индуистский фундаментализм в Индии противодействует распространению западной секулярной культуры и борется с соперничающими верами — исламом и религией сикхов.

Выводы

- О том, что такое идеология, всегда шли и будут идти споры; при этом были времена, когда идеологию воспринимали в сугубо негативном свете. Общественные науки под идеологией понимают целостный набор идей, обеспечивающий основу для организованных политических действий. Главные темы идеологий — та или иная картина властных отношений, «проект» будущего.

- Идеологии связывают политическую теорию и политическую практику. С одной стороны, идеологии близки к политическим философиям, поскольку содержат в себе тот или иной набор ценностей, теорий и доктрин — то есть определенное мировоззрение. С другой стороны, они выливаются в широкие политические движения и выражаются в деятельности политических лидеров, партий и групп.

- Каждая идеология связана с вполне определенным набором принципов и идей. Хотя эти идеи вполне «сцеплены друг с другом», часто им недостает внутренней органичности. Охватывая различные традиции, идеологии часто внутренне противоречивы, — и эти внутренние противоречия подчас могут быть даже более острыми, чем противоречия между соперничающими идеологиями.

- Идеологии ни в коем случае не являются герметически закрытыми и

неизменными системами мысли. Они могут пересекаться друг с другом, иногда они обращены к одним и тем же проблемам, зачастую они говорят очень близким языком. Они на какое-то время могут уходить в тень, а потом возвращаться, поскольку пересекаются друг с другом, друг на друга воздействуют, изменяются во времени и приспосабливаются к изменяющимся историческим обстоятельствам.

- Престиж идеологий растет или падает в зависимости от того, как именно они связаны с политическими, социальными и экономическими обстоятельствами и способны ли они творчески изменяться. Идеологические конфликты XX века привели к тому, что главные идеологии переосмыслили многие из своих традиционных принципов, — тем временем появились новые идеологии, такие, как феминизм, экологизм и религиозный фундаментализм.

Словарь использованных терминов

Авторитаризм — это идеология и практика правления, основанного на абсолютном подчинении общества государству; власть при этом осуществляется исключительно «сверху» и действует без какой бы то ни было оглядки на общественное мнение. Являет собой прямую противоположность всем видам власти, основывающимся на отношениях легитимности и в этом смысле осуществляемым «снизу». Авторитаризм, однако, следует отличать от тоталитаризма, которому, как показывает история, присуще стремление совершенно стереть все и всякие грани между государством и обществом. Авторитарные режимы (абсолютные монархии, некоторые диктатуры и военные режимы), как правило, не идут дальше задач подавления оппозиции. В этой связи можно сказать, что авторитаризм допускает ту или иную степень экономических и социальных свобод.

Авторитарно-подданическая традиция — в отличие от традиций демократического гражданства предполагает не взаимобязательные (договорные) отношения граждан с государством, а односторонние обязательства подданных.

Азиатские ценности — ценности, предположительно отражающие историю, культуру и исторические предпосылки формирования азиатских обществ; в качестве примеров можно привести социальную гармонию, уважение к власти и веру в семейные ценности.

Вестминстерская модель — государственное устройство, в котором исполнительная власть исходит от парламента (собрания) и (теоретически) подотчетна ему.

Геополитика — наука о закономерностях распределения и перераспределения сфер влияния различных государств в пространстве. Термин введен в оборот шведским политиком Челленом (1846-1922).

Государство — это политическая организация, обладающая суверенной властью в пределах определенной территории и отправляющая ее посредством постоянно действующих институтов. Эти институты считаются публичными, так как отвечают за организацию коллективной жизни в обществе и финансируются из общественных средств. Таким образом, государство включает в себя различные институты правительства, а также суды, национализированные отрасли промышленности, учреждения социальной поддержки и т.д.; по сути оно равнозначно всему «политическому телу».

Немецкий социолог Макс Вебер главным признаком государства полагал его монополию на «узаконенное насилие»

Гражданское общество — совокупность неполитических отношений (экономических, духовно-нравственных, религиозных, культурных), граждан и их ассоциаций, основанная на принципах самодеятельности, неподопечности и автономии по отношению к государству.

Деидеологизация — требование отказа от идеологии как препятствия для рационально-прагматического поведения в политике, ориентированного на реальные интересы и проверяемые факты, а не на ценности и утопические проекты. На самом деле концепция деидеологизации сама страдала утопизмом, ибо отказ от идеологии может быть только частично условным; чаще всего речь фактически идет об отказе от одной идеологии в пользу другой, вступающей в моду.

Демократия свободы — понятие, означающее одну из разновидностей посттрадиционного общества. В частности, согласно французскому политическому мыслителю А.Токвилю (1805-1859), демократическими являются все постфеодальные общества, в которых рухнули сословные перегородки. Но при этом одни из них пошли по пути демократии свободы — рыночной и иной соревновательности людей, неизбежно приводящей к неравным результатам, к успеху наиболее предприимчивых, а другие — по пути демократии равенства — ограниченной свободной соревновательности и втискивания неравных по природе людей в прокрустово ложе равенства.

Идентичность (в социокультурном смысле) — совокупность устойчивых черт, позволяющих той или иной группе (этнической или социальной) отличать себя от других.

«Искусство подачи новостей» — подача информации таким образом, чтобы вызвать желательный эффект и определенную реакцию; «экономия на истине».

Коммунизм — общественный строй, основой которого является общественная собственность на средства производства. Как теория чаще всего ассоциируется с учением Маркса, который под коммунизмом понимал бесклассовое общество, где производство ориентировано на потребности людей, государство «отмирает», а всем людям предоставлены возможности свободного саморазвития. Этот термин также употребляется по отношению к обществам, которые следовали марксизму в том его варианте, что был

разработан Лениным и Сталиным. Основные признаки ортодоксального коммунизма как политического режима:

- официальная идеология — марксизм-ленинизм
- неограниченная власть коммунистической партии, организованной по принципу демократического централизма
- коммунистическая партия «находится у власти» в том смысле, что она контролирует государственный механизм, порождая тем самым смешанный государственно-партийный аппарат
- коммунистическая партия — руководящая и направляющая сила в обществе, также в экономике, образовании и культуре
- основа экономики — государственная собственность и принцип централизованного планирования

Консенсус — согласие; в политике означает готовность к взаимным компромиссам и уважение прав другой стороны

Конформизм — установка на пассивно-приспособительный, соглашательский тип поведения в социальной жизни и в политике.

Концепция исключительности — черты отдельно взятой политической системы, характерные исключительно для нее одной, которые, таким образом, ограничивают применимость к данной системе общих категорий.

Латентный — скрытый, не обнаруживающий (до поры до времени) видимых признаков.

Легитимность — не имеет строго юридического содержания и не фиксируется в конституциях. В отличие от легальности, которая является юридическим обоснованием власти, ее норм и законов, *легитимность отражает степень соответствия власти ценностным представлением большинства граждан*, исторически выступающая в разных формах: традиционной монархической (законный наследник престола), демократической (законно избранный глава государства), харизматический (законный продолжатель великого дела первооснователя, великого задания, миссии).

Либерализм — идейно-политическое течение, ставящее целью освобождение общества от оков государства, личности от давления авторитарной коллективности.

Либертариизм — концепция невмешательства государства в социально-экономические отношения, целиком отдаваемые на откуп рынку. Сегодня

настойчиво пропагандируется “чикагской школой” (М.Фридман, Г.Бэккер, А.Лаффер, П.К.Робертс).

Лоббизм — способ давления на процессы принятия политических решений, осуществляемый организованными группами для протаскивания своих интересов.

Логос (греч. — слово, мысль, упорядочивающий разум) — термин, обозначающий всеобщий закон — логику, которым подчиняются и объективный мир и человеческий разум.

Мажоритарная избирательная система — система таких процедур, которые позволяют отсекают голоса, полученные мелкими партиями, в пользу представительства наиболее крупных партий, образующих устойчивое парламентское большинство.

Макиавелизм — образ политического поведения, при котором ради поставленных целей считается приемлемым и оправданным использовать любые средства вплоть до самых вероломных, коварных и жестоких. Термин связан с именем итальянского политического деятеля и мыслителя Н.Макиавелли.

Маргинализация — выталкивание на дно, резкое понижение в социальном статусе.

Марксизм — учение К.Маркса (1818-1883) об обществе и выросшая из него идеология, основанная на следующих постулатах:

- базисно-надстроечном детерминизме (производственно-экономические отношения — это базис, определяющий политико-юридическую, идеологическую и культурную надстройку);
- учение о частной собственности как источнике всех бед и противоречий общественного развития;
- учение о классовой борьбе как движущей силе истории и об исторической миссии рабочего класса, освобождающего человечество от частнособственнического строя и связанных с ним противоречий.

Ментальность — исторически обусловленная специфика мышления представителей разных стран и культур.

Модернизации теория — теория перехода от традиционного к современному «высокоорганизованному» обществу; при этом под традиционным фактически понимается любое общество - от примитивных племен, занимающихся собирательством, до рафинированных цивилизаций Индии, Китая, Ирана. Современность же отождествляется с Западом и тем

самым теряет свою многовариантность и альтернативность: другим народам не оставляют другой перспективы, кроме самоотказа в пользу западного «эталона».

Неоплюрализм — своего рода «стиль» теоретического рассуждения, отталкивающийся от плюралистических ценностей и в то же время признающий необходимость пересмотра классического плюрализма с учетом, например, таких учений, как марксизм, теория «новых правых» и концепция элиты. Хотя неоплюрализм охватывает множество подходов и точек зрения, в нем все же можно выделить несколько центральных тем. Во-первых, в нем предпринята попытка учесть современные тенденции, такие, как возникновение постиндустриального, посткапиталистического общества. Во-вторых, хотя его теоретики отдают решительное предпочтение капитализму перед социализмом, они признают и то, что экономические доктрины свободного рынка устарели. В-третьих, согласно неоплюрализму, западные демократии являются «деформированными полиархиями», в которых непропорционально большое влияние принадлежит крупнейшим корпорациям.

Общественный договор — это добровольное соглашение между людьми, на основе которого создается организованное общество или государство. Используя таких мыслителей, как Гоббс, Локк и Руссо в качестве теоретического приема, «общественный договор» обрел вторую жизнь в работах современных теоретиков, например Джона Роулса. В своем классическом варианте теория общественного договора содержит три элемента:

- Дается образ гипотетического общества без государства («естественное состояние»). Неограниченная свобода, существующая здесь, оборачивается тем, что люди живут «одиоко, бедно, скверно, по-звериному и недолго» (Гоббс).

- Люди стремятся уйти от «естественного состояния», заключив общественный договор и, таким образом, признав, что лишь суверенная власть может обеспечить порядок и поддерживать стабильность.

- Общественный договор обязывает граждан уважать государство и повиноваться ему, хотя бы в проявление благодарности за те стабильность и безопасность, которые способна обеспечить только политическая система.

Онтология — философское учение о бытии (в отличие от гносеологии — учения о нашем познании).

Первичными выборами называются внутрипартийные выборы по выдвижению кандидатов на предстоящие «официальные» выборы. В XX в. первичные выборы стали основным механизмом выдвижения кандидатов в США; здесь они, помимо прочего, используются для выборов партийного лидера и делегатов на партийные съезды. В большинстве штатов первичные выборы являются «закрытыми»: к участию в них допускаются только «зарегистрированные» от партии лица (что не равнозначно членам партии). «Открытые» выборы позволяют голосовать всем избирателям вне зависимости от их партийной принадлежности. Значение первичных выборов заключается в том, что они позволяют рядовым избирателям играть более значимую роль во внутрипартийных делах: эта система также ориентирована скорее на индивидуальных кандидатов, нежели на партии. Победа на первичных выборах позволяет кандидату самому контролировать ситуацию, а не оставлять ее под контролем партии.

Плюрализм — социально-философская и политическая позиция, согласно которой существует множество независимых и равноправных начал (позиций, интересов, партий, идеологий), разнообразие которых продуктивно.

Политическая партия — это группа людей, специально организованная с целью прийти к власти, одержав победу на выборах либо иным путем, характеризуются следующими четырьмя чертами.

- Цель партий — завоевание и осуществление правительственной власти (хотя малые партии могут использовать политические выборы просто для того, чтобы заявить о себе).

- Партии — это четко структурированные организации с «партийными билетами». Этим они отличаются от более широких и менее организованных общественных движений.

- Партии имеют программы, охватывающие самый широкий круг политических вопросов государственного значения (хотя малые партии могут быть «однопроблемными», тем самым сближаясь с группами интересов).

- Все члены партии в той или иной степени разделяют одни и те же политические позиции и объединены общей идеологией.

Политическая система — система отношений, посредством которой государство реагирует на те или иные воздействия со стороны общества (в теории систем это называется «вводом» или «входом» в систему) соответствующими решениями, политическими программами и направлениями политики («выход»).

Политический режим — совокупность средств и методов реализации властных отношений в обществе, определяющая степень свободы и правовое положение личности.

Полудемократия — политический режим, при котором демократические и авторитарные тенденции уживаются друг с другом и составляют стабильную основу.

Постиндустриальное общество — понятие, означающее общественный порядок, приходящий на смену индустриальному обществу. Одни исследователи (Д.Белл, Ж.Фурастье) связывают его со сферой услуг, в отличие от промышленной экономики, другие (Г.Беккер, А.Турен) — с интеллектуальной сферой (наука, образование, здравоохранение), обслуживающей человеческий капитал в отличие от промышленных инвестиций; третьи — с постэкономическим человеком, ориентированным не столько на материальный уровень жизни, сколько на ценности качества жизни.

Правовое государство — государство, не только насаждающее универсально действующие юридические нормы, но и само подчиняющееся им — ограничивающее свои действия конституционно-правовыми нормами.

Пропорциональная избирательная система — система, при которой партии получают в парламенте долю мест, равную доле полученных ими голосов избирателей.

Пропаганда — целенаправленное распространение информации с целью сформировать нужное мнение и, возможно, спровоцировать определенные политические действия; коммуникация в манипулятивных целях.

Соборность — концепция общественного устройства, восходящая к русскому философу А.С.Хомякову (1804-1860), который определил его так: «Соборное Единство есть единство свободное и органическое, живое начало которого есть Божественная благодать взаимной любви». В отличие от тоталитарной коллективности модель, которой В.И.Ленин определял в виде общества, «организованного как единая фабрика», соборное единство имеет в виду модель общества, организованная как храмовая община.

Согласительная демократия — демократия, функционирующая на основе распределения власти и тесном сотрудничестве между партиями или политическими группировками.

Социализация — процесс усвоения личностью в ходе взросления социальных ролей, норм и ценностей того общества, к которому она принадлежит.

Социальное государство — государство, ответственное за состояние социально незащищенных граждан, имеющее соответствующие социальные программы и институты, смягчающие последствия рыночной конкуренции.

Социальный капитал. Понятие «капитал» относится ко всему тому, что используется в производстве товаров и услуг. Концепция «социального капитала», появившаяся в 1970-х годах, имеет в виду социальные и политические факторы, лежащие в основе производства материальных благ. Войдя в широкий оборот, это понятие отражает те силы «внутреннего сцепления», которые присутствуют в общественных отношениях, ассоциациях и коллективах, а также в социальных нормах и человеческих отношениях — во всем том, что содействует гражданской активности общества. Социальный капитал — это обязательное условие нормальной жизнедеятельности сообщества и общественного управления. Подобно капиталу в его чисто экономическом понимании, социальный капитал может сокращаться и возрастать — через образование и вообще гражданскую активность людей. Упадок социального капитала в современном обществе связывается с несколькими факторами — «дефицитом родительства», ростом индивидуализма, усилением социальной и географической мобильности. Критики концепции полагают, что социальный капитал есть следствие, а не причина демократии, и что сама концепция игнорирует воздействие фактора экономического благосостояния на гражданскую культуру и активность.

Социальная справедливость — распределение материальных благ, имеющее моральное обоснование; близко к идее равенства.

Теократия — форма правления, при которой глава духовенства, церкви одновременно является и фактическим правителем государства.

Теория рационального выбора — подход к политике, основанный на том допущении, что люди руководствуются рациональными принципами и действуют только в своих интересах; «экономическая» теория политики.

Тирания — система правления, отличающаяся особой жестокостью и бесконтрольностью власти. У Аристотеля — режим, связанный с вырождением демократии в диктатуру, опирающуюся на одобрение и поддержку охлоса (черни).

Тоталитаризм (от лат. total — весь, целый, совокупный) — система насильственного политического господства, характеризующаяся полным подчинением общества, его экономической, социальной, идеологической,

духовной и даже бытовой жизни власти господствующей элиты, возглавляемой лидером (фюрером, вождем и т.п.).

Унитарное государство — государство, не предоставляющее автономии входящим в него регионам и сосредоточившее все решения в центре как единственном носителе суверенитета.

Формационная теория — теория о закономерной смене фаз общественного развития, представляющих своего рода лестницу восхождения человечества от низших ступеней к высшим.

Харизма (греч. — божественный дар, благодать) — термин введен в социально-политические науки немецкими учеными Э.Трельчем и М.Вебером. Харизматическое лидерство основано на исключительных качествах избранной личности, способной внушить веру и энтузиазм массам.

Хунта — буквально, совет; клика (обычно военная), пришедшая к власти в ходе революции или государственного переворота.

Шариат — исламское право, базирующееся, по убеждению мусульман, на божественном откровении и идущее от Корана, учения Мухаммеда и других источников.

Экономическая модель «тигров» — модель быстро развивающейся и ориентированной на экспорт экономики, характерная для Японии, а также Южной Кореи, Сингапура и Тайваня.

Этатизм (от фр. *etatism*) — убеждение или теория о том, что государственное вмешательство есть оптимальный способ разрешения политических проблем и стимулирования социально-экономического развития. Этот взгляд подкреплен глубокой верой в государство как механизм, помогающий организовать коллективные действия и добиться общих целей. Государство рассматривается, таким образом, как нравственный идеал (по Гегелю) или институт, исполняющий «общую волю» и стоящий на страже общественных интересов. Наиболее яркое отражение этатизм находит в правительственной политике по регулированию экономического развития, варьирующейся от выборочной национализации и управления экономикой до корпоративизма в его либеральной и фашистской форме и государственной коллективизации по советскому образцу. Управление экономикой иногда называют *дирижизмом* (от фр. *diriger* — руководить).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А.С. Макиавелли как политический мыслитель. – М., 1980.
- Алексеева Т. Легітимність влади в період транзиту // Політична думка. – 1998. – №3-4.
2. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор; Учебное пособие. – М., 2002. – С.69-92, 110-132.
3. Андреев С.С. Политический режим и политическая демократия // СПН. – 1992. – № 2,3.
4. Андрусак Т.Г. Історія політичних та правових вчень. – Львів: Вид. центр ЛНУ ім. І.Франка, 2001. – 218 с.
5. Аренд Х. Vita activa или о деятельной жизни. – СПб. – 2000. – С.228-323.
6. Аренд Х. Истоки тоталитаризма. – М., 1996.
7. Аристотель. Полития. Соч. в 4-х т. Т.4. – М., 1983.
8. Арістотель. Політика / Пер.з давньогр. О.Кислюка. - К.: Основи, 2000.
9. Асмус В.И. Платон. – М., 1975.
10. Бебик В.М. Базові засади політології: історія, теорія, методологія, практика. - К.: МАУП, 2000.
11. Безродкий Є.Ф. Світова класична думка про державу і право: Навч. посібник / Є.Ф. Безродний, Г.К. Ковальчук, О.С. Масний. – К.: ЮрІнкомІнтер, 1999. – 401 с.
12. Борзунова Е.Д. Социологические концепции легитимности власти Т.Парсонса и М.Вебера: сравнительный анализ // Социс. – 1997. – №9.
13. Бурдые П. Социология политики. – М., 1993.
14. Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А. Современный Левиафан. – М., 1985. – С. 217.
15. Бусыгина И.М. Политик-интерпретатор и его слово //Полис. - 2000. - с. 152-155.
16. Вебер М. Избранные произведения. – М. 1997.
17. Высоцкий А.Ю. Легитимность: анализ понятия // Грани. – 2003. – №1.
18. Гаджиев К.С. Методологические принципы политологии //Вестн. МГУ. Сер. 12. Социально-политические исследования. - 1994. - №3.
19. Гоббс Т. Левиафан. Соч. В 2-х т. Т.2 – М., 1990.
20. Даль Р. Введение в теорию демократии. – М., 1992.

21. Даль Р. О демократии / Пер. с англ. А.С.Богдановского, под ред. О.А.Алякринского. – М.: Аспект Пресс. – 2000. – 208 с.
22. Дегтярев А.А. Политическая власть как регулятивный механизм социального общения // Полис. – 1996. – №3.
23. Дегтярёва М.И., Разработка понятия суверенитета Жаном Боденом//Нова політика. – 2000. – №1.
24. Дергачов О., Полохало В. Метаморфози посткомуністичної влади.// Політична думка. – 1996. – №7.
25. Доган М. Легитимность режимов и кризис доверия // СОЦИС. – 1994. – №4.
26. Доган М. Падение традиционных ценностей в Западной Европе: религия, государство-нация, власть //МЭ и МО. – 1999. – №12.
27. Доган М. Эрозия доверия в развитых демократиях // МЭиМО. - 1999.№ 5,6.
28. Дюверже М. Политические партии /пер. с фр.-М.,2000.-С.300-307
29. Зельницький А., Удовенко П. Політичні партії і вибори. – К.: ІУЕП "Гарант квалі", 2003.
30. Ильин М.В., Мельвиль А.Ю., Фёдоров Ю.Е. Основные категории политической науки //Полис. - 1996. - №4.
31. Ильин М.В., Мельвиль А.Ю. Власть // Полис. – 1997. – №6.
32. История политических и правовых учений: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности и направлению «Юриспруденция» / Под общ. ред. В.С. Нерсесянса.-2-е изд. – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2001. – 727 с.
33. Категории политической науки. Учебник. – М.: МГИМО, РОССПЭН. –2002.
34. Карл Т.Л., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы. (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) // Полис. – 2004. – №4.
35. Класики політичної думки: від Платона до Маркса Вебера: Пер. з нім. / Під ред. Є. Причепія. – К.: ТанDEM, 2002. – 584 с.
36. Кокорська О.І., Кокорський В.Ф. Політична культура: теоретико-методологічні проблеми //Наук. зап. Нац. ун-ту «Києво-Могилян. акад.» – 2002. – Т. 20: Політ. науки.
37. Краснов Б.И. Политология как наука и учебная дисциплина // Социально-политический журнал. - 1995. -№1.

38. Лазоренко О.В., Лазоренко О.О. Теорія політології. Навч.пос.- К.: Вища школа, 1996.-С. 8-24.
39. Лассуел Г. Психопатология и политика.М., 2000.
40. Ле Бон Г. Психология народов и масс. – СПб., 1896. – С.159.
41. Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю. Сравнительная политология, мировая политика, международные отношения: развитие предметных областей.//Полис.- 1999. - №4. Макиавелли Н. Государь. – М., 1990.
42. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ // Полис. – 2000. – №1.
43. Ледяев В.Г. Формы власти: типологический анализ // Полис. – 2000. – №2.
44. Лоуренс Ле Дюк. Учасницька демократія: референдуми у теорії та на практиці / Пер з англ. Р. Ткачук. Гол. ред. Дж. Перлін. – Харків: Центр Освітніх Ініціатив. – 2002.
45. Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты. Теоретико-методологические и прикладные аспекты. – М., 1999.
46. Мельвиль А.Ю. О траектории посткоммунистических трансформаций // Полис. – 2004. – №2.
47. Мірошніченко М.І. Історія вчень про державу і право: Навч. посіб. /Мірошніченко М.І., Мірошніченко В.І.; Нац. акад. внутр. справ України. – К., 2001. – 223с.
48. Мигранян А. М. Плебисцитарная теория демократии Макса Вебера и современный политический процесс // Вопросы философии. – 1989. – №6.– С. 148-158.
49. Назаров М.М. Политические ценности и политический протест. М.,1995.
50. Основы демократії: Навч. посібник для студентів вищих навчальних закладів /Авт. колектив: М.Бессонова, О.Бірюков та ін. Заг.ред. А. Колодій. –К: "АйБі". – 2002. – 684с.
51. Пахарєв А. Багатопартійність і партійна система — поняття не тотожні //Віче.- 2002.-№2.
52. Платон. Государство //Собр. соч.: В 4-х т. – М., 1994. Т.3.
53. Політичний енциклопедичний словник: Навч.пос. - К.: Генеза, 1997.- С.274.
54. Политическая наука: Политические партии и партийные системы в современном мире: Сб. науч. тр. / РАН.ИНИОН. – М.: ИНИОН РАН, 2006. – 284 с.

55. Політологія: Історія та методологія / За ред.Ф.М.Кирилюка. – К., 2000.
56. Політологія / За ред.Бабкіної О.В., Горбатенка В.П. – 2-е вид. перероб і доп. – К.,2001.
57. Попик Я. Чим є і чим не є політична теорія //Нова політика. — 1997. - №4.
58. Потульницький В.А. Нариси з української політології (1819-1991).- К.: Либідь, 1994.
59. Примуш Н.В. Современная западная политическая теория: основные парадигмы исследования. (На примере англо-американской и французской политологических школ): Уч. пос. по курсу политологии. - Д: «ДонГУ». - 1994. -36с.
60. Примуш М.В. Вибори. Демократія. Партії. //Політика і час. – 2000. – №5-8.
61. Примуш М.В. Демократія і багатопартійність // Політика і час. – 2001. – №2.
62. Примуш М.В. Історія і теорія політичних партій. – Донецьк: "Китис", 2000. – 260с.
63. Примуш М.В. Політична орієнтація політичних партій //Трибуна. – 2000. – №5-6.
64. Примуш М.В. Політичні партії: механізми інституалізації і структурної трансформації: автореф. дис. д-ра політ. наук. – Львів, 2003.
65. Примуш М.В. Політичні партії на виборах //Віче, 2003. – №10.
66. Примуш М.В. Право і утворення політичних партій / Право України. –2004.- №1.
67. Пушкарева Г.В. Политическое поведение: теоретико-методологические проблемы политического анализа.-М.,2003.С.82-88.
68. Разумович И.Н. Политическая и правовая культура: идеи и интересы Древней Греции. – М., 1980.
69. Рябов С.Г. Політологічна теорія держави. - К., 1996. П.Федотов А.П. Глобальный кризис и новое содержание понятия «политика» // Социально-политический журнал. - 1995. - №2.
70. Салтовський О. Ідея української державності в історії вітчизняної політичної думки (від витоків до початку ХХ сторіччя): Автореф. дис. д-ра політ, наук. – К., 2003.

71. Саміло Г. Політичні партії як складова частина політичної системи демократичної держави // Підприємництво, господарство і право. – 2003. – №4.
72. Себайн Дж., Торсон Т. Історія політичної думки. A history of political theory . – К.: Основи, 1997. – 838 с.
73. Скиба В.І. Вступ до політології: Екскурс в історію правниче-політ. думки / Скиба В., Горбатенко В., Туренко В.; За заг. ред. В.Скиби. – К.: Основи, 1998. – 720 с.
74. Тоффлер Э. Революционное богатство / Э.Тоффлер, Х.Тоффлер: – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ПРОФИЗДАТ, 2008. – С.146-221.
75. Тоффлер О. Проблема власти на пороге XXI века // Свободная мысль. – 1992. – №.
76. Фукуяма С. Конец истории? // Вопросы философии. – 1990. – №3.
77. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века./ Пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 2003.
78. Хижняк З.И. Киево-Могилянская академия. – К.,1998.
79. Хейвуд Э. Политология: Учебник для студентов вузов / пер. с англ. Под ред. Г.Г. Водолазова, В.Ю. Бельского. – М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
80. Черненко А.М. Українська національна ідея. – Дніпропетровськ. – 1994. – С.44-84,107,121.
81. Чичерин Б.Н. Политические мыслители древнего и нового мира: Классики истории и философии права. – СПб.: Ун-т МВД России: Лань, 1999. – 336 с.
82. Шляхтун П.П. Політологія. Підручник. - К.: 2002.
83. Шульженко Ф.П. Історія політичних і правових вчень: Навч. посіб. – К.: Юрінком Інтер, 2002. – 304 с.
84. Яременко О., Міщенко М. Політичні уподобання українців як чинник впливу на політичні процеси // Політична думка. – 2000. – №1. – С. 3-18.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Модуль политология.....	3
Программа модуля «Политология».....	4
Социально-политический процесс как явление и понятие.....	5
История политической мысли.....	28
Политическое поведение и политическая деятельность	47
Политическая власть.	53
Политическая система общества.....	62
Политические режимы современности.....	72
Государство как базовый институт политической системы.....	81
Политические партии и избирательные системы.....	102
Политическая культура общества.....	115
Политическая идеология. Современные политические течения.....	129
Словарь использованных терминов.....	154
Литература.....	163

Навчальне видання

РАДІОНОВА Людмила Олексіївна
СЕМЕНЮК Катерина Сергіївна

Політологія

Курс лекцій

(для студентів 2-3 курсів усіх форм навчання, усіх спеціальностей)

(Рос. мовою)

В авторській редакції

Комп'ютерне верстання *Є. Г. Панова*

Дизайн обкладинки *І. П. Шелехов*

План 2012, поз.112Л

Підп. до друку 4.12.2012 р.

Друк на ризографі

Тираж 300 пр.

Формат 60x84/16

Ум. друк. арк. 10

Зам. №

Видавець і виготовлювач:

Харківська національна академія міського господарства,
вул. Революції, 12, Харків, 61002

Електронна адреса: rectorat@ksame.kharkov.ua

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи: ДК №4064 від 12.05.2011 р.